

Брюс Хоффман

Терроризм - взгляд изнутри

Глава 1.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Что такое терроризм? Найдется немного слов, столь прочно укоренившихся в словаре современного человека. Взять хотя бы слово «Интернет» — еще один слишком часто употребляемый термин, который также стал неотъемлемой частью жаргона конца XX века. Большинство людей имеет обобщенное и достаточно смутное представление о том, что является собой терроризм, многим недостает ясного и по-настоящему правильного толкования данного слова. Подобная неясность поддерживается отчасти современными средствами массовой информации, чьи попытки передать зачастую сложную и запутанную информацию при наименьших затратах эфирного времени и печатного пространства привели к беспорядочному клеймению словом «терроризм» проявлений насилия самого широкого спектра. Откройте любую газету, включите любой канал телевидения, и в одной и той же программе или статье вы найдете несопоставимые между собой действия, названные одним словом — «терроризм», будь то подрыв здания, убийство главы правительства, расстрел мирных жителей военным подразделением, отравление продуктов питания на полках магазинов или преднамеренное заражение лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта в аптеке. Факт остается фактом, но, в сущности, любое открытое проявление насилия, расцененное обществом как антисоциальное, — неважно, проведено ли оно настроенными против правительства диссидентами или самим правительством, преступными группировками или отдельными преступными лицами, учиняющей беспорядки толпой или вооруженными активистами, лицами с психическими отклонениями или вымогателями — называется терроризмом.

Толковый словарь — не лучший нам помощник. Наиболее авторитетный источник на английском языке, всеми почитаемый Оксфордский толковый словарь дает крайне мало информации по вышеозначенному вопросу. Его трактовка слишком буквальна и исторична, чтобы использовать ее для описания современного феномена. Она приведена ниже.

Терроризм. Система террора.

1. Политика устрашения, подобная той, которую проводила правящая партия во Франции в ходе Великой французской революции с 1789 по 1794 год; любая система террора.

2. обыч. Политика, призванная устрасить тех, против кого она направлена; применение методов устрашения; факт запугивания или пребывание в состоянии запугиваемого.

Ни одно из приведенных выше толкований нам не подходит. Из подобного определения прочитавший не узнает, что же такое есть терроризм. Вместо этого он почерпнет в первую очередь некие сведения из истории, а также узнает устаревшее значение данного слова, которое в отношении к современному использованию термина «терроризм» представляется бесполезным анахронизмом. Второе определение представляется более полезным. Оно точно передает такое качество терроризма, как устрашение. Однако оно довольно широко и включает в себя любые действия, которые могут устрасить и запутать любого человека. Хотя это определение отчасти передает суть явления, все же оно недостаточно для точного определения современного феномена под названием «терроризм».

Чуть более удовлетворительное объяснение можно отыскать в том же словаре, открыв толкование слова, которое означает злоумышленника, совершающего террористический акт.

Словарь дает следующее определение слова «террорист»:

1. Политический термин;

а) употребляется для обозначения якобинцев и их сподвижников, а также партизан, действовавших в годы Великой французской революции, в особенности тех, кто принимал участие в революционных трибуналах в эпоху террора;

б) любой, кто пытается продвигать собственные взгляды методом систематического насильственного запугивания; спец. термин употребляется для обозначения членов любой из экстремистских революционных организаций в царской России.

Такое определение куда более уместно. Во-первых, оно непосредственно знакомит читателя с политическим подтекстом слова «терроризм». Далее мы увидим, что этот характерный признак терроризма является первостепенным в понимании его целей и мотиваций. Этот признак также является решающим в проведении различия между терроризмом и прочими формами насилия.

Термин «терроризм» в наиболее широко применяемом сегодня смысле имеет исключительно политическую окраску. Терроризм также неизбежно связан с властью: с погоней за властью, с приобретением власти и с использованием ее для достижения политических изменений. Таким образом, терроризм есть насилие или, что не менее важно, угроза насилием, используемая и нацеленная на достижение или продвижение некоей политической цели. Поскольку этот существенный момент должным образом подчеркнут, читатель может оценить значимость дополнительного определения понятия «террорист», предлагаемого Оксфордским толковым словарем английского языка, приведенного выше: «Любой, кто пытается продвигать собственные взгляды методом систематического насильственного запугивания». Это определение четко выражает другой характерный признак терроризма, определяя террористический акт как хорошо спланированное, просчитанное и систематическое действие. Однако если объяснение термина столь просто, то почему так сложно определить, что же такое терроризм? Наиболее вероятная причина — то, как часто изменялось значение этого термина на протяжении двух последних столетий.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «ТЕРРОРИЗМ»

Слово «терроризм» впервые получило распространение в годы Великой французской революции. В отличие от современного его значения, в ту эпоху этот термин имел исключительно положительный оттенок. Система управления, называемая режимом террора, появившаяся в 1793—1794 годах, от которой и произошло английское слово «терроризм», была установлена ради поддержания порядка в анархический переходный период, последовавший за восстаниями 1789 года и отмеченный беспорядками и потрясениями, как это случалось в ходе революций в других странах. Таким образом, в отличие от терроризма в современном понимании, означающем некую революционную или антиправительственную деятельность, проводимую негосударственными или субнациональными организациями, режим террора был инструментом управления нового революционного государства. Его назначением было также укрепление власти нового правительства путем устрашения тех, кто вел контрреволюционную, подрывающую интересы новой власти деятельность, а также диссидентов, рассматриваемых режимом как враги народа. Комитету общественной безопасности и Революционному трибуналу (в современном языке — Народному суду) соответственно были вверены широкие полномочия для ареста и осуждения, а также публичной казни на гильотине лиц, обвиняемых в предательстве, иначе—в реакционной деятельности. Таким образом, каждый гражданин хорошо усвоил, чем может грозить ему сопротивление новому революционному порядку или проявление ностальгии по старому режиму.

По иронии судьбы терроризм в своем первоначальном значении был тесно связан с идеями добродетели и демократическими взглядами. Лидер революционного движения Максимилиан Робеспьер твердо верил, что добродетель должна стать основным побуждением для деятельности народного правительства в мирное время, однако в беспокойное время революционных потрясений она должна объединяться с террором ради процветания демократии. Он часто апеллировал к добродетели, без которой террор становится злом, однако и добродетель без поддержки террора становится беспомощной. Робеспьер заявлял: террор есть не что иное, как правосудие, скорое, строгое и непреклонное, и тем не менее он является эманацией добродетели.

Несмотря на подобное отличие от более позднего значения, термин «терроризм» времен Великой французской революции все же имеет, по крайней мере, две важные характеристики, совпадающие с современным его значением. Во-первых, режим террора не носил ни случайный, ни беспорядочный характер, какой приписывают террору современные средства массовой информации, а, наоборот, действовал упорядоченно, продуманно и систематично. Во-вторых, единственной его целью и оправданием служило создание «нового и лучшего общества» взамен старой, неизлечимо коррумпированной и недемократической политической системы, что роднит режим террора с терроризмом в современном понимании. В самом деле, неопределенное и утопическое толкование главных задач революции, предложенное Робеспьером, замечательным образом сходно настроем и сущностью с напыщенными, пропитанными идеями «светлого будущего» манифестами, издаваемыми многими революционными террористическими, преимущественно левосторонними марксистскими организациями. К примеру, в 1794 году Робеспьер сделал заявление, имевшее зловещее сходство в манере выражения с официальными сообщениями революционных группировок, таких, как немецкая Фракция Красной армии и итальянские Красные бригады, существовавших два века спустя. Заявление было следующим:

«Нам необходим такой порядок вещей, <...> при котором искусства будут служить украшением свободы, облагораживающей их, а торговля станет источником благосостояния для простого народа, а не способом наживы, питающим чудовищную роскошь единиц. Для своей страны мы требуем нравственности взамен эгоизма, честности взамен хваленой чести, закона взамен приверженности традициям, исполнения долга взамен следованию законам морали, власти разума взамен следованию моде, осмеяния безнравственности взамен презрения к малоимущим...»

Судьба Великой французской революции, как и прочих революций, была печальной — она уничтожила сама себя. Восьмого термидора[1] второго года по новому календарю, принятому революционным правительством (26 июля 1794 года), Робеспьер объявил Национальному конвенту, что располагает новым списком лиц, предавших идеи революции[2]. Экстремисты, опасаясь, что оказались в этом списке, объединились с приверженцами умеренных взглядов, отрекшись и от Робеспьера, и от его режима террора.

Робеспьер и его ближайшие сторонники встретили ту же судьбу, что и 40 тысяч казненных на гильотине[3]. Таким был конец террора; впоследствии термин «терроризм» стал обозначать любые злоупотребления официальной власти с открытым криминальным подтекстом. Спустя год после казни Робеспьера английское слово «терроризм» стало известно общественности благодаря работам Эдмунда Берка[4], автора памфлетов против Великой французской революции, писавшего о «тысячах адских псов, называемых террористами, которых спустили на невинных людей».

Одним из наиболее далеко идущих последствий Великой французской революции стал импульс, который эта революция дала всем антимонархическим движениям в Европе. Раболепство народа перед монархами, получившими свою власть от Бога посредством божественного права на царствование, а не в результате всенародных выборов, все больше ставилось под вопрос на разбуженном политическими изменениями континенте. С приходом националистических идей, включавших представление о государственности и гражданстве, основанных на национальной общности подданных государства вместо принадлежности к королевскому роду, стали появляться новые государства-нации, подобно Германии и Италии. Между тем значительные социально-экономические изменения, вызванные индустриальной революцией, привели к появлению новой «универсалистской» идеологии (пример — коммунизм/марксизм), порожденной отчуждением и эксплуататорскими условиями капиталистического мира XIX века. В этой атмосфере зарождалась новая эпоха террора, во время которой понятие «терроризм» приобрело свое основное, знакомое современному миру значение революционной антиправительственной деятельности. Его основоположником, возможно, является итальянский революционный демократ Карло Пизакане, пожертвовавший титулом герцога Сан Джовани ради того, чтобы встретить смерть во время злополучного мятежа против правления династии Бурбонов в 1857 году[5]. Пизакане стал известен вовсе не тем, что являлся ярким сторонником федерализма и мютюэлизма[6], а своей теорией о «пропаганде действием»[7], главная идея которой оказала огромное влияние на умы бунтовщиков и террористов последующих эпох. «Пропаганда идеи — недостижимая цель, — писал Пизакане. — Идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не дает людям свободы, но свобода способна дать познания». Применение насилия, по словам Пизакане, необходимо не только для привлечения внимания общества или предания огласке идеи, но ради просвещения, обучения и, наконец, сплочения народа во имя

революции. Он также утверждал, что морализующее действие насилия превосходит по своей эффективности издание памфлетов, настенных плакатов или устройство собраний.

Возможно, первой организацией, применившей теорию Пизакане, стала «Народная воля». Она была основана в 1878 году[8] и представляла собой небольшую группу русских конституционалистов[9], бросивших вызов царизму. Для «Народной воли» апатия и отчуждение русского народа не оставляло иного пути, как обратиться к смелым и зрелищным актам насилия, призванным привлечь внимание к вышеозначенной группе и ее целям. Однако в отличие от многих террористических группировок конца XIX века, также использовавших принцип «пропаганды действием» для оправдания беспричинного убийства мирных граждан в попытке донести свои идеи до общественности через шок и ужас, вызванный массовым кровопролитием, народовольцы демонстрировали почти донкихотское отношение к насилию, ими творимому. Для народовольцев пропаганда действием означала, прежде всего, избирательное уничтожение отдельных лиц, которые, по их мнению, являлись воплощением автократического и тиранического режима[10]. Таким образом, главными их жертвами становились: царь, ближайшие его родственники, высокопоставленные государственные чиновники. Их уничтожение имело огромное символическое значение, ведь каждый из них являлся олицетворением коррумпированной и деспотической власти. Существенным моментом в идеологии этого движения было то, что ни одной лишней капли крови не должно проливаться ради идеи, какой благородной или полезной она бы ни казалась. Несмотря на то, что своих жертв они выбирали с крайней осторожностью и осмотрительностью, народовольцев не покидало чувство глубочайшего сожаления о том, что им приходится лишить жизни другого человека. Непокколебимое следование этому принципу нагляднее всего проявилось во время неудачного покушения на жизнь великого князя Сергея Александровича[11], проведенного организацией — преемницей «Народной воли» в 1905 году. Когда показалась царская карета, террорист, которому было поручено уничтожить великого князя[12], обнаружил, что вместе с ним в карете находятся его дети[13], и отменил выполнение миссии, не желая нанести вред семье князя. Великий князь был убит во время следующего нападения[14]. В качестве сравнения можно привести подрыв самолета рейса 103 авиакомпании «Пан-Американ» в воздухе над Локерби, Шотландия, произведенный террористами в декабре 1988 года, унесший жизни 259 человек — невинных мужчин, женщин и детей, находившихся на борту, а также одиннадцати жителей городка, на который упали обломки самолета.

По иронии судьбы самое громкое деяние народовольцев положило конец их деятельности. Первого марта 1881 года активисты этого движения совершили убийство Александра II. Провал предыдущих восьми заговоров против царя подтолкнул народовольцев на крайние меры ради успешного завершения задуманного. Каждого из четырех добровольцев снабдили взрывным устройством и разместили по нескольким маршрутам следования царского эскорта. В то время как двое из них стояли в ожидании на одной улице, санная повозка, в которой находился царь, приблизилась к месту, где находился первый террорист. Он кинул бомбу в проезжающие сани, но промахнулся на несколько сантиметров. Вся свита пришла в смятение, в то время как казаки из царского эскорта схватили незадачливого преступника. Царь вышел из саней, чтобы рассмотреть раненного взрывом случайного прохожего. Как рассказывает история, царь произнес: «Слава Богу, я цел», после чего из толпы вынырнул второй заговорщик и взорвал бомбу, убив и себя, и царя[15]. На головы народовольцев обрушился весь гнев правительства. Действуя согласно информации, полученной от арестованного заговорщика, тайная полиция атаковала явки активистов и их убежища. Им удалось схватить почти всех заговорщиков, которых тут же осудили и приговорили к казни через повешение. Новая информация, полученная в результате облав, навела полицию на прочих лиц, причастных к заговору. Таким образом, спустя всего год после убийства царя на свободе остался всего один народоволец. Но и она вскоре была арестована[16]. К 1883 году первое поколение террористов «Народной воли» прекратило свое существование, однако позже появились различные преемственные организации, продолжившие борьбу народовольцев[17].

К тому времени последствия устранения царя не могли быть известны ни приговоренным к казни, ни тем, кто томился в тюрьмах или был сослан в Сибирь. Но вдобавок к тому, что деятельность народовольцев положила начало свержению царизма в России, она еще и оказала огромное влияние на умы отдельных революционеров и антимонархических группировок по всей стране. Принцип пропаганды действием, использованный в антиправительственной деятельности «Народной воли», стал моделью для подражания для зарождающегося анархического движения[18]. Спустя четыре месяца после убийства царя группа лиц с радикальными убеждениями созвала в Лондоне «конференцию анархистов», которая публично поддержала устранение монарха, превознесла казнь тирана как способ достижения революционных изменений.

Надеясь возглавить мировое движение анархистов, участники конференции решили организовать Анархистский интернационал (иначе «Черный интернационал»). Хотя эту идею так и не удалось воплотить в жизнь, как и прочие амбициозные намерения, известность, которую принесла им несуществующая Международная партия анархистов, способствовала созданию мифа об их притязании на мировую революцию и таким образом породила страхи и подозрения, превосходящие их реальные успехи на политическом фронте. Однако террор, осуществленный анархистами, был несоизмерим с их притязаниями и некоординируем. Движение делало ставку на действие отдельных лиц или небольших групп схожих во взглядах активистов, что делало их обнаружение и предотвращение актов террора особенно трудным для полиции, и это лишь увеличивало страхи властей. К примеру, вслед за убийством президента США Уильяма МакКинли, осуществленным в 1901 году молодым беженцем из Венгрии Леоном Чолгошем[19], который не являлся членом какой-либо группировки анархистов, но попал под влияние их идей, Конгресс США незамедлительно издал закон, запрещающий членам движения анархистов или любому, «кто разуверился в действиях правительства или противостоит ему», въезжать на территорию Соединенных Штатов. Однако при том, что анархисты были ответственны за целую серию убийств глав государств и ряд особенно крупных взрывов, организованных в период с 1878 года по 20-е годы прошлого столетия[20], в общем и целом их движение кроме волны страха, чьи масштабы зачастую преувеличивают, произвело самое незначительное воздействие на политическую ситуацию как у себя в стране, так и во всех странах, где велась их деятельность. Однако в движении анархистов имеется одна интересная деталь: широко известно, что технические достижения, появившиеся в ходе информационной революции XX столетия, сделали доступными материалы по способам изготовления и применения бомб, а также многие другие приемы, используемые террористами. Их можно получить через Всемирную сеть Интернет, на компьютерном компакт-диске, или в обычной библиотеке, или книжном магазине. Однако почти за век до этого одним из наиболее развитых направлений деятельности анархистов было кустарное изготовление и распространение инструкций типа «сделай сам» и изданий, рассказывающих о методах насилия и нанесения ущерба[21].

В канун Первой мировой войны терроризм по-прежнему сохранил революционный подтекст. К началу войны растущие беспорядки и брожения в обществе, вызванные идеологией партии ирредентистов[22], уже будоражили распадающиеся Османскую и Габсбургскую империи. В 80-х и 90-х годах XIX столетия армянское военизированное националистическое движение в Турции использовало террористические методы и приемы в отношении Османского господства, которые позже будут взяты на вооружение многими этнонациональными и сепаратистскими движениями, возникшими после окончания Второй мировой войны. Целью армянского движения было одновременное нанесение удара по деспотическому чуждому режиму путем неоднократных атак на колониальное правительство и службы охраны, с целью получить поддержку местного населения, а также привлечь внимание мировой общественности. Примерно в то же время в районе, охватывающем территорию современных Греции, Болгарии и Сербии, действовала Внутренняя македонская революционная организация[23]. Хотя македонцев не постигла ужасная судьба жителей Армении в годы Первой мировой войны — тогда погибло около одного миллиона армян, а само их истребление считается первым государственным геноцидом[24], Македонская революционная организация так и не приблизила Македонию к обретению статуса независимого государства. Впоследствии эта организация превратилась в преступную группировку, состоящую из наемных бандитов и политических убийц.

События в Боснии, приведшие к Первой мировой войне, получили большую известность, так как явно оказали катастрофическое влияние на положение дел во всем мире. Небольшие группы настроенных против правительства националистов — преимущественно сербская интеллигенция, студенты и даже школьники, назвавшиеся «Млада Босна», или «Молодая Босния», — протестовали против власти Габсбургов. Хотя это движение характеризуется некоторыми историками как организация, состоящая из «обманутых, нищих, подавленных и неспособных к адаптации подростков» (а ведь многие наблюдатели именно так отзываются о современных террористах сегодня, называя их безмозглыми, одержимыми и неприспособленными к жизни людьми), именно представитель движения «Молодая Босния», Таврило Принцип, совершил убийство австрийского престолонаследника, эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 года[25]. Это происшествие положило начало цепи событий, ввергших мир в Первую мировую войну. Кажущиеся на первый взгляд неумелыми юнцами члены «Молодой Боснии» были горячо преданы идее обретения южными славянскими народами — словенцами, хорватами и сербами — политической независимости и активно применяли убийство высокопоставленных лиц для достижения этой цели. В этом отношении у «Молодой Боснии» было больше общего с радикальными республиканцами, вроде Джузеппе Мадзини[26], наиболее яркого сторонника

объединения Италии в XIX веке, чем с движениями наподобие «Народной воли», несмотря на то, что и те и другие разделяли мнение о геноциде тирании как о наиболее эффективном методе борьбы. И все же самым заметным различием была степень вовлечения и размеры поддержки акции «Молодой Боснии» прочими сербскими теневыми националистическими организациями. Особенно сербским тайным обществом под названием « Народна обрана», или «Народная оборона», «Народна обрана» была основана в 1908 году для содействия сербской культурной и национальной деятельности. Впоследствии эта организация начала использовать более жестокие методы борьбы, после того как движение все больше втягивалось в противостояние австрийскому господству. Их деятельность включала террористические акты, проводимые по большей части в соседней Боснии и Герцеговине. Несмотря на то, что интересы «Народной обраны», действующей от лица лишь сербов, не совпадали с целями участников движения «Молодая Босния», имеющими более масштабные планы по объединению всех южных славян, лидеры обеих организаций были довольны тем, что управляли и пользовались эмоциональным характером боснийских националистов и молодых фанатиков в собственных целях.

«Народна обрана» активно занималась вербовкой, подготовкой и вооружением молодых активистов Боснии и Герцеговины, принадлежавших к таким движениям, как «Молодая Босния», которых затем задействовали в бунтарских актах, направленных против правящей династии Габсбургов. Как раз за четыре года до убийства эрцгерцога подросток из Герцеговины, подготовленный офицером сербской армии, имевшим связи с «Народной обраной», совершил покушение на губернатора Боснии. Однако, несмотря на то что в ряды «Народной обраны» входили высокопоставленные чиновники из правительства Сербии, это движение не контролировалось исключительно государством и не зависело от него напрямую. Сколь бы слабыми ни являлись связи этой организации с государственной властью, но и они были намеренно стерты, когда в 1911 году от «Народной обраны» отделилась радикальная фракция, организовавшая собственное движение под названием «Уединенье или смрт», то есть «Союз или смерть», более известное под названием «Црна рука», или «Черная рука». Эта отколовшаяся группа отличалась большей воинственностью и скрытностью и была охарактеризована одним историком как вобравшая в себя «наиболее отталкивающие черты ранних анархистских ячеек, причастных к целой серии убийств в Европе, чьи методы, освещенные в трудах русских анархистов, повлияли на деятельность молодых сербских активистов, а также на членов американской организации под названием Ку-клукс-клан. Они практиковали кровавые ритуалы и клятвы верности, убийства отступников, присвоение личных номеров, распространение среди сподвижников взрывчатых веществ и огнестрельного оружия. Между Боснией и Сербией существовал постоянный канал».

Эта группа, продолжавшая поддерживать тесные связи с породившей ее организацией, состояла в основном из офицеров Сербской армии. Возглавлял группу подполковник Драгутин Дмитриевич[27] (более известный под псевдонимом Апис[28]), который являлся начальником разведывательной службы Генерального штаба Сербской армии. Располагая прямым доступом к военной технике, оборудованию для наблюдения и разведки, а также для военной подготовки, «Черная рука» эффективно осуществляла контроль над всеми секретными операциями сербских групп в Боснии[29], хотя существовала явная связь между сербской армией, «Черной рукой» и «Молодой Боснией», было бы ошибкой рассматривать эту связь как прямое подчинение, скорее как непосредственный контроль. Несомненно, сербское правительство было хорошо осведомлено о целях «Черной руки» и жестоких способах их достижения. Взять хотя бы тот факт, что сербский кронпринц Александр был одним из покровителей организации. Однако это не означало, что сербское правительство также являлось ярим сторонником войны с Австрией, как лидеры «Черной руки», или что оно готово было дать разрешение на осуществление организацией куда более решительных планов по разжиганию международной террористической деятельности, направленной против Габсбургов. Есть некоторые свидетельства, которые позволяют предположить, что «Черная рука» пыталась натравить Австрию на Сербию и таким образом столкнуть две страны в военном конфликте, активно поощряя заговор «Молодой Боснии» с целью убийства эрцгерцога. По свидетельству одного ревизиониста о событиях, предшествующих убийству, несмотря на то, что пистолет, из которого стрелял Принцип, был взят со склада оружия сербской армии в Крагуеваце[30] и предоставлен ему «Черной рукой», и хотя Принцип проходил подготовку в лагере «Черной руки» в Сербии, прежде чем его тайком переправили назад за границу незадолго до предполагаемого убийства, в последний момент Дмитриевич склонился под давлением правительства к тому, чтобы отменить покушение, и попытался остановить убийцу. Согласно этой версии, Принцип и его подельщики отказались подчиниться новому приказу и продолжили выполнение плана. Таким образом, вопреки распространенному мнению, убийство эрцгерцога не было напрямую заказано или санкционировано сербским правительством. Однако

невяные связи между высокопоставленными лицами из правительства, старшим военным руководством и якобы независимыми, транснациональными террористическими организациями, а также хитросплетение интриг, тайных заговоров, подпольное снабжение оружием и военная подготовка, проведение разведки и предоставление политического убежища, которые являлись неотъемлемой частью этих связей, дают возможность провести историческую параллель с современным явлением, таким, как спонсируемый государственными структурами терроризм (имеется в виду активная и зачастую тайная поддержка, снабжение и помощь, предоставляемые иностранным правительством какой-либо группе террористов).

В 30-х годах XX столетия значение термина «терроризм» снова изменилось. Теперь он в меньшей степени использовался для описания деятельности революционных движений и актов насилия, направленных против государства или его правителей, и все больше для обозначения массовых репрессий, проводимых тоталитарными государствами и правителями-диктаторами и направленных против народа. Таким образом, термин вновь приобрел свое прежнее значение, а именно злоупотребление государственной властью, и стал применяться исключительно по отношению к авторитарным государствам, таким, как фашистская Италия, нацистская Германия и Россия эпохи сталинизма. В Германии и Италии приход к власти Гитлера и Муссолини по большей части зависел от улицы, то есть были задействованы банды фашистов и чернорубашечников для устрашения и преследования политических оппонентов и искоренения прочих козлов отпущения, их публичного поношения и уничтожения. «Террор? Никогда!» — утверждал Муссолини, спокойно низводя подобные методы устрашения до «всего лишь <...> социальной гигиены, когда из общества удаляются отдельные элементы, словно вредоносные бактерии из организма». Наиболее мрачным аспектом этой формы террора было то, что она превратилась в неотъемлемую часть режимов нацизма и фашизма, исполняемую по воле и в полном подчинении правящей политической партии, взявшей под контроль страну и ее народ. Система запугивания и насилия, санкционированная государством, функционировала посредством политических скандалов, уличных боев и повсеместного преследования евреев, коммунистов и прочих лиц, объявленных врагами народа, и стала тем средством, с помощью которого обеспечивалось полное согласие с действующим режимом. Тоталитарный характер правления и искажение понятия государственной власти, пожалуй, наиболее ярко отразились в речи Германа Геринга, которую он произнес, будучи назначенным на пост министра внутренних дел Пруссии в 1933 году. «Граждане Германии, — заявил он, — меры, принимаемые мной, ни в коей мере не будут изменены под давлением критики. Меры, принимаемые мной, ни в коей мере не будут изменены бюрократией. Я не буду беспокоиться о соблюдении законности. Моя миссия — это уничтожение и искоренение, и ничего более. Эта борьба будет направлена против хаоса, и эту борьбу я не стану вести силами внутренней полиции. Так поступило бы только буржуазное государство. Безусловно, я буду использовать силы государства и полиции по мере возможностей, друзья коммунисты, так что не делайте поспешных выводов. Это будет борьба насмерть. Мой кулак сожмет ваши шеи, а помогать мне будут чернорубашечники».

Великий террор, режим, который вскоре после этого установит в России Сталин, одновременно и отличался и имел сходство с нацистским режимом. С одной стороны, черпая идеи в жестоком уничтожении Гитлером своих политических оппонентов, советский диктатор похожим образом преобразовал политическую партию, ставшую в его руках полезным инструментом, а силы милиции и аппарата безопасности в услужливых рабов, призванных осуществлять акты насилия, принуждения и репрессий. Но обстановка в Советском Союзе в 1930-е годы имела мало сходства с бурными политическими социальными и экономическими потрясениями, происходившими в Италии и Германии в 1930-х и даже 1920-х годах. С другой стороны, в отличие от нацистов и фашистов, чьи партии пришли к власти посредством всеобщего кризиса в стране и которые затем боролись за укрепление собственной власти и непоколебимого авторитета, советская Коммунистическая партия к середине 1930-х годов прочно держалась у власти уже более десяти лет. Сталинские чистки, в отличие от тех, что имели место во время Великой французской революции, и даже тех, что происходили в дореволюционной России, были начаты не во времена кризиса, революции или войны, а когда Россия пребывала в относительном спокойствии и даже благополучии. Таким образом, политические репрессии, проводимые Сталиным, стали, по словам одного из его биографов, Роберта С. Такера, «заговором ради удержания тотальной власти методами террора», обернувшимся казнями, ссылками и тюремными заключениями, а также насильственным использованием труда миллионов человек в общественных целях.

Несомненно, схожие формы диктуемого и проводимого государством насилия и террора против собственных граждан применяются и сегодня. Использование так называемых «отрядов смерти», в ряды которых, как правило, входят отставные военные или сотрудники органов безопасности в

штатском, вкупе с открытым устрашением политических оппонентов, а также защитников прав человека, студенческих организаций, профсоюзов, журналистов и прочих лиц стало очевидным признаком военных диктаторских режимов, установленных в Аргентине, Чили и Греции в 1970-е годы, и даже конституционных правительств Сальвадора, Гватемалы, Колумбии и Перу в середине 1980-х. Однако эти санкционированные правительством или попросту заказные акты внутреннего политического насилия, направленного по большей части против населения страны, когда те, кто уже стоит у власти, правят народом при помощи устрашения и насилия, обозначаются термином «террор», чтобы отделить данное явление от терроризма, под которым понимают насилие, осуществляемое негосударственными организациями.

Вслед за Второй мировой войной, после очередной смены значения слова «терроризм», это понятие вновь приобрело революционный оттенок. Именно с ним терроризм наиболее часто увязывается сегодня. В то время термин использовался прежде всего в связи с насильственными бунтами, устраиваемыми различными группами националистов и выступающих против колонизации активистов из коренного населения, вспыхивающими в Азии, Африке и на Ближнем Востоке в конце 1940-х и в 1950-х годах с целью противостоять европейскому господству. Такие непохожие одна на другую страны, как, к примеру, Израиль, Кения, Кипр и Алжир, получили независимость отчасти благодаря деятельности националистических движений, активно применявших методы терроризма против колониальных властей. Именно в это время в результате того, что мировое сообщество, чьего сочувствия и поддержки активно добивались многие из этих движений, придало политическую законность борьбе за национальную независимость и самоопределение, в моду входит политически корректное понятие «борец за свободу». Многие страны третьего мира, а также страны социалистического блока, совсем недавно получившие независимость, приняли этот общеупотребительный термин, аргументируя это тем, что любой человек или любое движение, борющееся против колониального гнета и/или западного господства, не должны считаться террористами, но борцами за свободу. Эта позиция наиболее четко выражена председателем Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом в его обращении к Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 1974 года. «Разница между революционером и террористом, — заявил он, — заключается в причине борьбы. Ибо тот, кто делает благородное дело и борется за свободу и освобождение своей страны от захватчиков, переселенцев и колонистов, не может называться террористом».

В конце 1960-х и в 1970-е годы терроризм продолжал рассматриваться в революционном контексте. Однако этот термин теперь охватывал националистские и этнические сепаратистские группы, выходявшие за рамки колониальных или неоколониальных стран, а также радикальные и идеологически мотивированные организации. Лишенные гражданских прав или высланные из страны представители национальных меньшинств, объединенные в такие движения, как Организация освобождения Палестины, Квебекская группа сепаратистов, носящая название «Фронт освобождения Квебека», баскская ЭТА (Эускади Та Аскатасуна, или «Свобода и Баскония») и даже до сих пор никому не известная группа сепаратистов с Молуккских островов, требующая независимости от Индонезии, избрали терроризм в качестве способа привлечения внимания общественности к себе и своей деятельности, во многих случаях с определенной целью — вызвать сочувствие и получить поддержку от мирового сообщества, как это делали их предшественники антиколониалисты. Примерно в то же время разнообразные левые политические экстремисты, набранные из рядов радикально настроенных студенческих организаций, а также представителей марксистско-ленинских/маоистских движений Западной Европы, Латинской Америки и США, начали объединяться в террористические группы, чья деятельность была направлена против американской интервенции во Вьетнаме и того, что они называли неустрашимым социальным и экономическим неравенством, характеризующим современное капиталистическое либерально-демократическое государство.

Хотя упомянутые выше революционно настроенные этнонациональные и этносепаратистские группы по-прежнему формируют общественное представление о терроризме, за последние годы этим термином стали обозначать куда более широкий спектр явлений подобного характера. В начале 1980-х годов, к примеру, терроризмом называли предумышленные действия, осуществляемые с целью дестабилизации Запада, являвшиеся частью глобального заговора. Такие книги, как «Сеть террора» Клэр Стерлинг, распространяли в среде американской президентской администрации и восприимчивых к этой идее правительств других стран представление о том, что кажущиеся независимыми террористические акты, совершаемые отдельными группами по всему миру, на самом деле являлись звеньями одной цепи в крупномасштабном заговоре, руководимом из Кремля и приводимом в исполнение странами Варшавского договора с целью уничтожения свободного мира. Однако к середине 1980-х в

результате серии взрывов, устроенных террористами-камикадзе, в большинстве случаев направленных против американских дипломатических миссий и военных объектов на Ближнем Востоке, все больше внимания стало уделяться растущей угрозе государственного терроризма. Следовательно, это явление, в соответствии с которым различные правительства таких стран-изгоев, как Ирак, Иран, Ливия и Сирия, были активно вовлечены в спонсирование и выполнение террористических актов, заменило теорию коммунистического заговора против Запада, как, впрочем, и основной контекст, в котором рассматривался терроризм. Таким образом, он стал ассоциироваться со скрытой или суррогатной войной, посредством которой слабые государства могли бороться с более мощными противниками, не боясь их возмездия.

В начале 1990-х годов область применения и значение слова «терроризм» были еще более размыты появлением двух новых «умных» словечек: «наркотерроризм» и так называемый «феномен переходной зоны»[31]. Первый термин вновь напомнил о теориях заговора, руководимого Москвой, существовавших ранее, а также ввел новый важный аспект — торговлю наркотиками. Таким образом, наркотерроризм был определен одним из ярких сторонников теории заговора как «использование наркоторговли для осуществления стратегических целей некоторых государств и террористических организаций, в число которых входили Советский Союз, Куба, Болгария, Никарагуа и прочие». Однако акцент, сделанный на наркотерроризме как позднейшем проявлении коммунистического заговора против западного общества, произвел нежелательный эффект, отведя внимание правительств от реальной угрозы. В куда больших пределах, чем когда-либо, полностью криминальные (то есть применяющие насилие и экономически мотивированные) организации теперь создавали стратегические союзы с террористическими и партизанскими организациями или сами применяли насилие для особых политических целей. Растущая власть колумбийских наркокартелей, а также их тесные связи с левыми террористическими группами в Колумбии и Перу, неоднократные попытки разрушить колумбийскую избирательную систему и подорвать деятельность правительства, которое придет следом, являет собой наиболее известный пример этой линии терроризма.

Те, кто хотел привлечь всеобщее внимание к феномену переходной зоны, были в меньшей степени озабочены крупномасштабными заговорами и в большей степени пытались выявить все более изменчивую и нестабильную природу межнациональных конфликтов во времена, последовавшие за эпохой «холодной войны». В соответствии с этим в 90-х годах терроризм стали все чаще относить к феномену переходной зоны. Таким образом, последний термин стал использоваться для обозначения «угрозы стабильности национальных государств, исходящей от негосударственных исполнителей и не подконтрольных государству движений и организаций», а также для определения насилия, оказывающего влияние на население «огромных территорий или городской зоны, где власть перешла от законного правительства к новым полурадикальным полукриминальным структурам». Наконец, этот термин объединил в одну категорию военные конфликты, которые более не вписывались в рамки традиционных представлений о ведении войны как о сражении вооруженных сил двух или более воюющих стран, но вместо этого осуществлялись иррегулярными силами в лице одного и более человек. Значение слова «терроризм» вновь изменилось и, перестав быть явлением внутринационального насилия, теперь стало обозначать один из элементов либо часть системы негосударственных конфликтов.

ПОЧЕМУ ТЕРМИН «ТЕРРОРИЗМ» ТРУДНО ПОДДАЕТСЯ ОПРЕДЕЛЕНИЮ?

Неудивительно, что с постепенной сменой значения и области использования данного термина, следовавшей за изменениями в политическом жаргоне и дискурсе, которые были характерны для каждого отдельно взятого периода, становилось все труднее составить четкое определение понятия «терроризм». Раньше и сами террористы прилагали для этого куда больше усилий, чем делают это сейчас. Ранние активисты прямо высказывали свои идеи и не прятались за семантическими баррикадами более достойных названий «борец за свободу» или «городской партизан». К примеру, члены движения анархистов в XIX веке открыто и уверенно объявили себя террористами, а свою тактику терроризмом. Народовольцы также без колебаний называли этими словами себя и свои деяния. Однако подобная прямота скоро исчезла. Еврейская террористическая группа, существовавшая в 1940-х, называвшаяся «Лехи» (от Лохамей Херут Исраэль, или «Борцы за свободу Израиля»[32]), более известная под названием «Группа Штерна» по имени ее основателя Авраама Штерна[33], считается одной из последних террористических организаций, публично заявлявших, что является таковой. Однако важно отметить, что даже «Лехи», отличавшаяся прямотой в высказывании своих взглядов по сравнению с поздними двойниками, избрала в качестве названия не громкое «Террористы Израиля», а довольно умеренное «Борцы за свободу Израиля». Сходным образом два десятилетия спустя бразильский

революционер Карлос Маригела[34] высказал сожаление по поводу того, что открыто пропагандировал террористические методы борьбы, хотя продолжал настаивать на том, чтобы он сам и его сподвижники считались городскими партизанами, а не городскими террористами. Из работ Маригелы становится ясно, что ему было хорошо известно о нежелательной коннотации этого слова и что он пытался насытить его позитивными оттенками. «Слова "агрессор" и "террорист", — писал Маригела в своем знаменитом «Учебнике городской партизанской войны» (также известном под названием «Мини-руководство»[35]), — более не означают то, что означали ранее. Вместо страха и осуждения они являют собой призыв к действию. Называться агрессором или террористом в Бразилии — это честь для каждого гражданина, так как это означает признание его борцом, сражающимся с оружием в руках против чудовищной диктатуры и страданий, которые она принесла».

Подобная склонность к еще более извилистым семантическим изыскам с целью отхода от негативного подтекста понятия «терроризм» стала, если хотите, закономерностью в последние десятилетия. Почти все без исключения террористические организации в настоящее время при выборе названия сознательно избегают слова «терроризм» в любых формах. Вместо этого они избирают те слова, которые созвучны со следующими понятиями:

- свобода и освобождение (например, Национальный освободительный фронт, Народный фронт освобождения Палестины, «Свобода и Баскония» и т.д.);
- армия или прочие военные структуры (например, Национальная военная организация, Народная освободительная армия, Пятый батальон армии свободы и т.д.);
- прочие национальные освободительные движения (например, Африканское движение сопротивления, группа защиты Шанкила, Организация защиты свободного народа, Организация защиты евреев и т.д.);
- праведный гнев (Организация угнетенных людей Земли, Справедливые мстители за армянский геноцид, Палестинское общество мщения и т.д.);
- прочие организации осторожно выбирают названия, намеренно нейтральные и лишённые всякого негативного оттенка, вызывающие самые безобидные ассоциации и намеки, как то; «Сверкающий путь», «Линия фронта», «Аль-Дава» (Зов), «Альфарио жив — будь он проклят!», «Ках» (Так), «Аль-Га-мат», «Аль-исламия» (Исламская организация), Движение Молодежи Лантеро и пр.

Все эти примеры указывают на то, что террористы не видят или не считают себя теми, кем являются. «Прежде всего, я семейный человек», — заявил французской газете отъявленный террорист Карлос Шакал после его ареста в 1994 году. Постоянно обороняясь, вынужденные с оружием в руках защищать свои жизни и жизни реальных или вымышленных предводителей, террористы считают себя бойцами поневоле, ведомыми отчаянием, лишенными всякой альтернативы и творящими насилие в борьбе с репрессивным правительством, соперничающими с этническими или националистскими группами или непреклонным международным порядком. Такая отличительная черта, как самопожертвование, также выделяет террористов как среди прочих разновидностей политических экстремистов, так и среди лиц, сходным образом вовлеченных в незаконные насильственные мероприятия. Коммунист или революционер, например, скорее с готовностью признал бы, что является коммунистом или революционером. В самом деле, многие без сомнения с гордостью бы заявили, что являются либо тем, либо другим. И даже человек, занимающийся незаконной, исключительно бесчестной или эгоистической деятельностью, связанной с насилием, такой, как ограбление банков или исполнение заказных убийств, признал бы, что является грабителем или заказным убийцей. В противоположность им террорист никогда не признает, что является террористом, и более того, пойдет на все, лишь бы скрыть свою принадлежность к террористической организации. Терри Андерсон, американский журналист, который был захвачен в заложники и пробыл семь лет в плену у ливанской террористической организации «Хезболла», рассказал о беседе с одним из охранников. Охранник высказал возражения против того, что газеты называют участников «Хезболла» террористами. «Мы не террористы, — гордо заявил он, — мы борцы». На это Андерсон ответил: «Хадж, вы и есть террорист. Загляните в словарь. Вы террорист, и если вам не нравится это слово, не делайте этого». Террорист всегда будет доказывать, что настоящими террористами являются само общество, правительство или социально-экономические условия страны и ее законы, и более того,

если бы не это угнетение, то он бы не чувствовал потребность защищать себя или сообщество, которое он представляет. Другой яркий пример процесса, направленного на затуманивание понятия «терроризм», можно найти в книге «Невидимые армии», написанной шейхом Мухаммадом Хусейном Фадлалла-хом, духовным лидером ливанской террористической организации, причастной к похищению Андерсона. «Мы не считаем себя террористами, — поясняет Фадлаллах, — потому что не верим в терроризм. Мы не считаем борьбу с захватчиком терроризмом. Мы называем себя моджахедами (священными воинами), которые сражаются во имя священной войны своего народа».

Но все сходятся, по крайней мере, в одном: терроризм — уничижительный термин. Это слово имеет негативный внутренний оттенок и служит для обозначения врагов или противников либо тех, с кем мы не согласны и при других обстоятельствах проигнорировали бы. «Что называть терроризмом, — писал Брайан Дженкинс[36], — зависит от нашей точки зрения. Использование этого термина подразумевает внутреннее осуждение. И если одна сторона успешно навешивает ярлык «терроризм» на своего противника, то косвенно убеждает других принять свои моральные принципы». Следовательно, решение называть кого-либо террористом или вешать этот ярлык на какую-либо организацию, безусловно, становится субъективным и по большей части зависит от того, симпатизируем или противопоставляем мы себя человеку/движению/делу, о котором идет речь. Если мы отождествляем себя с жертвой насилия, значит, это можно назвать терроризмом. Если же мы смотрим на это глазами нарушителя, акт насилия представляется нам заслуживающим понимания или даже положительным действием (на худой конец, вызывающим двойственные чувства) и не является терроризмом.

Последствия подобных логических выводов наиболее ясно были продемонстрированы в ходе обменов мнениями между государствами — членами ООН Западной Европы и остальными европейскими странами, последовавшими за бойней во время Олимпиады в Мюнхене в 1972 году, в ходе которой были убиты одиннадцать израильских спортсменов. Дебаты начались с заявления Генерального секретаря ООН, которым тогда был Курт Вальдхайм, о том, что ООН не должна оставаться сторонним наблюдателем в то время, когда во всем мире террористами совершаются акты насилия, но принимать необходимые меры для предотвращения дальнейшего кровопролития. В то время как большинство государств — членов ООН поддержали предложение Генерального секретаря, несогласное меньшинство, включавшее многие арабские государства, а также африканские и азиатские страны, сорвали дискуссию, утверждая (с тем же рвением, что и Ясир Арафат в своем обращении к Генеральной Ассамблее спустя два года), что «люди, борющиеся за освобождение от иноземного гнета и эксплуатации труда, имеют право использовать любые методы для выражения протеста, включая применение силы».

Делегаты от стран третьего мира подкрепили свою позицию двумя доводами. Во-первых, все истинные борцы за освобождение без различия классифицируются режимами, против которых они выступают, как террористы. Нацисты, к примеру, называли террористами группы Сопротивления, боровшиеся против немецкой оккупации. Моулей эль-Хассен, представитель Мавритании, отметил, что «все освободительные движения называются террористическими теми, кто вверг их в нищету и рабство». Следовательно, осуждая терроризм, ООН тем самым закрепила власть сильных над слабыми и признанными субъектами права над непризнанными претендентами, по сути, выступив в поддержку существующего положения вещей. По словам Чен Чу, помощника представителя КНДР, таким образом ООН предлагала лишить «угнетенные народы и нации» единственного действенного оружия, с помощью которого возможно противостоять «империализму, колониализму, неоколониализму, расизму и израильскому сионизму». Во-вторых, делегаты от стран третьего мира приводили убедительные доводы в пользу того, что в данном случае уместно говорить не о самом насилии, но о «причинах, порождающих его», а именно: «нищете, неудовлетворенности, недовольстве и отчаянии», толкающих людей на насилие. По словам представителя Мавритании, который вновь объяснил, что термин «террорист» вряд ли можно применять к лицам, которым отказано в элементарнейших правах человека, а именно достоинстве, свободе и независимости, и чьи страны борются с иноземной оккупацией. Когда этот вопрос вновь был поднят год спустя, Сирия заявила, что «мировое сообщество имеет правовые и моральные обязательства поддержать освободительные движения и противостоять любым попыткам сравнения борьбы за свободу с терроризмом и незаконным насилием». В результате так и не выработавшая единого мнения о терроризме ООН стала прилагать больше усилий для укрепления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, выходя за рамки соглашений по отдельным вопросам данной проблемы (связанным, например, с дипломатией и гражданской авиацией).

Противоположный подход, когда отождествление с жертвой приводит к классификации акта насилия как терроризма, наглядно проявился в итогах работы парламентской рабочей группы НАТО (организации, состоящей из занимающих общепринятую позицию западных государств). В итоговом отчете подкомитета ассамблеи НАТО за 1989 год по вопросам терроризма говорится: «Убийство, похищение, поджог и прочие незаконные действия расцениваются нами как преступления, однако многие государства с большой неохотой осуждают террористические акты, считая их борьбой за национальное освобождение». Из подобных рассуждений можно сделать следующий вывод: определяющая характеристика терроризма — это сам акт насилия, а не мотивации, оправдания или основания для его применения. Подобный подход уже давно используется такими аналитиками, как Дженкинс, которые считают, что терроризм должен определяться «природой самого действия, а не принадлежностью его исполнителей и не характером их деятельности». Но такое решение проблемы также нельзя назвать удовлетворительным, так как оно не проводит четкого различия между насилием, творимым государствами, и насилием негосударственных террористических организаций. Таким образом, оно играет на руку террористам и их защитникам, которые скажут, что между самодельной бомбой, изготовленной из железной трубки и помещенной в мусорный бак на переполненном людьми базаре, которая беспорядочно и жестоко убивает или калечит всех в радиусе, измеряемом десятками метров, и высокотехнологичными точнонаводимыми снарядами, сброшенными бомбардировщиком с высоты 6000 метров, которая с той же жестокостью и беспорядочностью сеет смерть на базаре, расположенном далеко внизу, нет разницы. Подобное логическое обоснование уравнивает беспорядочные акты насилия, совершенные военными силами противника против вражеских населенных пунктов (например, налеты «Люфтваффе» на Варшаву и Ковентри, бомбежки силами союзников Дрездена и Токио, атомные бомбы, сброшенные США на Хиросиму и Нагасаки во время Второй мировой войны, и стратегия применения стратегического ядерного оружия сверхдержав в послевоенное время, согласно которой в качестве цели намеренно избираются населенные гражданские пункты противника), с насилием, творимым над внутригосударственными образованиями, обозначенными как террористические, так как и в том и в другом случае страдали мирные граждане. Именно такая точка зрения была высказана в ходе вышеупомянутых дебатов ООН представителем Кубы, который заявил, что «методы борьбы, используемые национальными освободительными движениями, не могут быть объявлены незаконными, в то время как политика насилия, применяемая в отношении некоторых лиц (вооруженными силами независимых государств), считалась бы законной». Это вполне привычный аргумент. Как мы уже заметили, террористы намеренно скрываются за терминами военного жаргона. Они сознательно выдают себя за истинных борцов за свободу, если не солдат, которые хотя и не носят униформу или знаков отличия, должны считаться в случае поимки военнопленными, а не нести уголовное наказание за свои действия. Мало того, террористы считают, что вследствие их малой численности, куда меньшей огневой мощи и нехватки ресурсов по сравнению с мощными органами обороны и национальной безопасности государства, они не имеют иного выбора, кроме как действовать тайно, выходя из тени лишь для свершения эффективных (другими словами, кровавых и разрушительных) актов насилия, с целью привлечь внимание и получить огласку для себя и своего дела. Бомба в мусорной корзине, по их мнению, это всего лишь второстепенный прием в «арсенале малобюджетного войска» и единственный способ бросить вызов и тем самым обратить на себя внимание своего могущественного соперника — государства. «Как еще мы можем оказать влияние на положение вещей? — вопрошал один из политических помощников Арафата. — Гибель людей — это ужасно, но это присуще войне, в которую вовлечены невинные люди. Они не более невинны, чем палестинские женщины и дети, убитые израильскими солдатами, и мы готовы воевать по всему миру».

Но подобные рационалистические обоснования пренебрегают тем фактом, что даже при том, что национальные вооруженные силы принесли больше смертей и разрушений, чем это сделали или стремятся сделать террористы, все же остается одно фундаментальное качественное различие между этими двумя видами насилия. Даже у войны есть свои правила и принятые нормы поведения, которые запрещают использование определенных типов вооружения (к примеру, пуля с полым наконечником, пуля дум-дум, слезоточивый газ типа «Си-Эс», химическое или биологическое оружие), некоторых тактик и незаконных вторжений на целый ряд объектов. Соответственно, в теории, если и не всегда на практике, правила ведения военных действий (соблюдаемые с начала XVII века, когда они впервые были предложены голландским юристом Гуго Гроцием[37], и впоследствии вошедшие в международное законодательство в виде знаменитых Женевских и Гаагских военных конвенций 1860, 1899, 1907 и 1949 годов) не только дают гражданским лицам, не участвующим в военных действиях, иммунитет от нападения, но также:

- запрещают захват мирных граждан в качестве заложников;
- налагают правила обращения с захваченными в плен или сдавшимися солдатами (военнопленными);
- запрещают репрессалии как против гражданских лиц, так и против военнопленных;
- требуют признавать статус нейтральной территории и права граждан нейтральных государств, а также
- обеспечивают неприкосновенность дипломатических лиц и прочих уполномоченных представителей.

Даже поверхностное рассмотрение тактик террористов и объектов, ими атакованных за последние четверть века, показывает, что террористы нарушили каждое из вышеперечисленных правил.

Террористы нередко совершали:

- захват мирных граждан в качестве заложников, многих из которых они впоследствии жестоко умерщвляли (к примеру, бывший премьер-министр Италии Альдо Моро и немецкий бизнесмен Ханс Мартин Шлейер, которые были захвачены в плен и позже убиты Красными бригадами и Фракцией Красной армии);

- нанесение увечий и убийство похищенных ими военных чинов, даже при том, что те служили в миротворческих подразделениях ООН или осуществляли надзор во время перемирия (например капитан-лейтенант американской морской пехоты Вильям Хиггинс, командир отряда ООН по контролю за соблюдением перемирия, который был похищен ливанскими террористами-шиитами в 1989 году и впоследствии ими повешен[38]);

- репрессалии против мирных граждан, зачастую в странах, удаленных от официального «театра операций» террористов, пренебрегая таким образом статусом нейтральной территории и правами граждан нейтральных государств (например, жестокая атака с применением пулеметного огня и ручных гранат на турецких евреев-паломников в синагоге Стамбула в 1986 году, осуществленная палестинской организацией Абу Нидаля в ответ на налет израильских ВВС на базу повстанцев в южном Ливане);

и наконец,

- неоднократные нападения на посольства и прочие дипломатические и военные сооружения (например, подрыв зданий американского посольства в Бейруте и городе Кувейте в 1983 и 1984 годах, а также массовый захват заложников в резиденции посла Японии в Лиме, Перу, в 1966 — 1967 годах), намеренный захват дипломатических работников и прочих уполномоченных представителей (например, британского посла в Уругвае сэра Джеффри Джексона, похищенного левыми террористами в 1971 году, а также 52 американских дипломатов, взятых в заложники в здании дипломатической миссии в Тегеране в 1979 году).

Предположительно вооруженные силы независимых государств также были замечены в нарушении некоторых правил ведения военных действий. Однако, когда подобные правонарушения все же происходили, когда мирные граждане подвергались умышленным и жестоким нападениям во время войны и гибли от рук военных, для обозначения таких действий использовался термин «военное преступление». Какими бы несовершенновыми ни казались как международные, так и национальные средства судебной защиты, все же предпринимались определенные шаги для наказания нарушителя. Для сравнения, одним из главных обоснований существования терроризма является отказ подчиняться правилам ведения войны. Международный терроризм отвергает саму идею каких-либо ограничений в средствах ведения войны и демаркации военных угодий, и в меньшей степени признание нейтральных территорий. Таким образом, террористы неоднократно переносили свои местные конфликты на территории других, зачастую географически удаленных стран, не участвовавших в конфликте. И уже там

намеренно впутывали людей, не имевших никакой связи с делами или претензиями террористов, в совершение жестоких актов насилия ради привлечения внимания общественности.

Освещение деятельности террористов средствами массовой информации, которые были втянуты в споры о семантике термина, разделившие ООН в 1970 году и все еще продолжающие оказывать влияние на все аспекты проблемы терроризма, добавило еще больше неясности спорам о том, кого называть террористом, а кого борцом за свободу, закрепляя неясность и скрытый подтекст за жаргоном политического насилия во имя объективности и беспристрастности. Не желая казаться ни про-партизанскими, ни предвзятыми, американские СМИ, к примеру, прибегали к обозначению террористов, зачастую в одном и том же сообщении, как партизан, вооруженных бандитов, налетчиков, боевиков и даже солдат. Исследования случайной выборки сообщений американской прессы за период с июня по декабрь 1973 года о действиях палестинских террористов, взятой из архивов и базы данных по терроризму университета Сент-Эндрю в Шотландии, наглядно продемонстрировали подобную практику. Из восьми заголовков статей, посвященных одному и тому же происшествию, для обозначения нарушителей в шести случаях использовалось слово «партизаны» и только в двух — «террористы». В отношении статей наблюдалась еще одна интересная закономерность: в соответствии с сообщениями, в которых говорилось о только что совершенных особо ужасных и трагических преступлениях, то есть когда речь шла о гибели или ранении невинных людей (например, захват авиалайнера компании «Пан-Американ» в римском аэропорту, в ходе которого погибли 22 человека), преступников называли словом «террористы», а их действия — терроризмом (за исключением одной статьи, где это было сделано один раз, прежде чем снова вернуться к нейтральной терминологии — «боевики», «бойцы» и «атака партизан») чаще, чем в сообщениях о менее серьезных происшествиях. И все же одна передовица газеты «Нью-Йорк тайме» («New York Times»), менее сдержанной в описании данного происшествия, изображает его «кровавым» и «бессмысленным», а также использует слова «террорист» и «терроризм» попеременно с терминами «партизаны» и «экстремисты». Однако шестью месяцами ранее, когда та же газета вела рассказ о другом нападении террористов, в статьях полностью отсутствовали термины «террорист» и «терроризм». Вместо них использовались слова «партизаны» и «сопротивление» (как в словосочетании «движение Сопротивления»). Газета «Крисчен сайенс монитор» («The Christian Science Monitor»), рассказывая о захвате самолета в Риме, также избегала слов «террорист» и «терроризм», предпочитая им термины «партизаны» и «экстремисты»; в сообщении новостного агентства «Ассошиэйтед Пресс» («Associated Press»), опубликованном в номере «Лос-Анджелес тайме» («Los Angeles Times») на следующий день после происшествия, также используется слово «партизаны», тогда как две статьи газеты «Вашингтон пост» («Washington Post») на ту же тему называют преступников «боевиками» и «партизанами».

Эта рабская преданность терминологическому нейтралитету, которую впервые отметил более двадцати лет назад Дэвид Рапопорт[39], по-прежнему актуальна и сегодня. Статья 1997 года в «Интернэшнл геральд трибьюн» («International Herald Tribune»), парижской газете, выпускаемой совместно с «Нью-Йорк тайме» и «Вашингтон пост», сообщавшая об убийстве в Алжире тридцати человек, называла убийц террористами в заголовке, затем менее предосудительным термином «экстремисты» во вступительном абзаце и куда более неопределенным словосочетанием «исламские фундаменталисты» в третьем абзаце статьи. Для Алжира, который с 1992 года захлестнула неослабевающая волна насилия и кровопролития и где количество смертей в результате террористических актов превысило цифру в 75000, явно не хватает четкого разграничения понятий «террористы», простые «экстремисты» и обычные «фундаменталисты». В одинаковой степени заслуживает внимания статья, напечатанная на обороте той же страницы, где описаны «десятилетия не связанных между собой единичных партизанских вылазок Ирландской республиканской армии в Северной Ирландии». Однако полвека назад та же газета без малейших колебаний использовала слово «террорист», говоря о событиях в Израиле, произошедших до обретения им независимости, где два молодых еврея в ожидании казни за нападение на британские военные объекты покончили жизнь самоубийством. Другие сообщения прессы за тот же отрезок времени в лондонской «Тайме» и «Палестин пост» с равной легкостью назвали обстрел британской военной штаб-квартиры и государственного секретариата в иерусалимском отеле «Царь Давид» еврейскими террористами террористическим актом, совершенным террористами. Сходным образом и, возмояю, в самом прямом значении этого слова террористами называли коммунистических террористов, с которыми сражались британские силы в Малайе в 1940 — 1950-е годы. Тогда для краткости их называли КТ — коммунисты-террористы. И вот о чем говорил Рапопорт в 1970-е: «Стараясь подкорректировать язык в политических целях, журналисты способны сделать его абсолютно бесполезным».

В результате подобной склонности к уравниванию и сглаживанию оттенков на сегодняшний день не существует единого общепринятого понятия «терроризм». Различные департаменты и агентства даже одного и того же правительства зачастую совершенно по-разному понимают значение слова «терроризм». К примеру, Госдепартамент США использует такое определение терроризма, содержащееся в разделе 22 свода законов США, параграф 2656f (d):

«Предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое против мирных объектов субнациональными группами или секретными агентами, как правило, направленное на оказание влияния на общественность».

В то же время Федеральное бюро расследований (ФБР) США определяет терроризм как «незаконное применение силы либо насилия против лиц или собственности, направленное на устрашение или принуждение правительства, гражданского населения либо любого общественного сегмента ради достижения политических или социальных изменений».

Министерство обороны США дает следующее определение: «... незаконное применение силы по собственной воле либо по принуждению против лиц или собственности с целью устроить/оказать давление на правительство или общество, часто ради достижения политических, религиозных или идеологических целей».

Каждое из приведенных выше определений отражает приоритеты и интересы каждого из этих органов власти. Госдепартамент делает акцент на предумышленный и спланированный либо хорошо просчитанный характер действий террористов в противовес более спонтанным актам политического насилия. Это определение единственное из трех, где ударение ставится как на неизбежной политической подоплеке терроризма, так и на фундаментальной субнациональной характеристике террориста. Определение, используемое Госдепартаментом, однако, не показывает психологического аспекта терроризма. Угроза насилия так же страшна, как и сам акт насилия, поэтому терроризм помимо уничтожения объекта стремится оказать длительное психологическое влияние на широкую целевую аудиторию. Как лаконично подметил Дженкинс два десятилетия назад, «терроризм — это театр».

Учитывая, что миссия ФБР заключается в расследовании и раскрытии преступлений, в том числе и политических (терроризм), не удивительно, что предложенное им определение ставит на первое место совершенно иные аспекты. В отличие от толкования термина Госдепартаментом, это определение принимает во внимание психологические аспекты террористического акта, делая ударение на принудительную и устрашительную природу терроризма. Определение, используемое ФБР, также подразумевает гораздо более широкую категорию мишеней террористов, чем просто невоенные объекты, имея в виду не только правительства и граждан, но также неодушевленные предметы, такие, как частная и общественная собственность. Определение, предлагаемое ФБР, кроме того, признает, что главными целями террористической деятельности является влияние как на политическом, так и на социальном уровне, хотя и не дает по этому поводу более четких разъяснений.

Министерство обороны предлагает определение терроризма, которое, вероятно, является наиболее полным из трех. Главное место в нем отведено угрозе терроризма, как, впрочем, и непосредственному акту насилия. Отмечается, что целью террористов является как общество в целом, так и отдельные правительства. Затрагиваются религиозные и идеологические цели терроризма наряду с фундаментальными политическими целями, но любопытным образом упускает из виду социальный аспект, присутствующий в определении ФБР.

Не только отдельные учреждения внутри одного и того же правительственного аппарата не могут выработать единого определения терроризма. Эксперты по данному вопросу и признанные всеми ученые и филологи также не способны прийти к единому решению. В первом издании авторитетного изыскания «Политический терроризм: методика исследования» Алекс Шмид посвятил более сотни страниц рассмотрению ста с лишним определений терроризма, пытаясь таким образом найти наиболее полное и исчерпывающее. Четыре года спустя в своем втором издании Шмид так и не приблизился к цели исследования, признавшись в первой фразе переработанного издания, что «...поиск точного определения термина по-прежнему продолжается». Уолтер Лэкер признал невозможность отыскать определение терроризма в обоих изданиях монументального труда, посвященного данной проблеме, подкрепив это соображениями о том, что такая задача представляется ему невыполнимой и не стоящей затрачиваемых усилий.

«Десять лет споров о типологиях и дефинициях, — писал он об исследовании, проведенном Шмидом, — не слишком-то способствовали увеличению наших познаний в данном вопросе». Точка зрения Лэкера подкреплена различными словарными категориями, встречающимися в 109 дефинициях, рассмотренных Шмидом в его всестороннем исследовании (см. таблицу на с. 44).

В конце этого исследования Шмид спрашивает, содержит ли вышеприведенный список все элементы, необходимые для составления четкой дефиниции. Его ответ — «скорее всего, нет». Если отыскать определение слова «терроризм» невозможно, как утверждает Лэкер, или, по крайней мере, бесполезно пытаться собрать из этой головоломки действительно четкое определение термина, можем ли мы, по словам Шмида, сделать из этого вывод, что феномен терроризма не поддается четкому и даже более-менее ясному определению? Это не совсем так. Если найти определение терроризма невозможно, то мы можем, по крайней мере, успешно отделить его от прочих видов насилия и выделить характерные особенности. Тогда терроризм можно будет считать отдельным и самостоятельным проявлением политического насилия, каковым он и является.

Таблица 1. Повторяемость дефиниционных элементов в 109 дефинициях слова «терроризм»

Повторяемость элемента	в %
1. Насилие, применение силы	83,5
2. Политический	65
3. Подчеркнутый страх, террор	51
4. Угроза	47
5. (Психологическое) влияние и (ожидаемая) реакция	41,5
6. Различение «жертва — цель»	37,5
7. Намеренное, спланированное, систематическое, организованное действие	32
8. Метод борьбы, стратегия, тактика	30,5
9. Необычность (исключительность), нарушение общепринятых правил, отсутствие каких-либо ограничений по соображениям гуманности	30
10. Принуждение, вымогательство, призыв к одобрению	28
11. Получение огласки	21,5
12. Произвольность, случайный, неличный, неразборчивость, характер,	21
13. Выбор жертвы из числа мирных граждан, гражданских лиц, граждан нейтральных стран, лиц, не участвующих в конфликте	17,5
14. Запугивание	17
15. Подчеркнутая невинность жертв	15,5
16. Группа, движение, организация, правонарушителя, в качестве	14
17. Символический аспект, стремление продемонстрировать общественности свои взгляды	13,5

18.	Непрогнозируемый, непредсказуемый, неожиданный характер проявления насилия	9
19.	Тайная, подпольная деятельность	9
20.	Повторяемость, серийный или наступательный характер насилия	7
21.	Преступник	6
22.	Предъявление требований к третьим сторонам	4

Взято из книги: Schmid A.P. et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick: Transaction Books, 1998. P. 5 — 6.

ПРОВЕДЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ КАК СПОСОБ ВЫРАБОТКИ ДЕФИНИЦИИ

Начнем с партизанской войны. Терроризм часто путают, уравнивают и считают созвучным с партизанской войной. Это вполне оправданно, так как партизаны часто применяют ту же тактику (убийства, похищения, подрыв общественных зданий, взятие заложников и т.д.) с теми же целями (запугивание и принуждение, то есть оказание влияния на поведение людей посредством страха), что и террористы. К тому же террористы, как и партизаны, не носят ни специальной униформы, ни каких-либо знаков отличия и, таким образом, зачастую неотличимы от мирных граждан. Однако, несмотря на склонность смешивать и тех и других в одну общую категорию преступных лиц, между ними существуют коренные различия. Термин «партизаны», к примеру, в наиболее широком значении слова применяется для обозначения более многочисленной группы вооруженных лиц[40], которые действуют как военное подразделение, нападают на военные объекты противника, стремятся захватить и удержать территорию (пусть даже на одни сутки), при этом поддерживая контроль или суверенитет над отдельно взятой географической территорией и ее населением. Террористы, однако, не действуют в открытую, как вооруженные подразделения, не пытаются захватить какие-либо территории, намеренно избегают столкновений с вооруженными силами противника и редко осуществляют контроль или требуют верховенства над какой-либо территорией или ее населением.

Полезно будет провести различия между террористами и обычными преступниками. Как и террористы, преступники применяют насилие для осуществления определенных целей. Однако при схожести самих актов насилия — похищение, убийство, поджог — цель и мотивация различаются. Применяет ли преступник насилие для получения денег, материальной выгоды, или с целью убийства, или ранения жертвы ради вознаграждения, он действует исключительно в собственных интересах и ради собственной (материальной) выгоды. Более того, в отличие от терроризма, акт насилия, совершенный обычным преступником, не предполагает наличия последствий или оказания психологического давления. Преступник все же может использовать недлительный акт насилия для устрашения жертвы, например поднести к голове банковского служащего пистолет во время ограбления, чтобы добиться подчинения и покорности. Однако в таком случае грабитель банка не передает никакого (будь то политическое или иное) послания посредством совершения акта насилия, а лишь ускоряет передачу ему требуемых материальных благ, в данном случае денег. Следовательно, преступное действие не направлено на достижение какого-либо эффекта, помимо осуществления непосредственной задачи грабителя. Более того, насилие не направлено на передачу послания никому, кроме банковского клерка, чье содействие необходимо грабителю. И, возможно, самое главное — это то, что преступник не задается целью оказать влияние на общественное мнение. Единственная его цель — скрыться с награбленным или исполнить свой корыстный замысел как можно скорее и проще, так, чтобы получить свое вознаграждение и наслаждаться плодами своих криминальных трудов. В противоположность этому главная задача насилия, творимого террористами, — изменить в итоге систему. Обычному же преступнику до системы нет никакого дела.

Террорист также отличается от убийцы-фанатика, который может применять схожую тактику (убийство, подрыв) и, возможно, даже ставит перед собой те же цели (смерть политического деятеля). Однако при схожести тактики и объектов нападения террористов и убийц-фанатиков их цели различаются. Несмотря на то, что цель террориста является неизбежно политической (как правило, смена или существенное изменение политической системы посредством применения

насилия), цель убийцы-фанатика чаще всего является идиосинкратической, абсолютно эгоцентричной и глубоко личной. Случай с Джоном Хинкли, совершившим попытку покушения на жизнь президента США Рейгана в 1981 году ради привлечения внимания актрисы Джоди Фостер, как раз относится к рассматриваемому вопросу. Его действиями руководила не политическая мотивация и не идеологические убеждения, но глубоко личное желание произвести впечатление на своего кумира, убив президента. Эта целиком аполитичная мотивация ни в коей мере не может идти в сравнение с доводами народовольцев в пользу проводимой ими операции по устранению царя-тирана и его окружения, как, впрочем, и с попытками Ирландской республиканской армии убить премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и ее преемника Джона Мэйд-жора в расчете на резкую смену британской политики в отношении Северной Ирландии. Более того, как не может один человек называться политической партией, так и убийца-одиночка не должен считаться отдельной террористической группировкой. В этой связи, хотя убийство кандидата в президенты и сенатора Роберта Кеннеди Ширханом Ширханом[41] в 1968 году и имело политические мотивы (выражение протеста против поддержки США Израиля), нельзя с уверенностью назвать это убийство террористическим актом, так как Ширхан не принадлежал к какой-либо политической группе и действовал самостоятельно, движимый личной неудовлетворенностью и глубокой враждебностью, разделяемой лишь несколькими сторонниками. Чтобы называться терроризмом, насилие должно быть совершено организованной общностью с какой-либо конспиративной структурой и распознаваемой цепью управления, а не отдельным лицом, действующим по собственному желанию.

Наконец, следует особо подчеркнуть тот факт, что в отличие от обычного преступника или убийцы-фанатика террорист не преследует чисто личные цели, его действия не продиктованы желанием набить карман, или удовлетворить какую-либо личную потребность, или выразить свое недовольство. Террорист — это всегда альтруист: он верит, что служит «благому» делу, которое задумано с целью обретения лучшей доли для широкого круга сторонников, будь то вымышленные лица или реальные, интересы которых представляет террорист или террористическая организация. Преступник же не служит никакому делу, а лишь увеличению собственного благосостояния и материальному насыщению. В самом деле, как сказал Конрад Келлен, «террорист, не служащий какому-либо делу (хотя бы в собственном воображении), не террорист вовсе». И все же принадлежность к какому-либо делу или отождествление с ним не является достаточным критерием для отнесения лица к числу террористов. Таким образом, становится ясна разница между террористами и политическими экстремистами. Естественно, многие лица имеют самые разные радикальные и экстремистские воззрения и убеждения, и многие из них принадлежат к самым разным радикальным и даже незаконным и запрещенным политическим организациям. Однако если они не применяют насилие для осуществления своих замыслов, то не могут быть отнесены к террористам. Террорист — это, по существу, преступный интеллект, готовый и привыкший к использованию насилия для достижения цели.

Чтобы выявить различия между террористами и прочими преступными элементами, а также отделить терроризм от других видов насилия, мы выработали ряд критериев. Итак, терроризм является:

- исключительно политическим в своих целях и мотивах;
- насильственным или, что не менее важно, угрожающим насилием;
- предназначенным для оказания длительного психологического влияния, а не только уничтожения конкретной жертвы или объекта;
- проводимым организацией с распознаваемой цепью управления или конспиративной ячейечной структурой, чьи представители не носят униформу или знаки отличия; и наконец,
- учиняемым внутринациональной группой или негосударственным образованием.

Таким образом, мы можем попытаться определить терроризм как намеренное создание и использование страха путем применения насилия или угрозы насилия ради достижения политических изменений. Все террористические акты включают в себя насилие или его угрозу. Терроризм предназначен для оказания длительного психологического влияния, а не только уничтожения конкретной жертвы или объекта атаки террористов. Задача терроризма — сеять

страх изнурги и таким образом запугивать куда большую целевую аудиторию, которой может являться соперничающая этническая или религиозная группа, целая страна.

В апреле 1983 года «Хезболла» взорвали посольство США в Ливане национальное правительство или политическая партия, а также общественное мнение в целом. Терроризм предназначен для установления власти там, где ее нет, или для укрепления власти там, где она недостаточно сильна. Посредством огласки, создаваемой их насилием, террористы пытаются заполучить рычаг давления, влияние и власть, которых им не хватает для воздействия на политические изменения на мировом или локальном уровне.

Глава 2.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ЭПОХА: ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ/СЕПАРАТИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Хотя терроризм, движимый этнонациональными/сепаратистскими настроениями, появился в клонящихся к закату Османской и Габсбургской империях в три десятилетия, последовавшие за Первой мировой войной, лишь после 1945 года это явление превратилось в мировую силу, которая становилась все более значительной. Ее дальнейшее развитие стимулировали два независимых знаменательных события, произошедшие в начале Второй мировой войны. В то время невозможно было предвидеть последствия послевоенной антиколониальной борьбы, разразившейся в результате падения Сингапура и провозглашения Атлантической хартии. Так или иначе, оба события оказали сильное влияние на туземные националистические движения и продемонстрировали миру уязвимость некогда великих империй и фальшь военных клятв в поддержку самоопределения.

15 февраля 1942 года Британская империя потерпела самое унижительное поражение в истории, когда Сингапур сдался наступающим силам Японии. Вне зависимости от стратегической ценности Сингапура его подлинная значимость, по словам ведущего военного стратега своей эпохи Бэзила Лиддела Гарта[42], заключалась в том, что он являлся «главным символом власти Запада на Ближнем Востоке». Его легкий захват в феврале 1942 года подорвал престиж Британии, да и всей Европы, в Азии. Даже запоздалый его возврат под флаг Британии не смог залечить эту рану. Белый человек потерял свое превосходство, утратив магическую силу. Осознание его уязвимости стимулировало послевоенное распространение в Азии бунтов против европейского господства или вторжений».

И в самом деле, спустя всего лишь несколько недель японские войска захватили Голландскую Ост-Индию (Индонезию) и Бирму. Гонконг уже капитулировал в предыдущее Рождество, а более чем за год до того Япония установила свою власть во французском Индокитае. Таким образом, когда американский гарнизон, удерживавший остров Коррехидор на Филиппинах, наконец сдался в мае 1942 года, завоевание Японией Юго-Восточной Азии, а вместе с ним и крушение Британской, Французской, Голландской и Американской империй было завершено.

Эти события оказали сильное и длительное влияние на ход мировой истории. Коренные жители, которые ранее верили в неуязвимость своих колониальных владык, увидели прежних хозяев в совершенно ином свете. Не только Британская империя получила разящий удар по своей власти, но также и обязательства Америки поддерживать мир и безопасность в своих тихоокеанских владениях были нарушены. Полное бессилие Франции перед лицом японских войск, захвативших Индокитай, сильно подорвало имперский статус страны среди населения Вьетнама, тогда как в Индонезии раздаваемые японцами обещания независимости эффективно препятствовали любым изъявлениям верности по отношению к Голландии. В мгновение ока заявления европейских держав о том, что их азиатские подданные не способны на самоуправление, были опровергнуты политикой Японии, в которую входила передача власти местным администрациям и признание формальной независимости стран, которые они оккупировали. Парадоксально, но теперь во многих странах коренные жители получили власть над пришлыми европейцами, многие из которых теперь оказались в ситуации, когда нужно было

выполнять самую черную и тяжелую работу. Неудивительно поэтому, что даже тогда, когда ход войны стал более благоприятным для союзников, почти все жители стран, обретших относительную независимость, приняли решение больше никогда не допустить над собой европейского имперского господства.

Однако независимости и самоопределения требовали не только азиатские подданные клонящихся к закату европейских колониальных империй. Череда унижительных поражений ударила по мифу о европейском, а лучше сказать западном, могуществе и военном превосходстве, если не вселили. На Ближнем Востоке, как, впрочем, в Африке, Индии, средиземноморских странах и Северной Африке, коренное население было несогласно с перспективой вновь вернуться к довоенному колониальному порядку. Их стремления поддерживались обещаниями независимости и самоопределения, которые дали им союзники, хотя и не по своей воле, в начале Второй мировой войны. Как раз перед тем, Французские офицеры в Алжире как США вступили в войну в 1941 году, президент Франклин Рузвельт встречался с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем на военном корабле недалеко от побережья Ньюфаундленда для формирования задач обеих стран на послевоенный период. Результатом этой встречи стал документ в восьми пунктах, получивший название «Атлантическая хартия», чье основное назначение, по заключению Дэвида Томпсона, было «поразить противника справедливостью западной политики». Однако эффект документа простирался намного дальше этой возвышенной цели.

Первый пункт хартии содержал безобидное заверение обеих стран в том, что они не ищут от войны никаких выгод, «будь то увеличение территории или что-либо еще». Но именно во втором и третьем пунктах содержался источник будущих сложностей для европейских держав. Второй пункт недвусмысленно гласил, что ни Великобритания, ни США не желают «видеть <...> никаких территориальных изменений, идущих вразрез со свободно изъявляемой народами воли», тогда как в третьем пункте обе страны клялись в том, что будут «уважать право народа избирать ту форму управления страной, с которой они согласны». Эти принципы были закреплены Декларацией Объединенных наций, согласованной Британией и США 1 января 1942 года, которую затем подписали все государства, объявившие войну Германии, тем самым связав свои страны обязательством уважать клятвы, которые в некоторых случаях они не намерены были сдерживать. И хотя в первую годовщину подписания хартии Черчиллю удалось изменить и даже ужесточить условия первоначального соглашения, утверждая, что договор не был предназначен для того, чтобы изложенные в нем принципы использовались странами Азии или Африки, и в особенности Индией или Палестиной, но только теми народами, которые к тому времени были завоеваны Германией, Италией или Японией, ущерб все же был нанесен. И в самом деле, все последующие попытки европейских колониальных держав переопределить или по-новому истолковать Хартию так, чтобы она способствовала продлению их колониального правления, зашли в тупик.

Ситуация в послевоенном Алжире была типичной из-за горечи, вызванной нарушенными обещаниями и потерянными надеждами, которая питала этот трудноразрешимый конфликт. В 1943 году, вскоре после того, как силы союзников, высадившись в Северной Африке, освободили ее от господства режима Виши, делегация алжирских мусульман потребовала встречи с недавно назначенным командующим «Свободной Францией»[43] генералом Анри Жиро[44]. Их требования сводились к тому, чтобы были признаны их права и свободы, столь великодушно обещанные им Атлантической хартией, которую когда-то подписало французское правительство, пребывающее ныне в отставке. Ответ Жиро был крайне резким. «Мне плевать на реформы, — гремел он, — в первую очередь мне нужны солдаты». Всегда уступчивые алжирцы любезно предоставили в его распоряжение добровольцев, причем в таком же числе, как и тридцать лет назад. Однако сейчас они сделали это в ожидании того, что их лояльность будет вознаграждена по заслугам по окончании войны. Подобные надежды разделяли и прочие подданные европейских колониальных держав. Как и в случае с десятком других колоний, их ожидания не оправдались. К 1947 году будущий лидер антибританского партизанского движения на Кипре, генерал Джордж Гривас (киприот греческого происхождения, сражавшийся на стороне сил союзников), потерял надежду получить обещанное самоопределение, столкнувшись с постоянным уклонением Британии от исполнения обязательств, данных ею во время войны, «Я все больше и больше думал о том, что лишь революция может освободить мою родину», — вспоминает он. Алжирцы очень скоро пришли к такому же выводу. В дальнейшем их намерения укрепились после катастрофического поражения французов в сражении при Дьен Бьен Фу в 1954 году и последующего изгнания их с позором из Индокитая. Между тем в Палестине вспыхнуло восстание против британского господства, возглавленное двумя небольшими еврейскими террористическими организациями — «Иргун Цвай Леуми» (Национальная военная организация, или «Иргун») и «Лохамей Херут Израэл» («Борцы за

свободу Израиля», известные в Израиле под названием «Лехи», а в Великобритании как «Группа Штерна»). Наиболее значимой была военная операция «Иргуна». Она дала революционную модель, которая впоследствии использовалась террористическими группами эпохи антиколониальной борьбы, а также в постколониальное время по всему миру.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПАЛЕСТИНА

Палестина видела множество восстаний и прочих проявлений насилия; в период с 1936 по 1939 год они переросли в полномасштабную гражданскую войну, которую вело арабское население. В 1937 году на подогреваемой страстями политической арене страны возник новый элемент, когда боевики «Иргуна» совершили ряд ответных террористических атак на арабов. Организация включила в число мишеней и британские объекты после того, как правительство страны опубликовало в мае 1939 года «Белый договор» («White paper»), который налагал жесткие ограничения на иммиграцию евреев в Палестину и таким образом закрывал один из нескольких возможных путей спасения для европейских евреев от гитлеровского режима. Однако зарождающийся мятеж «Иргуна» против британского господства оказался недолгим. Спустя три месяца после его начала Британия вступила в войну с Германией. Оказавшись перед лицом еще более страшной угрозы в лице всепобеждающей нацистской Германии, «Иргун» объявил перемирие и заявил о прекращении всех антибританских акций на период войны. Как и все еврейское сообщество в Палестине, которое также поклялось выступать на стороне Британии, боевики «Иргуна» надеялись, что их преданность будет вознаграждена признанием притязаний сионистов на статус государства.

В мае 1942 года в Палестину прибыл молодой солдат, прикомандированный к польской армии в изгнании генерала Андерса. Путь Менахема Бегина был извилист. Родившийся в 1913 году в Брест-Литовске, в Польше, будущий премьер-министр Израиля (1977—1983) впервые оказался вовлеченным в политическую борьбу сионистов еще подростком, когда вступил в ряды «Бейтара»[45] — правой националистической еврейской молодежной организации. К тому времени, когда в 1935 году он получил диплом юриста в Варшавском университете, Бегин возглавлял организационный отдел «Бейтара» в Польше. Спустя три года он был назначен командиром. Однако когда Германия захватила Польшу в сентябре 1939-го, Бегину пришлось бежать в Литву. Год спустя он был арестован НКВД и обвинен в том, что являлся «агентом британского империализма». Проведя девять месяцев в местной тюрьме, Бегин был приговорен к восьми годам «исправительных работ». В июне 1941 года, когда Германия вторглась в СССР, он находился на судне, перевозившем политических заключенных в исправительно-трудовой лагерь в Сибири. Ему предложили вступить в ряды польской армии в качестве отсрочки приговора либо продолжить путь в Сибирь. Бегин предпочел первое и оказался в подразделении, направленном в Палестину. Вскоре после прибытия он наладил связи с командирами «Иргуна».

С момента временного прекращения восстания «Иргун» пришел в смятение. Смерть идейного наставника «Иргуна» Владимира Жаботинского[46] в августе 1940 года и гибель военного командира Давида Разиэля[47] девять месяцев спустя лишила организацию лидера и руководителя. В то время прекратившей деятельность организации требовался дальновидный лидер с хорошими организаторскими способностями, который смог бы удержать ее от распада.

На протяжении 1943 года Бегин встречался со старшими командирами «Иргуна» для обсуждения судьбы организации. Когда в войне с Германией союзникам стал сопутствовать успех, руководство «Иргуна» решило возобновить боевую деятельность. В основе этого решения лежали четыре основных момента. Во-первых, это были известия об ужасной судьбе, постигшей евреев под властью нацистов. Во-вторых, после окончания в марте 1944 года срока действия пятилетней иммиграционной квоты, закрепленной в «Белом договоре», путь в Палестину для еврейских иммигрантов закроется навсегда. В-третьих, причина, по которой лидеры «Иргуна» четыре года назад пошли на временное перемирие, а именно тот факт, что, нанеся урон Британии, организация сыграет на руку Германии, была уже неактуальна, так как Вторая мировая война заканчивалась, принося победу союзникам. И, наконец, возобновив мятеж, обновленное руководство «Иргуна» желало поставить свою организацию и самих себя в авангарде активного воплощения в жизнь политических и националистских стремлений евреев.

1 декабря 1943 года Бегин официально принял на себя командование организацией и возобновил антибританскую кампанию. Занимавший скромное положение в армии генерала Андерса и имевший минимальную военную подготовку, Бегин едва ли располагал навыками стратега. Однако он обладал невероятными аналитическими способностями, благодаря которым

мог проникнуть в самую суть проблемы, а также интуитивным чутьем, помогавшим установить тонкое взаимодействие насилия, политики и пропаганды. Все эти качества делали из него идеального лидера террористической организации. Стратегия Бегина была очень проста. Горстка единомышленников со скудным вооружением, составлявшая ряды «Иргуна» в 1943 году, и помыслить не могла о том, чтобы вступить в равный бой с Британией и выиграть его. Вместо этого группа действовала в такой обстановке и таким образом, чтобы максимально обеспечить террористов маскировкой и путями к бегству. Обосновавшись в городской среде, члены организации затаивались среди мирных жителей, неотличимые от законопослушных граждан. Затем, в нужный момент, они выходили из тени, чтобы нанести удар и вновь раствориться среди жителей Палестины, оставаясь в недостижимости для властей. Однако планы «Иргуна» заключались не в нанесении поражения войскам Британии, но в использовании насилия для подрыва престижа правительства и его власти в Палестине, атакуя символы британского господства. «История и наши наблюдения, — вспоминал позже Бегин, — убедили нас, что если нам удастся лишить правительство его престижа в Эрец Исраэль (буквально Земля Израиля), то Британия автоматически потеряет свою власть. Впредь мы не оставим в покое это уязвимое место. За годы мятежа мы не раз ударяли по престижу британского правительства, причем делали это намеренно, упорно и непрестанно».

В противоположность другим колониальным восстаниям, которые одержали решительные военные победы в сражениях либо предпочли длительную стратегию изматывания, «Иргун» избрал стратегию, которая предполагала неослабевающий натиск на те институты правительства, которые олицетворяли британское господство в Палестине. «Иргун» возобновил свою деятельность в феврале 1944 года одновременным подрывом отделов иммиграционного департамента в трех крупнейших городах Палестины — Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе. Последующие атаки были направлены на регистрационные пункты земельных участков, где реализовывались положения Белого договора, ограничивающие покупку земли евреями; на департамент налогообложения и финансов, ответственный за сбор доходов, использовавшихся для осуществления репрессивной политики правительства; и на органы охраны порядка — полицию и армию, на которых были возложены обязанности по проведению в жизнь положений «Белого договора».

Наиболее масштабной операцией «Иргуна» был подрыв отеля «Царь Давид» в Иерусалиме в июле 1946 года. Несмотря на то, что об этом противоречивом инциденте было много написано, важно напомнить, что «Царь Давид» был необычным отелем. На двух этажах южного крыла (под которыми и были размещены взрывные устройства) находился центр британской власти в Палестине — государственный секретариат и штаб-квартира британских военных сил в Палестине и Трансиордании. Таким образом, целью атаки был не сам отель и не люди, работающие или проживающие в нем, а размещенные там государственные и военные ведомства. Беспорядочная и неразборчивая резня также не являлась целью. В отличие от многих террористических групп, стратегия «Иргуна» не была нацелена на умышленное причинение вреда гражданским лицам. В то же время, несмотря на заявление Бегина о том, что были сделаны предупреждения об эвакуации здания до взрыва, это не снимает ответственности ни с самой группы, ни с ее командиров за 91 погибшего и 45 пострадавших мужчин и женщин — арабов, евреев и британцев. Какими бы ни были намерения «Иргуна», факт остается фактом — трагедия в отеле «Царь Давид» была столь невероятных масштабов, что до сих пор этот взрыв остается в истории XX века одним из наиболее печально знаменитых террористических актов, вызвавших большое количество жертв.

Несмотря на трагичность этого происшествия, взрывы достигли своего назначения: они привлекли внимание мировой общественности к борьбе «Иргуна» и ухудшению ситуации в Палестине. Передовицы британских газет писали о тщетности последних антитеррористических военных операций, которые ранее преподносились как чрезвычайно успешные. Типичный пример — статьи в «Манчестер гардиан», сообщавшие о том, что взрывы «будут большой неожиданностью для тех, кто считает, что непоколебимость правительства положила конец еврейскому терроризму и урегулировала ситуацию в Палестине. Правда заключается в обратном». Подобная реакция идеально вписывалась в планы Бегина по нагнетанию атмосферы страха и смятения в Палестине, так, чтобы подорвать веру палестинцев и британцев в способность правительства поддерживать порядок. В подобных условиях единственным ответом правительства могло стать лишь введение в Палестине жестких порядков и мер безопасности, таких, как комендантский час, дорожные посты, выборочные проверки, военные операции и даже военное положение. Неспособность данных мер остановить безжалостную террористическую войну «Иргуна», по замыслу Бегина, должна была еще больше подчеркнуть беспомощность правительства. Он также полагался на то, что постоянное внесение сумятицы в повседневную

жизнь мирных граждан грубыми и репрессивными контрмерами британцев еще больше отдалит население от государства, сведет на нет все попытки государства заручиться помощью населения для борьбы с террористами и создаст в умах евреев представление об армии и полиции как об угнетателях, а не защитниках. Более того, чем активнее казались действия сил безопасности, тем сильнее казалась террористическая группа.

В основе этой стратегии лежала вера Бегина в то, что британцы в отличие от немцев, осуществлявших крупномасштабные репрессалии в отношении мирных граждан, были не способны на подобные зверства. «Мы знали, — пояснял он, — что Эрец Исраэль в результате восстаний стал напоминать стеклянный дом. Мир заглядывал внутрь этого дома с возрастающим интересом и видел все, что происходило внутри. Насилие стало нашим оружием нападения, прозрачность стекла — щитом обороны». Принуждая либерально-демократическое государство, такое, как Британия, идти на крайне репрессивные меры против населения, террористы хотели проверить, как далеко простирается их способность контролировать ситуацию. Для этого «Иргуну» не требовалось побеждать британские войска в бою, а лишь избежать поражения. Таким образом, успешные тактические операции британских войск никоим образом не сместили баланс сил и не приблизили их к победе. Даже наоборот, такие методы, как масштабные военные операции по схеме «окружение и поиск» и введение военного положения, дали мнимые преимущества, купленные ценой отдаления населения от государства. Четверть века спустя бразильский революционер-теоретик Карлос Маригела предложил аналогичную стратегию в своем знаменитом мини-руководстве «Пособие по ведению партизанской войны».

Эта война не была войной чисел. Успех измерялся не потерями (между 1945 и 1947 годами, на которые пришелся пик конфликта, погибло менее 150 британских солдат) и не уничтоженным имуществом, но, в точности как замышлял Бегин, психологическим потрясением. Вместо привычной военной стратегии сражений в открытом бою Бегин и его командиры спланировали такие операции, которые были направлены не на уничтожение военной силы, а, скорее, на подрыв престижа правительства, деморализацию армии и снижение решимости Британии удержать за собой Палестину. Объясняя свою стратегию, Бегин утверждал, что «само существование подпольных движений должно в итоге подорвать престиж колониального режима, удерживающегося за счет мифов о всемогуществе. Каждая атака, которую государству не удастся предотвратить, наносит удар по репутации. Даже если атака не будет успешной, она оставит заметный след в престиже правительства, который со временем перерастет в трещину, растущую с каждой успешной атакой». Таким образом, несмотря на то, что численность британских войск превосходила силы террористов в 20 раз, так что, согласно одному из мнений, «на каждого взрослого еврея в Палестине приходится один вооруженный солдат», даже при таком значительном численном превосходстве британцам не удалось победить «Иргун» и восстановить порядок в Палестине.

Наконец, неотъемлемым и передовым элементом стратегии «Иргуна» было использование Бегинем дерзких и эффектных актов насилия для привлечения внимания мировой общественности к Палестине, предав таким образом огласке жалобы сионистов на политику Британии и требования признать статус государства. Задолго до пришествия Си-эн-эн и новостных передач, передаваемых со скоростью молнии посредством спутниковой связи, «Иргун» попытался обратиться к мировой аудитории, вынося локальный конфликт за пределы своей страны и даже метрополии. «Иргун», как и прочие движения сионистов, применяющие менее насильственные методы или отрицающие насилие вообще, сумел заручиться поддержкой и сочувствием влиятельных союзников, таких, как еврейское сообщество США и его представители в Конгрессе и Белом доме и делегаты от недавно образовавшейся ООН, чтобы надавить на Британию и заставить ее признать государственность евреев. Успех подобной стратегии, по словам Бегина, объясняется недостаточным освещением мировыми СМИ событий гражданской войны, разразившейся в Греции после Второй мировой войны, по сравнению с вниманием, которое мировая общественность уделила событиям в Палестине. «Палестина, — писал он, — несомненно, стала центром внимания всего мира. Это произошло благодаря мятежу. Известный факт, что ни одна партизанская война не получила такой огласки по всему миру, как наша. Сообщения о наших операциях под кричащими заголовками появились на первых полосах газет по всему миру, в особенности в США. Интерес, который проявляют газеты, это отражение интереса общественности. А общественность, не только еврейская, но и нееврейская, проявляла интерес к ударам, которые мы наносили по Эрец Исраэль».

Поддерживающие «Иргун» еврейско-американские лоббисты сумели добиться принятия Американским конгрессом ряда резолюций, осуждающих «британский гнет» и подтверждающих

готовность Америки поддержать создание еврейского государства на территории Палестины. Подобная деятельность, послужившая предтечей предпринятых сравнительно недавно действий ирландско-американских активистов, выступавших от лица Шин Фейн и Ирландской республиканской армии, имела схожие разрушительные последствия для англо-американских отношений более полувека тому назад.

К 1947 году «Иргун» фактически достиг своей цели. Докладывая в Вашингтон ситуацию, американский генеральный консул в Иерусалиме отметил, что «пока британские чиновники правят страной из-за колючей проволоки и толстых стен охраняемых зданий и живут (не считая жен и детей, эвакуированных из страны некоторое время назад) в позорной изоляции «зон безопасности», трудно будет не думать о правительстве Палестины как о затравленном институте, имеющем не слишком высокие шансы на урегулирование обстановки в стране».

Каждый последующий террористический акт доказывал неспособность правительства обуздать, если не победить террористов. Истощенные Второй мировой войной, ограниченные экономические ресурсы Британии несли еще больший урон от проведения военных кампаний в Палестине, призванных совладать с волной насилия, захватившей страну. Общественное мнение в Великобритании, уже будучи негативно настроенным по отношению к продолжающимся пустым тратам человеческих жизней и бесплодным усилиям в проигрышной ситуации, было подогрето такими происшествиями, как взрывы в отеле «Царь Давид», и повешение в 1947 году боевиками «Иргуна» двух сержантов британской армии в ответ на казнь трех террористов «Иргуна». Знаменитый британский исследователь Ближнего Востока Элизабет Монро заметила по этому поводу, что «британская общественность спокойно отнеслась к происшествиям в Палестине, сочтя "беспорядки" и творимое там "насилие", как и волнения в Ирландии, всего лишь неприятным опытом, который является частью бремени белого человека». Положение дел изменилось после казни двух британских сержантов. Фотографии мрачной сцены казни с двумя телами, висящими всего в нескольких сантиметрах от земли, закрытых мешками лиц сержантов и окровавленных рубах облетели первые полосы всех британских газет, оценивших казнь как акт «средневекового варварства». Жестокая казнь двух сержантов произвела неизгладимое впечатление на дух нации, привыкшей к ежедневным сообщениям о гибели и лишениях британских солдат в Палестине. «Все последующие комментарии к происшествию, — продолжает Монро, — имели совершенно иной тон в отличие от того, который присутствовал в описании прошлых террористических актов, многие из которых унесли куда больше жизней, к примеру взрыв в офицерском клубе и отеле "Царь Давид"». Как для британской общественности, так и для прессы эти убийства продемонстрировали тщетность попыток наладить обстановку в Палестине и бессмысленность дальнейшего удержания власти в этой стране. К тому времени Британия испытывала сильное давление со стороны США и других стран, требовавших разрешить въезд в Палестину десяткам тысяч перемещенных лиц еврейской национальности, томящихся в освобожденной Европе. К тому же она пыталась сдержать поток нелегальных еврейских иммигрантов, стремившихся попасть в Палестину. Вдобавок к этому летом 1947 года Особый комитет по Палестине (UNSCOP), назначенный Генеральной Ассамблеей ООН, заканчивал рассмотрение вопроса о дальнейшей судьбе этой страны. Успех деятельности «Иргуна» виден в том, что Бегину дважды представляли аудиенцию в комитете для разъяснения целей, мотиваций и представлений о еврейском государстве в Палестине. Единодушное решение комитета, призывавшее к немедленному прекращению британского правления и предоставлению Палестине независимости, заставило правительство поторопиться[48]. В сентябре министр по делам колоний Артур Крич-Джонс объявил, что Британия снимает с себя ответственность за управление Палестиной и что все военные и гражданские лица будут вывезены как можно скорее.

Спустя десять с лишним лет после этого события Крич-Джонс высказал четыре основных соображения, повлиявших на решение правительства. Во-первых, между арабским и еврейским сообществами в Палестине существовали непримиримые различия; во-вторых, затраты на ведение активной военной деятельности в Палестине были слишком высоки для скудеющего бюджета страны; в-третьих, к этому правительство принуждало мнение международной общественности, Американского конгресса и собственного парламента; и, наконец, самым важным был, по его мнению, общественный протест, потрясший Британию после казни боевиками «Иргуна» двух сержантов британской армии. Описывая совокупность событий, которые вынудили правительство отказаться от мандата, бывший министр по делам колоний особо подчеркнул, что «терроризм достиг своего пика, и британская общественность не могла больше терпеть его. Следовательно, — пояснил Крич-Джонс, — кабинет все более склонялся к мнению, что не следует более поддерживать мандат». 15 мая 1948 года Британия официально сняла с себя правление Палестиной, и было провозглашено государство Израиль. В официальном сообщении, которое

дал «Иргун» в тот день, Бегин заявлял: «После долгих лет подпольной войны, гонений и страданий <...> восстание еврейского народа 1944 — 1948 годов увенчалось успехом. Владычество Британии, поработившей нашу Родину, было разбито, вырвано с корнем, растерзано и рассеяно по ветру. <...> Миру явилось государство Израиль. Мы шли к победе сквозь кровь, огонь, полагаясь лишь на сильную руку и мощь оружия, испытывая страдания и принося ясертвы».

АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА 1950-Х ГОДОВ: КИПР И АЛЖИР

Восстание «Иргуна» стало моделью для дальнейших антиколониальных бунтов по всему миру. И в самом деле, наиболее эффективными были те кампании, проводимые сразу после окончания войны, которые копировали стратегию Бегина и намеренно старались привлечь внимание и заручиться поддержкой мировой общественности. Генерал Джордж Гривас, основатель и командир группы ЭОКА (ЕОКА — Ethniki Organosis Kyprion Agoniston, или Национальная организация борцов за свободу Кипра), в своих воспоминаниях писал: «Мы хотели, чтобы взгляды всего мира устремились на Кипр и чтобы Британию заставили выполнить данные ею обещания». Сходным образом объявление в 1954 году Национальным освободительным фронтом (Front de Liberation Nationale - FLN) протеста против французского господства в Алжире декларировало «интернационализацию алжирского кризиса» как одну из главных задач.

В погоне за этой целью обе группы сознательно пытались обращаться за помощью напрямую в ООН. Собственное заявление ЭОКА о начале восстания было адресовано непосредственно «дипломатам всего мира». Оно призывало «не забывать своих прямых обязанностей». «Вы должны стыдиться того, что в XX веке люди вынуждены проливать кровь за свободу, этот божественный дар, за обладание которым мы сражались на вашей стороне и который вы стремились защитить от гнета нацизма». Наступательные операции Национального освободительного фронта в Алжире, всеобщие забастовки и прочие демонстрации протеста пришлось как раз на то время, когда Генеральная Ассамблея ООН была созвана вновь и готовилась к рассмотрению конфликта. Пресловутая «битва за Алжир», произошедшая в январе 1957 года и увековеченная в одноименном фильме 1966 года Джилло Понтекорво[49], когда Национальный освободительный фронт обрушил на страну кампанию массового городского терроризма, была намеренно приурочена к ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В официальном сообщении Национального освободительного фронта, объявляющем об ударе, с которого должны были начаться наступательные операции, группа открыто признавалась в неслучайности выбора времени. Это было сделано с целью «вручить неоспоримые полномочия нашим делегатам в ООН, чтобы убедить тех редких дипломатов, которые все еще сомневаются или имеют иллюзии относительно либеральной политики Франции». Таким образом, успех как ЭОКА, так и Национального освободительного фронта в свержении иностранного господства, происходил от умения привлечь внимание других стран к своей борьбе, как это сделал «Иргун» десятилетием раньше.

На Кипре с самого начала Гривас понимал необходимость обращения к общественности за пределами собственной страны. «Освещение мнения международного сообщества, — говорил он, — играет важную роль в донесении до общего сведения требований кипрского народа о самоопределении. Фактически многие иностранные деятели и даже представители ООН не имели понятия о том, зачем мы требовали независимости». Гривас закрепил этот принцип в «Предварительном генеральном плане», который он сформулировал в 1953 году, за два года до начала кампании. В первом параграфе была четко указана главная задача — «пробудить международную общественность героическими деяниями и самопожертвованием, что сделает Кипр центром всеобщего внимания до тех пор, пока наши цели не будут достигнуты». И хотя нет свидетельств того, что Гривас когда-либо читал книгу Бегина (англоязычный вариант которой под названием «Бунт» был издан в Лондоне и Нью-Йорке в 1951 году) или изучал кампании «Иргуна», в его действиях безошибочно угадывается сходство со стратегией Бегина. Целью Гриваса, как и Бегина, была вовсе не полная победа над имевшими численное превосходство британскими войсками, но совершение жестоких, хорошо организованных и вовремя проведенных актов насилия для привлечения внимания мировой общественности к происходящему на Кипре и требованиям греческих киприотов энозиса[50] — объединения с Грецией.

«Они превосходили мою небольшую армию численностью сто к одному, — вспоминал позже Гривас, — но это не имело значения для той разрушительной войны, которую я задумал». Он планировал задействовать большую часть сил ЭОКА в главных городах Кипра, где они были сформированы в отдельные террористические ячейки, в каждую из которых входило не более восьми человек. Их целью было препятствовать деятельности как можно большего числа

британских подразделений, находившихся на городских постах, и таким образом дать ЭОКА возможность усилить контроль над остальной частью острова. В своем трактате о ведении партизанской войны Гривас дал объяснение, весьма схожее со словами Бегина о том, что их стратегия «состояла в превращении всего острова в одно поле битвы, где нет различий между фронтом и тылом, так что враг более нигде не будет чувствовать себя в безопасности. Враг никогда не знал, где и когда будет нами атакован... Подобной стратегией мы добились рассредоточения, запугивания и обессиливания вражеских сил и, что самое главное, трагических последствий, происходивших в результате неожиданного нападения».

Сосредоточившись на городских операциях, как некогда «Иргун» в Палестине, ЭОКА тут же получила доступ к новостным СМИ, посланным на Кипр для освещения разгорающегося конфликта. Если бы ЭОКА, как все партизанские отряды, ограничила свою деятельность изолированными сельскохозяйственными районами и горными поселениями, то, вероятно, лишилась бы этого доступа ко всей международной аудитории, столь важной для стратегии Гриваса. Таким образом, городской терроризм являлся ключевым моментом в обеспечении пропагандистской платформы, требовавшейся группе для освещения хода борьбы за независимость Кипра. Что же касается Гриваса, то его предприятие увенчалось огромным успехом, ведь всего через пять месяцев после объявления восстания ЭОКА добилась того, чего не смогли достичь годы переговоров и настойчивого лоббирования, — рассмотрения в ООН требований о независимости греческих киприотов. До сих пор Генеральная Ассамблея поддерживала сторону Великобритании, считавшей, что ситуация на Кипре является исключительно внутренним делом страны и находится вне сферы внимания организации. Впервые ситуация на Кипре оказалась в повестке дня ООН. «Это доказало, что внутрь международного сообщества постепенно начала проникать идея о том, что необходимо принять меры в отношении кипрского вопроса», — вспоминал позже Гривас.

К концу 1955 года Гривасу удалось свергнуть остров в полнейший хаос. Каждую неделю гибли в среднем двое британских солдат или полицейских. Силы безопасности были брошены на оборону, выведенную из равновесия многократными внезапными и молниеносными атаками ЭОКА и не способную к эффективным ответным операциям. Как и Бегин, Гривас пришел к выводу, что неослабевающие атаки террористов лишат британские силы боевого духа и вынудят их к чрезмерным и приводящим к обратному результату действиям, направленным против законопослушного населения Кипра и тем самым обреченным на провал. «Силы безопасности работали таким образом, что, казалось, их действия были нарочно спланированы для привлечения все большего числа мирных граждан в ряды повстанцев, — вспоминал Гривас. — Их попытки отпугнуть людей от ЭОКА всегда достигали обратного эффекта: население все больше спланивалось с Организацией». И вновь была ярко продемонстрирована взаимосвязь между способностью террористов поражать какие угодно цели и явной неспособностью сил безопасности обеспечить постоянную защиту всех возможных мишеней. Как и в Палестине, чем более видимыми и активными становились действия сил безопасности, тем сильнее становилось недовольство местных жителей постоянным нарушением обычного течения жизни и тем могущественнее и всесильнее казались террористы. В самом разгаре конфликта численность британских сил безопасности на Кипре составляла 40 тысяч человек, задействованных в военных операциях против ядра организации, состоящего из 400 активистов и 750 их «пособников». И снова, как и в Палестине, успех этой войны измерялся не числами. Несмотря на то, что в военных операциях было задействовано огромное число британских солдат, общий эффект от этого был невелик. Вот что говорил Гривас о своем противнике, командующем британскими войсками фельдмаршале сэре Джоне Хардинге: «Он недооценил своего врага и при этом задействовал непомерно большую армию. Чтобы поймать полевую мышь, не нужен танк. Кот справится с этим заданием куда лучше».

В ходе всей кампании Гривас координировал свою подпольную деятельность с официальной дипломатической миссией архиепископа Макариоса III (Михаила Кристодулоса Мускоса). Будучи назначенным главой Этнархии (церковного совета) Кипра, Макариос также являлся негласным политическим лидером сообщества греков-киприотов. Он и Гривас впервые встретились в 1950 году, чтобы спланировать основные моменты восстания. Впоследствии прелат и воин боролись рука об руку ради достижения общей цели — энозиса. Таким образом, отношения, которые сегодня связывают движение шинфейнеров и Ирландскую республиканскую армию, имеют историческую параллель — связь Этнархии и ЭОКА, существовавшую сорок лет назад, когда Макариос играл роль, схожую с той, что в настоящее время играет Джерри Адаме. Как и Адаме, Макариос попал в заключение и в 1956 году был изгнан из страны и отправлен на Сейшельские острова. Ему разрешили вернуться обратно на Кипр два года спустя, так как это было условием

участия греков-киприотов в организованных Британией многосторонних переговорах о будущей судьбе острова. Соглашения удалось достичь лишь в феврале 1959 года.

Находясь под постоянным давлением со стороны Греции, Макариос неохотно принял предложение о создании независимой республики Кипр при условии, что Британия сохранит на острове две стратегические базы. Опасаясь, что в противном случае Турция потребует принудительного разделения острова (что и произошло пятнадцать лет спустя), Макариос пошел на уступки в договоре, несмотря на горячий протест со стороны Гриваса. Восстание было официально окончено месяц спустя, когда сдалась существенная часть сил ЭОКА. Это было сделано с целью убедить правительство, что организация готова пойти на заключение мирного договора. Хотя желаемый энозис так и не был достигнут, настал конец британского господства на Кипре, и острову была дарована независимость. Плоды террористической деятельности были также видны в итогах всеобщих выборов — первым президентом Кипра был избран Макариос, набравший 67 процентов голосов.

В другой части Средиземноморского бассейна бунт против господства Франции в Алжире (1954 — 1962 годы) стал последним из числа антиколониальных восстаний, произошедших непосредственно в послевоенную эпоху. Возможно, поэтому он оказал заметное влияние на многие этнонациональные террористические кампании, проводимые позднее. Ясир Арафат, к примеру, в своей официальной биографии упомянул о влиянии, которое Национальный освободительный фронт оказал на действия Организации освобождения Палестины, и о материальной помощи, которую Алжир позже предоставит Палестине. «Я установил связи с алжирскими революционерами в начале 50-х, — вспоминает он. — Я поддерживал с ними контакт, а они в свою очередь обещали помочь нам после того, как обретут независимость. Я не сомневался ни на единую секунду, что они победят и что их победа будет для нас очень важна». В своих мемуарах Нельсон Мандела также признает плодотворное влияние, которое борьба Национального освободительного фронта оказала на длительную кампанию Африканского национального конгресса (ANC) против господства белого меньшинства в Южной Африке. «Ситуация в Алжире, — писал Мандела, — более всего была похожа на нашу, когда повстанцы противостояли большому сообществу белых поселенцев, правящему аборигенным населением. ANC досконально изучил алжирский конфликт и извлек из него основной урок — победа исключительно на военном фронте в подобных условиях была невозможна. Вместо этого Мандела воспользовался советом алжирского революционера, утверждавшего, что «порой мнение международного сообщества стоит больше, чем эскадра истребителей». Этот урок сам Национальный освободительный фронт усвоил с опозданием.

К середине 1956 года бунт против французского господства бушевал уже два года. Национальный освободительный фронт был вознагражден за свои старания несколькими ощутимыми достижениями, однако успешная деятельность сил безопасности в сельской местности серьезно подорвала стратегию повстанцев, действовавших в небольших поселениях. Это заставило Национальный освободительный фронт сменить план действий и впервые сконцентрировать усилия на столице страны — Алжире, и таким образом надавить на Францию, напрямую обратившись к международному сообществу. Создателем нового плана, впервые задействованного во время саммита в августе 1956 года, проходившего в Сумаме, Марокко, в надежде вернуть Национальному освободительному фронту прежний успех, стал Рамдан Абан, лидер движения, остававшийся им вплоть до своей гибели год спустя в разгар кровопролитной борьбы. Будучи главным теоретиком группы, он являлся ее мощным интеллектом. Происходивший из бедных слоев и выучившийся самостоятельно, он был сколь жестким человеком, столь и безжалостным, верящим бесповоротно в эффективность насилия. Это отчетливо проявилось в его знаменитой директиве номер 9, где Абан не только лаконично изложил цель новой стратегии Национального освободительного фронта, но и дал логическое объяснение городскому терроризму. «Что принесет большую пользу нашему делу — убийство десятерых вражеских солдат в высохшем русле реки Телергма, о котором мало кто узнает, или одного-единственного человека в Алжире, о чьей гибели на следующий день будет говорить вся американская пресса?» — спрашивал Абан.

Начало цепи событий, которая привела к проведению Национальным освободительным фронтом полномасштабных террористических операций в столице, было положено двумя месяцами ранее, в июне, когда на гильотине были казнены два осужденных боевика Национального освободительного фронта. Как это уже случалось неоднократно во многих странах (включая Палестину и Кипр), подобные попытки правящего режима предотвратить насилие жестоким публичным наказанием приводили к катастрофическим последствиям. Те, кого власти

избрали для того, чтобы преподать унижительный урок повстанцам, как правило, становились святыми мучениками, символами, воплощающими общую идею революции, чья гибель требовала отмщения, порождавшего все большие жертвы, кровопролитие и разрушения. Именно в Алжире Национальный освободительный фронт объявил, что за каждого казненного боевика лишит жизни сто французских подданных. До сих пор группа хвалилась тем, что проводимая ими военная кампания в городе была умышленно лишена кровопролития, а мишенями для их бомб становились неодоушевленные символы французского господства — правительственные кабинеты и здания, военные городки и полицейские участки, но не люди. Ситуация изменилась с поступлением новых инструкций от Абана, согласно которым боевики должны были накрыть город волной террора. В течение трех суток были застрелены 49 французских мирных граждан. Затем в августе, согласно новой стратегической директиве, принятой в том же месяце в Сумама, начались массированные бомбежки. Кампанию возглавили не закаленные в боях воины-мужчины, а молодые и привлекательные женщины-агенты, которые, как верно предположил Саади Ясеф, командующий операциями в Алжире (который позже сыграл самого себя в картине Понтекорво), благодаря своим приятным манерам и европейской внешности вызовут у врага куда меньше подозрений, чем солдаты-мужчины. Более того, мишенями их деятельности стали не военные или государственные объекты, а переполненные кафе на берегу моря, часто посещаемые семьями французских колонистов после отдыха на пляже, кафетерии, пользующиеся популярностью среди европейских студентов, а также пассажирский терминал авиакомпании «Эр Франс», расположенный в центре города. В ходе операций погибли 3 человека, более 50 получили увечья, включая нескольких детей. Более десяти пострадавшим ампутировали поврежденные конечности. Все это Абана не тронуло. Проводя аналогию с тактикой «бомба в мусорном баке» и воздушными налетами, о которых говорилось в первой главе, Абан заметил следующее: «Я не вижу существенных различий между бомбой, подложенной девушкой-агентом в кафе, и пилотом французского истребителя, сбрасывающим бомбы на деревушку или выжигающим напалмом запретную зону».

Городская террористическая кампания продолжалась до конца 1956 года, когда наконец достигла кульминации 28 декабря с убийством мэра Алжира. Разразились повсеместные массовые антимусульманские выступления, которые привели к новому витку террора боевиков Национального освободительного фронта. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения правительства. Пребывая в отчаянии от ухудшающейся ситуации, генерал-губернатор приказал собрать войска. 7 января 1957 года генерал Жак Массу, командующий элитным десятым парашютным полком, взял на себя полную ответственность за поддержание порядка в городе. В ответ Национальный освободительный фронт объявил о крупной террористической операции, намеченной на 28 января и приходящейся, как было отмечено выше, на открытие ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чьей целью, как и назначением террористических атак, ее сопроводивших, было привлечь внимание международной общественности к ситуации в Алжире. И вновь подрывники Ясефа крайне оперативно справились с этим заданием. Список мишеней Национального освободительного фронта пополнился популярными местами отдыха горожан — барами и бистро, а также переполненными городскими улицами и спортивными аренами с толпами зрителей. За две недели погибло 15 человек и еще 105 получили различные травмы.

Массу перешел в наступление. Имея за плечами опыт ведения военных операций в Индокитае, он и его командиры гордились полным пониманием того, как вести революционную борьбу и как ей противостоять. Они были убеждены, что победа будет полностью зависеть от работы разведки. «Человек, закладывающий взрывное устройство, — объявил полковник Ив Годар[51], один из командиров полка Массу, — это всего лишь исполнитель, которого завтра сменит другой: главное — отыскать человека, направляющего исполнителя». В соответствии с этим убеждением Годар и его подчиненные приступили к искоренению и уничтожению городской сети Национального освободительного фронта. Методом их работы стало построение тщательного, детализированного аппарата управления Национального освободительного фронта в Алжире, нацеленного на поиск лидера террористической организации. Метод Годара, ярко изображенный в кинокартине Понтекорво, был описан британским историком Алистером Хоумом как «сложная органограмма, которая начала обретать свою форму в виде нарисованного мелом на доске пирамидального скелета, в который вписывались все новые и новые (иногда неверные) имена, поступавшие из центров допроса». Нет сомнений, что этот метод оказался эффективным. Проблема заключалась в том, что он основывался на насилии и соответственно поощрял различные виды насилия, включая пытки, так как для Массу и его подчиненных не имело значения, каким образом они получали необходимую информацию. Пытки террористов и тех, кого считали причастными к группе, стали рутинным мероприятием. Французская армия в Алжире легко объясняла подобные чрезвычайные меры, считая их допустимыми в чрезвычайной ситуации. Оправдательную

философию, распространенную в парашютно-десантных войсках, выразил в своем немногословном ответе на жалобы сам Массу — «невинные (то есть очередные жертвы атак террористов) заслуживают большей защиты, чем виновные».

Жестокость военной кампании французской армии, однако, полностью отдалила от правительства все алжирское мусульманское сообщество. Оставаясь до сих пор по большей части пассивным или безразличным, оно перешло на сторону Национального освободительного фронта, подняв статус этой организации и увеличивая степень поддержки со стороны коренного населения. Французская общественность также пришла в негодование, что привело к снижению народной поддержки в пользу продолжения войны и глубокому расколу во взаимоотношениях штатских и военных во Франции. Массу и его подчиненные упрямо продолжали тешить себя мыслью о том, что выполнили свою миссию и предотвратили попытку повстанцев захватить власть в Алжире. Однако эта военная победа была куплена ценой явного политического поражения. Пять лет спустя Франция вывела войска из Алжира и предоставила этой стране независимость.

Массу не признал своей вины, будучи до конца уверенным, что цель оправдывала те средства, которыми он пользовался для уничтожения повстанцев из Национального освободительного фронта. Битва была выиграна, и подрывная кампания террористов завершилась. И в то же время нет сомнений, что этот успех навредил всем. Тактическое поражение поражение Национального освободительного фронта отказался от крупномасштабных городских операций, как и от идеи о том, что группа может одержать над Францией победу на военном фронте. Командование группы пришло к выводу, что эту борьбу можно выиграть, действуя как в Алжире, так и за его пределами. В соответствии с новым замыслом повстанцы перевели свои базы в Тунис, откуда продолжали налеты на поселения, а также рейды через границу, скрываясь затем в своих новых убежищах. Однако «битва за Алжир» остается наиболее значительным эпизодом в борьбе Национального освободительного фронта за независимость, приведшим их к победе, так как именно она привлекла внимание мировой общественности к Алжиру, как и рассчитывал Абан. Провоцируя правительство на чрезвычайные меры в виде пыток, скорых казней и прочих репрессивных действий, группа указала на несостоятельность французской власти, приближая таким образом конец Французского Алжира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнонациональные восстания, последовавшие за Второй мировой войной, оказали стойкое влияние на последующие террористические кампании. Хотя правительства всех стран утверждают, что терроризм неэффективен в качестве инструмента для осуществления политических изменений, примеры Израиля, Кипра и Алжира, а с ними деятельность Бегина, Гриваса и Ахмеда Бен Беллы (лидера Национального освободительного фронта, ставшего первым президентом Алжира) свидетельствуют об обратном. Возможно, что основанию этих независимых государств предшествовал длительный период борьбы. В некоторых случаях можно говорить о действии влиятельных сил, не связанных с терроризмом. А в то же время не возникает сомнений в том, что, по меньшей мере, тактические «успехи» и политические победы, выигранные с помощью насилия такими группами, как «Иргун», ЭОКА и Национальный освободительный фронт, наглядно продемонстрировали всем, что, несмотря на неоднократные отрицания со стороны правительств, с которыми боролись террористы, терроризм действительно «работает». Даже если этот «успех» не всегда закреплялся реальным получением власти в правительстве, нельзя отрицать эффективности террористических организаций, называемых преступными в таких собраниях, как ООН, в привлечении всеобщего внимания к проблемам, которые в противном случае могли остаться незамеченными, а также в принуждении правительств братья за разрешение вопросов, которые они по большей части игнорировали.

Отметим, что антиколониальные террористические кампании крайне важны для понимания процесса эволюции современного терроризма. Они первыми продемонстрировали ценность гласности, являющейся неотъемлемой частью терроризма, и первыми стали выносить борьбу далеко за пределы своей страны. «Иргун» направлял свои послания в Нью-Йорк и Вашингтон, округ Колумбия, как и в Лондон и Иерусалим. ЭОКА сходным образом обращалась к общественности Нью-Йорка и Лондона, а также Афин и Никосии. А Национальный освободительный фронт особенно преуспел в политическом влиянии не только в родном Алжире, но и в Нью-Йорке, и в Париже. Способность этих групп вызвать сочувствие и получить поддержку за пределами «театра действий» стала наглядным примером притесняемым народам по всему миру, которые теперь видели в терроризме эффективный способ превращения локального

конфликта в международную проблему. Так были заложены основы трансформации терроризма в конце 1960-х из локального феномена в проблему безопасности мировых масштабов.

Глава 3.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА

Возникновение явления, которое мы обозначаем словосочетанием «международный терроризм», произошло 22 июля 1968 года. В тот день три вооруженных палестинских террориста, принадлежащих к Народному фронту освобождения Палестины, одной из шести групп, входивших тогда в Организацию освобождения Палестины, захватили пассажирский лайнер израильской авиакомпании «Эль-Аль», следовавший из Рима в Тель-Авив. Хотя захваты коммерческих воздушных судов происходили и ранее (это был двенадцатый случай за один лишь 1968 год), захват самолета «Эль-Аль» коренным образом отличался от предыдущих. Во-первых, целью террористов был не просто угон самолета и его увод с заданного курса, как это случалось с 1959 года, когда лайнеры с внутренних американских рейсов угонялись тоскующими по родине кубинцами или сочувствующими им революционерами из других стран всего лишь с целью оказаться на Кубе. А этот захват являлся смелым политическим заявлением. Террористы, захватившие рейс «Эль-Аль», замыслили поменять находившихся в заложниках пассажиров на палестинских террористов, содержащихся под стражей в Израиле. Во-вторых, в отличие от других случаев угона, где происхождение и национальная принадлежность пассажиров и самой авиакомпании не имели значения — а лишь то, мог ли лайнер доставить угонщика(ов) в требуемое место назначения, — самолет «Эль-Аль» национальной израильской авиакомпании, являющейся еще и национальным символом государства Израиль, был выбран террористами отнюдь не случайно. В-третьих, создав кризисную ситуацию, в которой отказ властей выполнить требования террористов мог обернуться катастрофой, вплоть до уничтожения самолета и гибели всех его пассажиров и членов экипажа, террористам удалось вынудить своего заклятого врага — Израиль — говорить напрямую с ними и с организацией, от имени которой они действовали, несмотря на сделанные ранее заявления израильского правительства о невозможности прямого диалога. Наконец, соединив громкие политические требования, неслучайный выбор мишени для атаки и создание кризисной ситуации с фактическим признанием их требований, террористы осознали, что способны на организацию террористических актов, привлекающих внимание всей мировой общественности, в особенности когда речь идет о гибели невинных людей. Вот что сказал по этому поводу Зеди Лабиб Терзи, главный наблюдатель Организации освобождения Палестины в ООН, в своем интервью 1976 года: «Первые несколько случаев угона в большей степени оказали влияние на осознание проблемы, привлекая внимание СМИ и общественности всего мира, чем 20 лет выступлений в ООН».

Многие из послевоенных антиколониальных террористических кампаний, как было замечено выше, также были ориентированы на международную общественность. Однако с захватом самолета «Эль-Аль» изменились характер и суть терроризма. Впервые террористы стали перемещаться из одной страны в другую для осуществления атак. К тому же в качестве мишеней все чаще оказывались мирные граждане других стран, которые имели мало общего или вообще никак не были связаны с притязаниями террористов. Это делалось исключительно для того, чтобы усилить влияние и дать еще большую огласку, которой зачастую не хватало террористическим актам, направленным на непосредственного врага. Их намерением было шокировать и тем самым посеять всеобщий страх и панику.

Подобным резким изменениям в тактике террористов помогали технологические новшества того времени, которые изменили скорость и свободу международных воздушно-транспортных сообщений, а также значительно улучшили качество новостных телепередач и уменьшили сроки их распространения по всему свету. Поэтому террористы незамедлительно пришли к выводу, что террористические акты, совершаемые за границей их родины и затрагивающие безопасность граждан других стран, являются верным средством для привлечения внимания к своим требованиям.

На передовой новых изменений стояли группы, входившие в состав Организации освобождения Палестины. В период с 1968 по 1980 год группы совершили больше террористических актов по всему миру, чем совершили иные группы[52]. Успех Организации освобождения Палестины в предании всеобщей огласке сведений о положении палестинцев путем «интернационализации» борьбы с Израилем послужил моделью для этнических и национальных меньшинств по всему миру. Он продемонстрировал, как до сих пор игнорируемые и забытые вопросы могут вновь вернуться в повестку дня мирового сообщества проведением серии хорошо спланированных и привлекающих внимание террористических актов. Чтобы понять, насколько революционным было это нововведение, необходимо сделать краткий экскурс в недавнюю историю Палестины и принять во внимание глубины безвестности и пренебрежения со стороны международного сообщества, из которых всплыла Организация освобождения Палестины.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА

Завершение первой арабо-израильской войны в 1949 году ознаменовалось появлением в политической обстановке на Ближнем Востоке двух новых факторов: еврейского государства Израиль и палестинских беженцев, изгнанных из него. Во время войны многие палестинцы — арабские жители — бежали из страны в поисках безопасного убежища в соседние страны. Некоторые из них сделали это по собственному желанию, других силой вытеснили наступающие израильские войска. Исход арабов из Палестины, однако, не окончился с прекращением огня. Страхи перед израильскими репрессалиями вкупе с надеждой, что потерпевшие поражение арабские войска перегруппируются и вновь начнут наступление на Израиль, убедили многих палестинцев, что будет лучше на время укрыться в родственных арабских государствах, чем остаться в новом израильском государстве. Число таких беженцев вскоре превысило 700 тысяч человек (по некоторым данным эта цифра достигла отметки в 950 тысяч).

Втиснутые в ветхие лагеря для беженцев в Иордании, Сирии, Ливане и Египте, палестинцы мечтали о том дне, когда арабская армия поднимется и уничтожит Израиль, вернет им их дома. Однако арабские страны, потерявшие прежний пыл после сокрушительного поражения от лица меньших по численности сил Израиля, не испытывали желания начинать новую войну. Более того, видя жалкие условия, в которых находились изгнанные палестинцы, лидеры арабских стран решили использовать ситуацию в собственных интересах. С одной стороны, палестинский вопрос был весьма действенным способом посрамить Израиль перед всем миром и получить поддержку у других арабских государств в пользу регионального объединения против общего врага в лице сионистов. С другой стороны, ситуация с беженцами давала отличную возможность отвлечь внимание от проблем внутри страны, перенося недовольство общественности за ее границы — в Израиль, вызванное несправедливым отношением к палестинцам. В любом случае, то, что представлялось палестинцам недолгой разлукой с домом, превратилось в изгнание из страны на неопределенный срок.

Тем временем внутри лагерей для беженцев отчаявшиеся и недовольные палестинцы постепенно объединялись в группы для создания новых политических движений и союзов. В этих группах появились новые лидеры, люди, не познавшие унижение от поражений 1948— 1949 годов и не связанные никакими обещаниями с принявшими их арабскими государствами. Они утверждали, что палестинцы должны впредь рассчитывать лишь на самих себя, если хотят вернуться на родину. Небольшие группы федаинов (арабское слово, означающее «боевик») стали делать вылазки из лагерей беженцев на пограничные израильские земли. В то время когда Египет, как и прочие арабские государства переднего края, не был готов для ведения еще одной войны, президент страны Насер увидел в этих налетах способ причинять беспокойство Израилю и одновременно продвигать свои притязания на лидерство в арабском мире. Египет начал проводить активную подготовку и выучку федаинов. К 1953 году палестинские набеги стали довольно частым явлением и принесли достаточно разрушений, чтобы обратиться на себя внимание израильской полиции. Следствием этого явилась целая серия облав и последующих репрессий. Кульминацией конфликта стал Суэцкий кризис 1956 года, давший Израилю необходимый повод для захвата Синайского полуострова и уничтожения египетских баз, на которых проходили подготовку федаины. Десять лет спустя, действуя по сходной модели «зуб за зуб», террористы и израильские власти положили начало событиям, приведшим в 1967 году к Шестидневной войне[53].

И хотя действия палестинских террористов явились причиной международного кризиса в Суэце, а также спровоцировали одиннадцать лет спустя крупный региональный военный конфликт, мало кто знал о существовании палестинского вопроса. Несмотря на жалобы сотен тысяч

палестинских беженцев, многие из которых все еще жили в убогих лачугах лагерей для беженцев спустя двадцать лет с момента их выдворения из Израиля, никого не беспокоила судьба этих людей. Ситуация изменилась после 1968 года, когда федаины перенесли свою борьбу с Израилем за пределы Ближнего Востока и стали намеренно вовлекать в эту борьбу граждан других стран. Именно тогда палестинцы открыли эффективный способ того, как рассказать миру о своей борьбе и заручиться поддержкой мирового сообщества. «Захват самолета произвел куда больший эффект, чем убийство ста израильских солдат на поле боя, — говорил основатель и лидер Народного фронта освобождения Палестины доктор Джордж Хабаш в интервью 1970 года, словно повторяя слова, сказанные десятилетием раньше лидером Национального освободительного фронта Рамданом Абаном. — Ранее мировое сообщество ни поддерживало требования палестинцев, ни противостояло им, — заметил Хабаш. — Оно нас просто не замечало. А сейчас мир, по крайней мере, заговорил о нашей борьбе».

Однако самым ярким примером того, как террористы способны вывести свое дело из тени и заставить весь мир говорить о них, стало убийство одиннадцати израильских спортсменов, захваченных палестинскими террористами на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Целью этой операции, по словам Фуада Аль-Шамали, одного из ее организаторов, стало привлечение всеобщего внимания, причем целью для атаки была выбрана истинная гордость страны — ее лучшие спортсмены, а местом действий — арена мирового спортивного события, гарантирующая немедленное освещение событий и всеобщую огласку. «Подрыв офисов "Эль-Аль" не дает результатов в нашем деле, — утверждал Аль-Шамали. — Мы должны убить наиболее значимых и известных их граждан. Так как мы не можем добраться до их государственных деятелей, мы убиваем спортсменов и деятелей искусства».

Атака началась 5 сентября 1972 года около 5 часов утра, когда восемь террористов, принадлежащих к организации «Черный сентябрь»[54], входящей в Организацию освобождения Палестины, ворвались в комнату, где проживали израильские спортсмены, убив двоих на месте и взяв еще девятых в заложники. Когда известие о случившемся дошло до властей и к месту происшествия приехала полиция, здание было оцеплено и террористы изложили свои требования. Они предложили обменять заложников на 236 палестинцев, заключенных в израильские тюрьмы, и еще 5 террористов, содержащихся под стражей в Германии (в число которых входили Андреас Баадер и Ульриха Майнхоф, основатели леворадикальной западногерманской террористической группы под названием Фракция Красной армии). Они также требовали предоставить им свободный переезд в любую арабскую страну, за исключением Ливана и Иордании. Террористы угрожали, что будут убивать по одному заложнику каждые два часа, пока их требования не будут выполнены. Переговоры длились пятнадцать часов, прежде чем было достигнуто соглашение между террористами и выступавшими в качестве посредников представителями ФРГ. Согласно договору, террористов и заложников должны были перевезти в двух вертолетах на аэродром в Фюрстенфельдбруке, откуда затем отправить в Каир на борту «Боинга-727» авиакомпании «Люфтганза». По прибытии в Египет террористы должны были передать заложников и следовать далее в любую страну. Однако позже руководство Египта отказалось разрешить самолету посадку на своем аэродроме.

В 10:35 утра два вертолета приземлились на немецкой воздушной базе. Два террориста вышли из вертолета, чтобы осмотреть самолет, стоящий неподалеку. Оставшиеся террористы находились в вертолете вместе с девятью израильтянами. Неожиданно раздались выстрелы. По замыслу предварительно спланированной спасательной операции пятеро немецких снайперов открыли огонь. Были убиты трое из четырех террористов, находившихся в вертолете. Оставшийся в живых террорист, Мохамед Масаллах, командир группы, успел укрыться от пуль. Другие террористы немедленно открыли ответный огонь и, по мнению некоторых наблюдателей, начали убивать заложников. Ситуация зашла в тупик — на призывы отпустить заложников и сдаться, произносимые через громкоговорители на арабском, немецком и английском языках, пятеро оставшихся в живых террористов отвечали стрельбой из автоматов. Наконец, около полуночи, когда немецкая полиция приготовилась к штурму, один из террористов выпрыгнул из вертолета и бросил ручную гранату в кабину только что покинутого им транспорта. Взрыв гранаты повлек за собой перестрелку, в которой погибли еще два террориста, одним из которых был Масаллах. Три живых террориста отчаянно оборонялись от полиции до половины второго ночи, пока наконец не сдались и были отправлены под стражу. Все девять заложников были убиты. Жертвой террористов пал также один полицейский. Как захват заложников, так и операция по их спасению стали колоссальным провалом. Палестинцы не только не сумели добиться выполнения своих требований — освобождения террористов, заключенных в тюрьмы Израиля и ФРГ, но, по мнению многих наблюдателей, запятнали свое дело несмываемым позором на глазах у всего мира.

Международное сообщество единодушно осудило террористов. Страшная развязка на поле аэродрома, о которой сообщили теле- и радиокomпании всего мира, с самого начала расценивалась как катастрофа для борьбы палестинцев, как ужасный провал и губительный просчет с их стороны, вызвавший всеобщую антипатию вместо сочувствия и осуждение вместо поддержки.

Что же касается провала спасательной операции, то многие страны, как и ФРГ, теперь располагали серьезными доказательствами того, насколько опасной является угроза международного терроризма и сколь неадекватными ей представляются контр-террористические меры. Посрамленные полицейские силы ФРГ немедленно сформировали особое антитеррористическое подразделение пограничного патруля, известное как GSG-9 (Grenzschutzgruppe Neun). Пять лет спустя оно отлично себя продемонстрировало в спасательной операции в Могадишо, Сомали, когда были спасены все 86 заложников, находившихся на борту захваченного командой палестинских и западногерманских террористов лайнера авиакомпании «Люфтганза», следовавшего с Майорки. В ходе этой операции, являвшейся полной противоположностью провального захвата в Фюрстенфельдбруке, командос из GSG-9 убили троих террористов и обезвредили четверых, прежде чем те успели причинить вред кому-либо из заложников. Один офицер GSG-9 и четверо заложников были ранены во время захвата. Во Франции было создано контртеррористическое подразделение — группа вмешательства национальной жандармерии (Groupe d'Intervention de la Gendarmerie Nationale - GIGN). В Великобритании элитному полку по специальным авиаперевозкам было дано разрешение на создание военного подразделения, чьей миссией было противодействие терроризму. В 1980 году эти особые войска успешно разрешили ситуацию с шестидневной осадой иранского посольства в Принсес Гейт, Лондон, когда были спасены 19 из 21 заложника (двое погибли в ходе спасательной операции) и убиты пять из шести террористов. Интересный факт, но в то время США не последовали примеру европейских союзных держав и не организовали никакого особого подразделения по борьбе с терроризмом, что восемь лет спустя обернулось для них бедой, когда была провалена операция по спасению 52 американских граждан, удерживаемых в заложниках в посольстве США в Тегеране. Вместо этого президент США Ричард Никсон приказал сформировать специальную межведомственную рабочую группу по терроризму, которую возглавил тогдашний госсекретарь Генри Киссинджер, а также сконцентрировать усилия на дипломатических инициативах в ООН и прочих организациях по всему миру с целью выработки международных конвенций против терроризма.

Однако подлинный урок, извлеченный из событий в Мюнхене, оказался весьма неожиданным. Трагедия на Олимпийских играх доказала, что даже те атаки террористов, которые не достигали заданных целей, могут считаться успешными при условии, что вся операция будет достаточно драматичной, чтобы привлечь внимание средств массовой информации. Что же касается огласки и освещения событий в Мюнхене, палестинцы добились несомненного успеха, что признало даже руководство Организации освобождения Палестины. По словам Абу Ияда[55], начальника разведки этой организации, давнего сторонника Арафата и одного из основателей Фатха, террористы из «Черного сентября», возможно, и «не добились освобождения своих товарищей, заключенных в израильские тюрьмы, как планировали, но они осуществили две других цели операции: мировое сообщество было вынуждено обратить внимание на палестинскую проблему, а сами палестинцы заявили о своем существовании международной общественности, которая не желала признавать их».

Несмотря на осуждение всеми странами действий террористов, вскоре стало очевидно, что для палестинцев провал в Мюнхене явился удачной кампанией по привлечению всеобщего внимания. Четыре тысячи журналистов из печатных изданий и радиопрограмм, а также две тысячи телевизионных репортеров и съемочных групп, приехавшие в Мюнхен освещать Олимпийские игры, немедленно переключили свое внимание на Палестину и ее проблемы. Около 900 миллионов человек в 100 странах наблюдали за развитием кризиса на телевизионном экране. По словам наблюдателя, «если говорить о прочих средствах массовой информации, то можно с уверенностью сказать, что более четверти населения мира было осведомлено об атаке, предпринятой «Черным сентябрем». Было бы справедливо предположить, что лишь единицы зрителей, смотревших передачи с Олимпийских игр, могли забыть сцену с террористом в маске, стоящим на балконе израильского номера в Олимпийской деревне и бравирующим перед телекамерами. Таким образом, люди по всему миру, не знавшие до этого момента ни о палестинцах, ни об их проблеме, уже не могли игнорировать их существование. Как заметил пожилой палестинский беженец в интервью британскому репортеру вскоре после атаки: «После того, что случилось в Мюнхене, никто не сможет игнорировать палестинцев и их проблемы».

Более того, степень жестокости этой операции и отчаянный призыв ее организаторов признать их требования убедили многих людей по всему миру, что палестинцы являются силой, с которой необходимо считаться, а существование их проблемы более нельзя не признавать. «Черный сентябрь» ликовал. В своем официальном сообщении, опубликованном в одной из газет Бейрута через неделю после атаки, группа сделала следующее заявление: «Видя полученный результат, мы пришли к выводу, что эта операция является самой успешной в террористической деятельности палестинцев. Бомба в Белом доме, мина в Ватикане, смерть Мао Цзэдуна, землетрясение в Париже не отозвались столь громко в сознании каждого человека на планете, как происшествие в Мюнхене. Олимпиада вызывает интерес публики более, чем любое другое событие. Выбор местом действия Олимпийских игр исключительно с точки зрения пропаганды оказался на 100 процентов успешным. Мы словно начертали название нашей страны — Палестина — огненными буквами на горе, которую видно со всех четырех концов света».

В последующие за событием в Мюнхене недели тысячи палестинцев поспешили вступить в террористические организации. Возможно, не было чистым совпадением то, что полтора года спустя лидер Организации освобождения Палестины Ясир Арафат был приглашен в ООН для обращения к Генеральной Ассамблее и вскоре после этого Организация освобождения Палестины получила статус особого наблюдателя в международном собрании. К концу 1970-х годов Организация освобождения Палестины, являвшаяся негосударственной организацией, имела формальные дипломатические отношения с большим числом стран (86), чем национальное государство Израиль (72). Неясно, добилась бы Организация освобождения Палестины такого успеха, если бы не прибегла к международному терроризму. За четыре года небольшая группа палестинских террористов преодолела более двух десятилетий безвестности и пренебрежения. Она успешно справилась с задачей, которую не могли решить государственные деятели, лоббисты и сотрудники благотворительных организаций, — обратить внимание мира на палестинский народ и его проблемы. Это также явилось примером для таких же недовольных этнических и национальных меньшинств по всему миру. Всего за десять лет число террористических организаций, действующих либо по всему миру, либо осуществляя атаки на иностранные представительства в собственной стране ради привлечения внимания к своим требованиям, увеличилось в четыре раза. Согласно данным Хронологии международного терроризма, созданной корпорацией РЭНД и Университетом Сент-Эндрю[56], число организаций, связанных с международным терроризмом, выросло с 11 в 1968 году (все три из которых являлись этнонациональными/сепаратистскими организациями, а остальные — радикальными марксистско-ленинскими либо левыми группами) до 55 в 1978 году. Более половины из них (30, или 54%) являлись этнонациональными/сепаратистскими движениями, стремящимися повторить или превзойти успех Организации освобождения Палестины. Это были как международные сообщества вытесненных со своих земель народов, ведущих длительную историческую борьбу за свои права, таких, как армянская диаспора, так и мелкие замкнутые общины, например малоизвестная южномолукская община иммигрантов в Нидерландах. Всех их объединяет глгучее чувство испытанной несправедливости ввиду лишения родины наравне с убеждением, что посредством международного терроризма они могут привлечь внимание мировой общественности к своим требованиям.

ПАЛЕСТИНСКАЯ МОДЕЛЬ. ВОЛНА ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА

Армяне, как уже упоминалось выше, вели вооруженную войну против господства Оттоманской империи в 1880-х и 1890-х годах в надежде получить поддержку Запада. Кульминация восстания наступила в 1896 году с дерзкого, но неудачного захвата Оттоманского банка в Константинополе. Этому событию предшествовали три дня активных антиармянских выступлений и кровопролития, во время которых погибло множество армян. Впоследствии открытые демонстрации армянского национализма были временно запрещены, а те, что все-таки проявились, были подавлены. Однако деятельность националистов вновь проявила себя во время Первой мировой войны, по большей части в результате попыток России провоцировать недовольство армян и тем самым подрывать безопасность общего врага — Турции. Подозрения Оттоманской империи в отношении верности своих армянских подданных, обостренные русской интервенцией, были еще больше усилены отказом армян поддержать Турцию в ведении военных действий. Так, в 1915 году Талат-паша[57], министр внутренних дел Оттоманской империи, объявил об изгнании армян с их земель в восточной Турции в Сирию и Ирак. И хотя точное число армян, погибших во время войны и всеобщих потрясений, остается предметом споров, наиболее распространенная цифра — 1,5 миллиона человек, что составляет примерно 60% армян, проживавших в Турции. События 1915 года часто называют первым внутригосударственным геноцидом XX века.

Несмотря на масштаб этой катастрофы, на протяжении 60 лет трагическая история армянского народа оставалась забытой. Ситуация изменилась в 1975 году, когда в ходе гражданской войны в Ливане возникли две армянские террористические группы, известные под названием ASALA (the Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia) и JCAG (Justice Commandos of the Armenian Genocide). Когда у Акопа Акопяна, лидера и основателя ASALA, спросили о причине столь внезапного возрождения армянского терроризма, он не задумываясь привел в пример палестинский конфликт. «Необходимо принять во внимание два важных фактора, — заявил он в интервью 1975 года, — а именно: всеобщее признание поражения политики, проводимой традиционными армянскими партиями (не сумевшей заявить миру о требованиях армянского народа), а также тот факт, что многие армяне с 1966 года принимали участие в борьбе палестинских арабов с Израилем, где и научились многим вещам». Влияние палестинцев было столь значительным, а их отношения с армянской общиной в Ливане настолько тесными, что ASALA может считать себя преемницей как Народного фронта освобождения Палестины, возглавляемого Джорджем Хабашем, так и более радикальной, отколовшейся от Народного фронта освобождения Палестины Группы специальных операций, во главе которой стоял доктор Вади Хаддад.

Сходные черты и обстоятельства, в которых оказались два лишенных родины народа, произвели почти что гипнотический эффект на молодых армян, проживавших в Бейруте. Двадцать лет спустя палестинское влияние все еще будоражило умы нового поколения молодых армянских бойцов, сражавшихся за власть в Нагорном Карабахе, анклав Кавказа. Как заметил один из наблюдателей в 1994 году после встречи с этими людьми во время визита в Ереван, большинство из них «рассматривали палестинский конфликт как план действий, способный привлечь внимание всего мира. Палестинцы же представлялись им похожими на них самих — народом без родины, подвергаемым гонениям». В случае с ASALA отношения между двумя народами были укреплены щедрыми поставками Народным фронтом освобождения Палестины оружия, обучением и прочими формами сотрудничества.

Именно скорый успех ASALA в оживлении армянского вопроса привел к образованию соперничающей группы — JCAG. Хотя идеология двух групп сильно различалась — ASALA открыто придерживалась марксизма-ленинизма, оставаясь верной курсу Народного фронта освобождения Палестины на мировую революцию, тогда как JCAG представляла более узкие националистические воззрения армян, — обе группы имели три одинаковые цели: осуществить возмездие за события 1915 года; заставить современную Республику Турцию признать факт армянского геноцида, совершенного Оттоманской империей, и таким образом взять на себя за него ответственность; и наконец, добиться от турецкого правительства репарационных платежей тем, кто остался в живых, и их потомкам. В погоне за этими целями с 1975 по 1985 год армянскими террористами было убито более сорока турецких дипломатических работников и членов их семей. Тогда как JCAG (и отколовшаяся от нее Армянская революционная армия) предпочитала осуществлять отдельные убийства турецких дипломатов либо не несущие гибели символические подрывы турецких дипломатических учреждений и представительств авиакомпаний, ASALA применяла более беспорядочную тактику и оружие, мало заботясь о том, кто еще мог пострадать, будь то турецкие граждане или нет, если операция достигала своей цели — привлечь внимание. К примеру, в июле 1983 года во время взрывов в авиакомпании Турецких авиалиний в аэропорту Орли в Париже были убиты семь человек, еще пятьдесят шесть получили ранения. Месяц спустя при нападении ASALA на аэропорт Эсенбога в Анкаре погибли девять человек, семьдесят восемь человек были ранены, в то время как теракт на Центральном базаре в Стамбуле привел к гибели двух человек и причинил повреждения еще двадцати семи. Жестокая тактика и отчаянные попытки ASALA привлечь внимание общественности привели к сравнению этой организации с безжалостными операциями палестинской группы «Черный сентябрь» в общем и кровопролитием на Олимпийских играх в Мюнхене в отдельности. Сообщалось даже, что Акопян самолично принимал участие в Мюнхенском теракте.

К началу 1980-х армянский терроризм наконец дал свои результаты. «Таким образом, верным является тот факт, что появление армянского вопроса в новостях — и в особенности темы армянского геноцида — по большей части является заслугой армянских террористов», — писал в 1983 году Жерар Шальян[58], армянский ученый, живущий во Франции, один из выдающихся мировых специалистов по терроризму и партизанской войне. Годом ранее, изучая армянские террористические движения, Эндрю Корсун, один из лучших аналитиков по терроризму Госдепартамента США, также утверждал, что «прибегнув к терроризму, армянские экстремисты достигли за 5 лет того, чего законные армянские организации добивались целых 70 лет, — интернационализации армянского вопроса». Однако при том, что всеобщей огласки и известности

можно легко добиться посредством террористических актов, армянские группы также обнаружили, что эта известность и внимание не обязательно оборачиваются реальной выгодой. К примеру, детальный эмпирический анализ американских новостных программ, в которых упоминалось об армянском терроризме в период с 1968 по 1983 год, показывает: наряду с тем, что террористические акты способствовали увеличению процента населения, осведомленного о существовании армян, это не способствовало росту степени осведомленности и пониманию армянского вопроса, исторического подтекста борьбы или политических требований. Более важным представляется тот факт, что в отличие от палестинского населения большинство представителей армянской диаспоры по всему миру не спешили вступать в террористические организации или оказывать активную поддержку террористам. Несмотря на выражение понимания целей и мотивов террористов, армянское сообщество не оказывало им заметной поддержки и еще более отдалилось от террористов после актов насилия, совершенных от его имени. Та минимальная поддержка, которая еще оставалась, иссякла окончательно после теракта в аэропорту Орли, так что к концу 80-х ни одна из армянских террористических организаций не занималась более международным терроризмом.

Небольшая община южномолуккских иммигрантов в Нидерландах — это еще один пример этнонациональной группы, желавшей повторить успех палестинцев, которого те добились после событий в Мюнхене. Около 15 тысяч жителей Южных Молуккских островов эмигрировали в Нидерланды в 1951 году из Индонезии после вступления республики Южных Молуккских островов в состав индонезийского штата Негара Индонезия Тимор[59]. Более двадцати лет они лелеяли надежды вернуться на родину и вернуть ей статус независимого государства. В 1977 году вооруженные группы, входящие в состав Свободной южномолуккской организации, потеряли терпение и приготовились к проведению террористической кампании с целью «интернационализировать» свое дело и решить национальный вопрос. В июне того же года две группы террористов захватили голландский пассажирский поезд, а также близлежащее здание школы, взяв в заложники находившихся там людей. Идею о захвате поезда они получили из газетных сообщений о похожей операции, предпринятой палестинскими террористами. 21 захваченный террористами ученик школы и пассажиры поезда были успешно освобождены силами командос из голландской морской пехоты, штурмовавших поезд (при этом были убиты шесть из девяти террористов и двое из числа 51 заложника) и школьное здание, где все четверо террористов были задержаны без кровопролития. Как и армяне, южномолуккские террористы также столкнулись с проблемой извлечения конкретных политических достижений из широкой известности. При том что захват поезда и школы привлек больше внимания общественности к молуккским эмигрантам, чем они когда-либо надеялись получить, в конечном счете эта известность не способствовала разрешению их вопроса и осуществлению национального замысла.

Выходит так, что палестинская модель не слишком идеально подходит для универсального применения. Тем не менее много лет спустя пример палестинских террористов все еще является значимым для этнонациональных и сепаратистских групп, желающих получить международное признание и самоопределение. В последние годы, к примеру, курды, ведущие войну за независимость на юго-западе Турции, не могли прийти к единому мнению, использовать ли им палестинскую модель в качестве руководства к действиям. До настоящего времени Курдская рабочая партия по большей части не прибегала к методам международного терроризма ради достижения национальных притязаний, а вместо этого делала ставку на внутреннюю партизанскую войну в сочетании с единичными актами городского терроризма только внутри страны. Однако их неспособность привлечь внимание мировой общественности и тем самым поспособствовать своему делу, как это сделали более удачливые организации вроде Организации освобождения Палестины, привела к увеличению числа недовольных подобным положением дел молодых курдских активистов. «Сторонники терроризма, — говорилось в одном отчете, — приводят в пример тот факт, что палестинцы имеют посольства более чем в ста странах мира, в то время как курды, куда более многочисленный народ, не имеют ни одного». В соответствии с этим заявлением они требовали проведения более агрессивной террористической кампании по всему миру, идя против воли своих старших сотоварищей, которые считали, что подобная стратегия в конце концов лишит их борьбу поддержки и доверия мирового сообщества. Спор еще далек от разрешения[60].

ПАЛЕСТИНЦЫ-НАСТАВНИКИ: ВОЛНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ЛЕВОГО ТЕРРОРИЗМА

Интернационализация терроризма, происходившая в конце 1960-х и начале 1970-х, была порождением не только палестинского влияния и их успеха. За пределами Ближнего Востока

сочетание социальных проблем и молодежного идеализма, бунтарства, а также антимилитаристских и антиимпериалистических взглядов изменяло коллективное политическое сознание общества в наиболее благополучных странах Западной Европы и Северной Америки. Возможно, крайне благоприятная экономическая обстановка в этих странах позволяла обществу задуматься о прошлом и заняться самокритикой, что в более радикальных политических кругах привело к появлению чувства отвращения к социально-экономическому неравенству, присущему любому современному индустриальному капиталистическому государству. «Все, что их волнует, это лак для волос, отдых в Испании и выложенная плиткой ванная», — говорила о немках Ульрика Майнхоф, политическая активистка и ведущая рубрики в радикальном печатном издании, ставшая одним из террористов Фракции Красной армии.

Резкий контраст между благосостоянием и потребительской способностью высших и низших слоев немецкого общества дополнялся растущей экономической пропастью между развитыми странами и теми, которые впоследствии получили название «страны третьего мира». Этот факт был отнесен радикалами в равной степени как к неокOLONIALной этнической и экономической эксплуатации, присущей капитализму вообще, так и к интервенционной иностранной политике, главным сторонником которой стали США, проводя ее под лозунгом борьбы с коммунизмом. Таким образом, к концу 1960-х несогласие с политикой США в отношении Индокитая стало главным лозунгом для политически активных молодых людей по всему миру. «Антиимпериализм выразился прежде всего в протесте против войны во Вьетнаме, но также против американского господства в большинстве стран третьего мира», — говорил, основываясь на собственном опыте, в своей речи бывший террорист Фракции Красной армии Кристоф Вакернгел.

Фракция Красной армии (нем. Rote Armee Fraktion), более известная как группа Баадера — Майнхоф, а также ее дочерняя организация, получившая название «Движение 2 июня»[61], в большой степени заключали в себе революционный дух и антиправительственные настроения, типичные для левых террористических организаций в западных странах того времени. Обе группы вышли из общественных объединений и студенческих союзов, являвшихся частью контркультуры конца 60-х в Западной Германии, так что было невозможно отделить их радикальные политические взгляды от их альтернативного образа жизни. Революция и вооруженная борьба шли рука об руку с беспорядочными половыми связями и наркоманией. «Вы должны понять, — вспоминала Астрид Пролль, член Фракции Красной армии первого призыва, — что в те годы самой замечательной вещью являлось быть не рок-звездой, а революционером». Михаэль Бомми (прозвище, полученное им за любовь к бомбам) Бауман, лидер Движения 2 июня, также рассказывает в своих мемуарах, что для него «все началось с рок-музыки и длинных волос. Тогда было так: если у тебя длинные волосы, отношение к тебе тут же менялось, и ты становился изгоем, вроде черных. Понимаете? Нас выгоняли из всех заведений, выкрикивали в наш адрес ругательства, гнались за нами. Были одни лишь неприятности. Тогда ты начинал искать похожих на себя людей, других изгоев, называйте их как хотите. Менялась и общественная ориентация. Ты по-другому смотрел на мир».

И все же было бы ошибкой счесть Пролль и Баумана аполитичными себялюбцами или просто изгоями в обществе. Как большей частью представителей их поколения, ими двигало глубокое чувство социальной несправедливости вместе с сильной неприязнью к тому, что виделось им как мировой американский милитаризм и господство. «Я считаю, это не было всего лишь международным вопросом, — вспоминал в своем интервью 1978 года немецкий террорист Ганс Хоаким Кляйн[62]. — Это было внутренней проблемой. Бомбардировщик сделал остановку в Висбадене по пути во Вьетнам». Влияние войны во Вьетнаме на немецкий терроризм можно увидеть в нескольких заявлениях «Движения 2 июня» того времени, приведенных в автобиографии Баумана, как, впрочем, в официальных сообщениях Фракции Красной армии, публикуемых еще длительное время после окончания войны и выхода СИТА из конфликта в Индокитае. Первая существенная террористическая операция Фракции (то есть не просто ограбления банков) была призвана отомстить США за минирование северовьетнамской бухты Хайфон. Мишенью в этой операции стала столовая американских офицеров пятого военного корпуса во Франкфурте. Один человек погиб, тринадцать получили ранения в результате взрыва. Вот что сказала Бриджит Монгаупт, впоследствии одна из ключевых фигур в группе, в своем объяснении немецкому суду в 1976 году. «Стратегическое назначение этой операции, <...> направленной против присутствия американских военных сил в ФРГ, <...> было разработано в присутствии всех членов Фракции Красной армии в ходе коллективного обсуждения».

С окончанием войны во Вьетнаме немецким террористам, принадлежащим как к Фракции Красной армии, так и к другим группам, необходимо было найти новую цель для борьбы. Их выбор

вновь отразил международное направление западногерманской радикальной политики. На этот раз они решили объединить усилия с палестинцами за их правое дело. В своей книге Бауман объяснил, почему был сделан именно такой выбор. «Так как война во Вьетнаме закончилась, люди должны озаботиться ситуацией в Палестине. Она имеет для нас куда большую важность, ведь речь идет о нефтяном бизнесе, и более связана с нами, гражданами европейских государств, чем Вьетнам. Это и стало новым направлением борьбы».

Палестинцы были самыми очевидными кандидатами. Еще в 1968 году Организация освобождения Палестины, и Народный фронт освобождения Палестины в особенности, приветствовали в своих рядах террористов со всего мира, приглашая их в партизанские лагеря в Иордании для прохождения специальной подготовки, обучения и установления прочных транснациональных революционных связей. Следует отметить, что палестинцы первыми основали международную террористическую сеть, подобия которой существуют у многих террористических групп и сегодня. В 1969 году палестинцы пригласили в свои партизанские лагеря по подготовке боевиков в Иордании первую группу западногерманских террористов — соратников Баумана по группе «Блюз», из которой позже выйдет «Движение 2 июня». «У них и правда велась военная подготовка — стрельба из оружия, изготовление взрывных устройств, рукопашный бой, — вспоминает Бауман. — Но палестинцы велели им возвращаться в Германию и пропагандировать их борьбу. Это все, что им было нужно. Оружия они не дали». На следующий год другая группа немецких террористов, включавшая Андреаса Баадера, Гудрун Энслин, Ульрику Майнхоф и шестерых их товарищей, тайно проникла в Бейрут и затем в палестинские лагеря террористов лишь для того, чтобы выскользнуть из кольца полиции, сжимавшегося вокруг них на родине, почти не получив никакой подготовки по ведению городской партизанской войны. И хотя отношения между германскими террористами и палестинской принимающей стороной были натянутыми до такой степени, что спустя два месяца группу попросили покинуть лагерь, Баадер и его люди к тому времени усвоили достаточно, чтобы основать собственную террористическую организацию — Фракцию Красной армии. По словам Рапопорта, эти события явились вехой в истории терроризма, ведь это был первый случай, когда одна группа террористов обучала другую.

Впоследствии отношения между немецкими и палестинскими террористами все более укреплялись. Объединенные группы немецких и палестинских террористов участвовали в захвате нефтяных магнатов на конференции ОПЕК в Вене в 1975 году, угоне в 1976 году самолета авиакомпании «Эр Франс», следовавшего в Энтеббе, Уганда, и упомянутом выше угоне пассажирского лайнера авиакомпании «Люфтганза», летевшего в Сомали в 1977 году. Немецкие террористы также неоднократно предоставляли палестинцам, членам организации «Черный сентябрь», организовавшим теракт на мюнхенских Олимпийских играх, значительную материально-техническую поддержку. И хотя наиболее прочные связи установились с Народным фронтом освобождения Палестины, более умеренная группа Фатх, возглавляемая Арафатом, играла наиболее значительную роль в поставке оружия для Фракции Красной армии. Их политические представители в Германии, направленные туда с целью сбора средств для организации, имели прибыльный бизнес, продавая огнестрельное оружие членам Фракции Красной армии. По словам ведущего аналитика по проблеме германо-израильского контртерроризма доктора Дэвида Шиллера, немецкие террористы не смогли бы долго просуществовать без поддержки своих палестинских коллег.

Сильное влияние, оказанное палестинцами на немецких террористов, никогда не проявлялось настолько отчетливо, как в 1985 году, когда Фракция Красной армии объединила усилия с французской левой террористической организацией под названием Активные действия (фр. Action Directe, или AD) в надежде создать всеобъемлющий «западноевропейский антиимпериалистический партизанский фронт» по модели Организации освобождения Палестины, в который также вошли бы итальянские Красные бригады и бельгийские Коммунистические военные ячейки. Однако пытаясь повторить успех Организации освобождения Палестины, немецкие и французские террористические организации потерпели горькую неудачу, как и армянские, и южномолукские террористы. Через два года обещанная кампания «Евротерроризм», направленная против военно-политической структуры НАТО, обернулась полным провалом. Обстановка в мире, породившая и питавшая эти организации, которая давала им главный смысл существования, менялась быстрее, чем они успевали приспособливаться к изменениям, рискуя окончательно устареть в своих взглядах. После арестов лидеров французской и бельгийской групп антиимпериалистический фронт пришел в смятение. Неудивительно, что вскоре после этого Красные бригады впали в окончательную апатию. Сорокалетняя революционная борьба за благо итальянского народа, о которой они с гордостью заявили десятилетием раньше, лишилась энергии еще до того, как успело смениться поколение. Тем временем в Германии Фракция Красной армии

безуспешно продолжала свою борьбу, несмотря на политические изменения, сотрясавшие Советский Союз и Восточную Европу. Падение Берлинской стены в 1989 году и объединение нации, последовавшее за ним, лишили группу идеологической стойкости, как, впрочем, и удобного иностранного убежища. Обособленная политически и лишенная как покровителя, так и безопасного убежища, Фракция Красной армии распалась в 1992 году под воздействием собственной истощенности и безразличия тех, чьи интересы представляла группа.

Таким образом, из четырех радикальных движений, всего десятилетие назад пытавшихся совместными усилиями осуществить революцию, чье свершение они считали неизбежным, не осталось ни одного. И все же спустя 30 лет с момента основания Организация освобождения Палестины, все еще далекая от обретения суверенитета палестинского государства, не прекратила своего существования, пережив высылку и реформирование, внутренние неурядицы и внешнюю угрозу, и продолжила свою борьбу, начатую давным-давно в столь же трансформированной политической обстановке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как террористическая группа Организация освобождения Палестины, возможно, является уникальным явлением в истории. И не только потому, что она стала первой «международной» террористической организацией, но также ввиду того, что в большей степени, чем другие террористические группы, последовательно придерживалась интернационалистической ориентации. По некоторым оценкам, к началу 1980-х годов по крайней мере 40 различных террористических групп из Азии, Африки, Северной Америки, Европы и Ближнего Востока прошли подготовку в лагерях Организации освобождения Палестины в Иордании, Ливане, Йемене и других местах. Палестинцы взяли на себя обучающую роль не только из чувства взаимопомощи. Иностранцы слушатели этих курсов выплачивали в среднем от 5 до 10 тысяч долларов за 6-месячную программу подготовки. К тому же многие из них впоследствии вошли в ряды палестинских террористов, выполняя совместные операции против Израиля. Таким образом, согласно израильским военным источникам, в 1981 году Организация освобождения Палестины активно сотрудничала с 22 террористическими организациями, получившими от нее поддержку в виде подготовки в палестинских лагерях, поставок оружия и материально-технического снабжения.

Организация освобождения Палестины стала одной из первых террористических групп, активно преследовавших цель накопления капитала и благосостояния в качестве организационных приоритетов. К середине 1980-х организация имела, по некоторым подсчетам, ежегодный приток денежных средств в размере 600 миллионов долларов, из которых 500 миллионов поступали в качестве инвестиций. Столь быстрое накопление капитала кажется еще более невероятным, притом что, когда в 1964 году Организация освобождения Палестины была основана, у нее не было ни фондов, ни связей, ни реального направления действий. Лишь после избрания Арафата председателем исполнительного комитета в 1968 году [63] Организация освобождения Палестины начала путь к превращению во влиятельную силу в международной политике, коей является и по сей день. По наблюдениям британского журналиста и признанного специалиста по терроризму Джеймса Адамса, «с развитием инфраструктуры и ростом доходов Организации освобождения Палестины ей пришлось адаптироваться к изменениям собственной роли и собственного имиджа. Пока мир видел в организации всего лишь банду террористов-фанатиков, грабящих банки и взрывающих воздушные суда с целью привлечь внимание к своему делу, тайная ее сторона поспешно менялась».

Таким образом, внимание, которое получила Организация освобождения Палестины, финансовая и политическая власть, которую приобрела организация, а также высокий статус, приобретенный в международном сообществе, продолжают оказывать мощное влияние на сознание недовольных своим положением народов по всему миру. По иронии судьбы этот «успех» оказал глубокое влияние на приверженность Организации освобождения Палестины к терроризму. Спорным является то, что, несмотря на пылкую реторику, даже международная террористическая организация вроде Организации освобождения Палестины не обязательно должна иметь единственной целью признание международным сообществом, важной частью которой она намерена стать. Это не является полной неожиданностью, если учесть уникальную международную ориентацию Организации освобождения Палестины. Однако особенно ценным это наблюдение делает тот факт, что целью выхода Организации освобождения Палестины на международный уровень уже давно являлось не только желание заключить временный союз с другими террористическими организациями. С середины 1970-х Фатх в частности, но также и Организация освобождения Палестины активно искали контактов с как можно большим числом

стран, независимо от государственного устройства и степени вовлечения в палестинский вопрос. Следуя этим курсом, Организация освобождения Палестины зачастую отказывалась от проведения операций, направленных на неизраильские объекты, пыталась ограничить географическую зону террористических актов, совершаемых входящими в нее группами (как, к примеру, распоряжение Арафата от 1988 года, запрещающее палестинским террористам вести войну за пределами Израиля и территорий, а также предшествовавший ему указ о запрете проведения терактов в Европе), и наконец, пыталась скрыть свое участие или пособничество тем терактам, которые нарушали эти запреты. Поэтому со временем самые радикальные методы борьбы были отвергнуты в пользу того, что было определено умеренным руководством организации как ее «национальный интерес». Вот как охарактеризовал этот процесс Абу Ияд: «Произошло то, чего мы более всего опасались. Наше движение стало бюрократизированным. Приобретая в респектабельности, оно потеряло в воинственности. Мы привыкли иметь дело с правительствами стран и высокопоставленными лицами». И в самом деле, сегодняшнее положение Организации освобождения Палестины в качестве правящей партии в Палестинском национальном правлении на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа обязывает ее заниматься все теми же рутинными жалобами на некомпетентность, апатичность, неэффективность действий и коррумпированность, с которыми сталкиваются правительства всего мира.

Глава 4.

РЕЛИГИЯ И ТЕРРОРИЗМ

Многие террористические группы прошлого и настоящего демонстрировали наличие сильной религиозной составляющей, в большинстве случаев посредством указания на их принадлежности к определенной конфессии. Антиколониальные национальные движения, такие, как еврейские террористические организации, действовавшие в Израиле до обретения страной независимости, и мусульманский Национальный освободительный фронт в Алжире, столь же легко приходят на ум, как и более поздние примеры вроде всецело католической Ирландской республиканской армии (их противники — протестанты, организованные в различные военизированные группы наподобие «Борцов за свободу Ольстера», Ольстерской добровольной армии и «Боевиков красной руки») и, наконец, преимущественно мусульманская Организация освобождения Палестины. Однако главным во всех этих движениях является политический, а не религиозный аспект. Нет никаких сомнений в том, что на первом месте стоят этнонациональные и/или ирредентистские устремления.

Впрочем, для других групп религиозный мотив является главенствующим. Более того, религиозная мотивация является определяющей чертой многих террористических групп в настоящее время. Последствия переворота, превратившего в 1979 году Иран в исламскую республику, сыграли важную роль в возрождении этого направления терроризма. Но как мы позже увидим, возрождение религиозного терроризма наблюдалось не только в Иране, и уж тем более не только на Ближнем Востоке или в исламских государствах. С 1980-х религиозный терроризм был связан с большинством мировых религий, а также с менее значительными сектами и культурами. «Я не раскаиваюсь в своем поступке, — заявил полиции Игаль Амир[64], молодой еврейский экстремист, убивший премьер-министра Израиля Ицхака Рабина. — Я действовал в одиночку и исполнял волю Бога». Сегодня подобные слова могли бы произнести исламские террористы из группы «Хамас», совершившие целую серию взрывов в общественном транспорте и местах с большим скоплением народа, потрясших Израиль; мусульманские террористы из Алжира, терроризировавшие взрывами Францию; японские последователи Секо Асахара из секты «Аум Синрикё», которые в марте 1995 года предприняли атаку нервно-паралитическим газом на пассажиров токийского метро с целью приблизить наступление нового тысячелетия; или американские христиане-патриоты, которые месяцем позже устроили взрыв в федеральном административном здании в Оклахома-Сити, руководствуясь куда более запутанным и менее постижимым мотивом, состоящим из целой смеси бунтарских, параноидальных и антиправительственных настроений. Как мы позже уясним, в терроризме, мотивируемом в целом или отчасти религиозными воззрениями, где насилие рассматривается как осуществление

божественной воли или священное действие, применяются несколько иные способы узаконивания и оправдания творимых действий, чем в обычном терроризме. Эти характерные особенности приводят, в свою очередь, к еще большему кровопролитию и разрушениям.

Связь между религией и терроризмом — явление не новое. Более двух тысячелетий назад религиозными фанатиками были совершены первые акты того, что мы сейчас назвали бы терроризмом. К примеру, некоторые слова, используемые в английском языке для описания деятельности террористов, произошли от названий еврейских, индийских и мусульманских террористических группировок, действовавших довольно давно. Этимология английского слова *zealot*, имеющего значение «фанатичный адепт», «ярый сторонник» или «фанатик», восходит к еврейской секте зилотов, которые с 66 по 73 год н.э. сражались против римской оккупации земель, входящих сегодня в состав Израиля. Зилоты совершали жестокие убийства по большей части отдельных лиц, действуя лишь с помощью оружия — кинжала «сика». Зилот возникал из толпы на городском рынке, доставал спрятанный под одеждой кинжал и на виду у всех присутствующих перерезал горло римскому легионеру или еврею, приговоренному к смерти за предательство или отступничество. Следовательно, задолго до появления новостных программ и спутниковых телетрансляций публичные кровавые акты насилия со стороны зилотов, как и теракты сегодня, были направлены на оказание психологического воздействия, выходящего за рамки убийства непосредственной жертвы теракта и таким образом несущего важное послание широкой аудитории, а именно римскому оккупационному правлению и евреям, которые помогали захватчикам. Считалось, что зилоты также использовали примитивные химические яды в качестве оружия, отравляя колодцы и склады зерна, которыми пользовались римляне, и даже саботировали систему водоснабжения Иерусалима.

Английское слово *thug*, имеющее значение «убийца», «головорез», «бандит», произошло от названия религиозного культа, существовавшего с VII века в Индии, члены которого терроризировали страну до момента ликвидации этого культа в середине XIX века[65]. Таги совершали акты ритуального убийства, принося жертвы индийской богине страха и разрушения Кали. В священные дни года члены секты бросали свои обычные занятия и затаивались в ожидании случайных путников, над которыми совершали ритуальные действия в виде удушения и принесения в жертву богине Кали. По некоторым сведениям, таги погубили около миллиона человек за 1200-летний период существования культа, что составляет около 800 человеческих жертв в год. Таким числом жертв вряд ли может похвастаться любая современная террористическая организация, вооруженная куда более разрушительным оружием[66].

И наконец, английское слово *assassin* или его русский аналог *ассасин*, обозначающий «человека, подвергающего другое лицо коварному убийству», или «наемного убийцу», являлось названием радикальной группы, отколовшейся от мусульманской секты Шиа Исмаили, которая между 1090 и 1272 годами н.э. сражалась с крестоносцами-христианами, пытавшимися завоевать территорию современных Сирии и Ирана. Буквальный перевод слова «ассасин» — поглотитель гашиша — отсылка к ритуальному опьянению, совершавшемуся ассасинами, прежде чем отправиться на свое кровавое дело. Насилие являлось для ассасинов священным действием, долгом перед высшими силами, исполнения которого требовали религиозные тексты и священнослужители. Таким образом, насилие, творимое ассасинами, было направлено не только на уничтожение недругов-христиан, но и на приближение новой эры. Важным дополнением в мотивации действий ассасинов было обещание того, что, погибнув при исполнении своего священного долга, убийца немедленно попадет в рай. Сходный мотив самопожертвования и мученического самоубийства можно заметить сегодня во многих исламских и зачастую других религиозных террористических организациях.

До XIX века, как указал Рапопорт в своем основополагающем труде, посвященном явлению, которое он определил как «священный террор», религия являлась лишь оправданием для терроризма. Многие политические изменения нашей эпохи, о которых шла речь в первой главе, включая конец божественного монархического правления в Европе в начале XIX века, привели к рождению новых идей, пересматривающих отношения гражданина и государства, а также понятий национализма и национального самоопределения, вызвавших, в свою очередь, изменения в мотивации и акцентах. Растущая популярность политических школ радикального толка, включая марксизм (а также последовавшие за ним вариации в виде ленинизма и маоизма), анархизм и нигилизм, завершила трансформацию терроризма из религиозного в светский феномен. Процесс «секуляризации» получил новый толчок с появлением антиколониальных/национальных освободительных движений, возникших после Второй мировой войны и бросивших вызов западному господству в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Это оказало мощное воздействие на

этнонациональные/сепаратистские и идеологические террористические организации конца 1960-х и начала 1970-х.

Несмотря на то что религия и терроризм долгое время шли рука об руку, позднее в XX веке религиозный терроризм был заменен этнонациональным/сепаратистским и идеологически мотивированным терроризмом. К примеру, ни одна из одиннадцати известных нам международных террористических организаций, действовавших в 1968 году, когда, как было замечено ранее, зародился современный международный терроризм, не может быть отнесена к религиозному терроризму, то есть имеющему цели и мотивацию, отражающие религиозный характер или направленность группы [67]. Этого следовало ожидать лишь в разгар «холодной войны», когда большинство террористических групп (8) являлось левыми революционными организациями с марксистско-ленинской идеологией, а оставшиеся три, включая группы, входящие в состав Организации освобождения Палестины, отразили приход первых постколониальных этнонациональных/сепаратистских организаций. Лишь в 1980 году в результате революционной борьбы в Иране, происходившей годом ранее, появились первые «современные» религиозные террористические группы. Даже в таких условиях, несмотря на значительный рост числа поддающихся учету международных террористических групп с 11 до 64, а также десятикратное увеличение (с 3 до 32) числа этнонациональных/сепаратистских организаций (по причинам, описанным в главе 3), всего 2 из 64 групп, действовавших в 1980 году, могут быть отнесены к преимущественно религиозным по характеру и мотивировке. Это поддерживаемые Ираном шиитские организации Альдава и Комитет по защите Исламской революции.

Однако, притом что возрождение современного религиозного терроризма изначально ассоциировалось с исламской революцией в Иране, спустя десятилетие с момента тех событий ни одна из мировых религий не могла отрицать, что ей свойственна та же смесь веры, фанатизма и насилия. Двенадцать лет спустя, в 1992 году, число религиозных террористических групп весьма показательно выросло с 2 до 11, и более того, включало теперь еще и крупнейшие неисламские религии мира наряду с небольшими сектами и культами.

В то время как увеличивалось число религиозных террористических групп, количество этнонациональных/сепаратистских террористических групп существенно снизилось. Одним из возможных объяснений подобной тенденции является тот факт, что многие этнонациональные/сепаратистские группы конца эпохи «холодной войны» неожиданно для себя оказались вовлеченными в ожесточенные конфликты и гражданские войны, происходившие на родине этих организаций (Боснии, Чечне, Нагорном Карабахе и других частях Восточной Европы и бывшего СССР). Поэтому времени и сил на участие в международном терроризме у них оставалось крайне мало. Другим правдоподобным объяснением может служить тот факт, что в то время, когда жесткая биполярная структура политики «холодной войны», сдавливающая более полувека ООН, начала рушиться и начали возникать новые независимые государства, немедленно включаемые в состав международного сообщества, почти не оставалось причин прибегать к международному терроризму ради обретения национальной независимости. Также в условиях, когда исчезли препятствия на пути стран, желающих вступить в ООН, многие группы, возможно, сочли использование методов международного терроризма не помехой (опорочивающей их борьбу и лишаящей их права на вступление в сообщество наций), но мерой, приводящей к прямо противоположным результатам. Наконец, будет интересно отметить следующий момент: несмотря на окончание «холодной войны» и развал СССР, а также распад Варшавского договора, группы, поддерживающие учение марксизма, ленинизма и маоизма (либо некоторые ответвления этих идеологических направлений), не изменили своих взглядов, продолжая верить в миф о мировом террористическом заговоре, проводимом или контролируемом Москвой и ее коммунистическими ставленниками, созданный во время «холодной войны».

Значительным является тот факт, что в 1990-х рост числа религиозных террористических групп в соотношении со всеми действующими международными террористическими организациями не только продолжился, но и значительно ускорился. К примеру, в 1994 году треть (16) из 49 известных международных террористических групп, действовавших в тот год, может быть отнесена к религиозным по своему характеру и/или мотивам; а в 1995 году, по которому имеется наиболее полная статистика, их число снова выросло, составив около половины (26, или 46%) или 56 известных действующих международных террористических групп.

Не удивительно, что религия стала куда более распространенным мотивом для террористической деятельности в эпоху, последовавшую за окончанием «холодной войны», чем старые идеологические направления, чью несостоятельность продемонстрировал развал СССР и

крушение коммунистической идеологии, в то время как щедрые обещания либерально-демократических капиталистических государств, торжествующих по поводу того, что Фрэнсис Фукуяма[68] в своем знаменитом изречении назвал «концом истории», никак не выполняются во многих странах по всему миру. «Чувство общественной незащищенности», вызванное этими изменениями, которое нанесло ущерб как экономически неблагополучным регионам (сектор Газа и бывший СССР), так и наиболее процветающим странам (Япония и США), усугублялось различными социальными факторами, включая увеличившийся рост населения, стремительную урбанизацию и развал местных сфер соцобеспечения (медицины, жилищно-коммунальной сферы, программ социальной помощи и образования), предоставляемых государством.

Выделение религии как главной движущей силы в международном терроризме в 1990-х годах подтверждается и тем фактом, что наиболее значительные (с точки зрения политических предпосылок и последствий или числа пострадавших) теракты десятилетия имели значительный религиозный подтекст и/или мотивировку:

- атака нервно-паралитическим газом заринном на пассажиров токийского метро в марте 1995 года, совершенная японской религиозной сектой, в ходе которой погибло 12 человек и пострадало еще 3796 (имеются данные о том, что группа также планировала подобные теракты в США);

- взрыв в федеральном административном здании в Оклахома-Сити в апреле 1995 года, унесший жизни 168 человек, устроенный христианами-патриотами, с разворачиванием революционных действий по всей стране;

- взрывы в нью-йоркском Центре международной торговли в 1993 году, устроенные исламскими радикальными террористами, которые предприняли попытку завалить одну башню на другую, а также, по имеющимся данным, выпустить в воздух облако ядовитого газа;

- упомянутое выше убийство в ноябре 1995 года израильского премьер-министра Ицхака Рабина еврейским религиозным фанатиком-экстремистом, которое должно было стать лишь первым шагом в кампании массовых убийств, нацеленной на срыв мирного процесса;

- подрыв грузовика в казармах американских ВВС в Дахране, Саудовская Аравия, в 1996 году, во время которого погибли 19 человек, устроенный военизированной группой религиозных фанатиков, выступавших против режима Аль-Сауда;

- череда кровавых терактов, устроенных между февралем и мартом 1996 года террористами-камикадзе из Хамаса, нарушивших течение национальных выборов в Израиле, в ходе которых погибли 60 человек;

- жестокое нападение с применением огнестрельного оружия и ручных гранат на группу туристов из Европы и Америки, совершенное недалеко от отеля «Каир» в апреле 1996 года египетскими исламскими террористами, в ходе которого погибли 18 человек;

- убийство в ноябре 1997 года египетскими террористами из «Гамат Аль-исламия» (Исламская группа) 58 иностранных туристов и 4 египтян у храма царицы Хатшепсут в Луксоре, Египет;

- целая серия (13) почти одновременно прогремевших взрывов автомобилей и грузовиков, потрясших Бомбей, Индия, в феврале 1993 года, в ходе которых погибли 400 и пострадали еще 1000 человек, совершенных в ответ на уничтожение исламской святыни в этой стране;

- захват пассажирского лайнера авиакомпании «Эр Франс» в декабре 1994 года исламскими террористами из алжирской Вооруженной исламской группы, которые замыслили (однако так и не осуществили задуманное) взорвать самолет с собой и 283 пассажирами над Парижем, чтобы горящие обломки обрушились на городские улицы, заполненные народом[69];

- серия взрывов, организованных алжирской Вооруженной исламской группой между июлем и октябрём следующего года в вагонах метро, на рынках, в кафе, школах и популярных местах отдыха туристов, в ходе которых погибли 8 человек и более 180 получили ранения;

■ жестокое кровопролитие, устроенное исламскими экстремистами непосредственно в Алжире, унесшее, по некоторым подсчетам, жизни 75 000 человек с 1992 года.

Все эти данные указывают на то, что терроризм, мотивируемый в целом или отчасти религиозными взглядами, зачастую приводил к более жестоким актам насилия, в ходе которых гибло большее число людей, чем при менее массовых и губительных актах насилия, совершенных «светскими» террористическими организациями. Хотя террористы из религиозных организаций совершили в 1995 году (последний календарный год, по которому доступна полная база данных по терроризму из хронологии РЭНД[70] — Сент-Эндрю) всего 25% зарегистрированных международных терактов, во время их проведения погибли 58% из числа жертв всех терактов, произошедших в тот год[71]. А те нападения, совершенные в 1995 году, в ходе которых погибло наибольшее количество жертв — восемь и более, все были совершены религиозными террористами. Непосредственная взаимосвязь религиозного мотива с терроризмом и высоким уровнем смертности наиболее ярко проявляется при рассмотрении актов насилия, совершенных исламскими террористами-шиитами. Хотя эти группы совершили около 8% всех международных терактов между 1982 и 1989 годами, тем не менее они повинны в 30% смертей от общего числа погибших в ходе терактов[72].

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

Причина, по которой теракты, совершаемые по религиозным мотивам, оборачиваются большим количеством смертей, возможно заключается в совершенно иной системе ценностей, механизмах узаконивания и оправдания, представлениях о морали и видении мира, присущих религиозному терроризму в сравнении со «светским».

Для террориста-фанатика насилие — это прежде всего священное действо или божественная обязанность, творимая по прямому требованию веры. Таким образом, терроризм приобретает некое сверхъестественное измерение, а сами террористы перестают быть связанными политическими, моральными или практическими нормами, которые сдерживают других террористов. Тогда как прочие террористы, даже если и располагают средствами для проведения крупномасштабных операций, редко организуют массовые убийства, так как данная тактика не согласуется с их политическими принципами и, таким образом, может привести к обратным результатам, да и просто считается аморальной, религиозные же террористы зачастую жаждут уничтожения более широко определяемой категории врагов и поэтому рассматривают крупномасштабные теракты не только как морально оправданные, но и необходимые для достижения их целей. Таким образом, религия, выраженная в священных текстах и истолковываемая клиром, говорящим от имени Бога, является узаконивающей силой. Это объясняет, почему официальное одобрение духовным лицом так важно для религиозного терроризма и зачем террористу требуется «благословение» (то есть одобрение или санкционирование) перед совершением теракта.

Религиозные и светские террористы различаются и кругом сторонников. В то время как светские террористы пытаются апеллировать к широкому кругу действительно и потенциально сочувствующих лиц, членов сообществ, которые они поддерживают, или ущемленных групп населения, интересы которых они представляют, религиозные террористы одновременно являются и активистами, и сторонниками, вовлеченными в то, что они называют священной войной. Они совершают действия лишь от своего собственного лица. Таким образом, ограничения, накладываемые другими террористами на творимое ими насилие из желания заручиться поддержкой возможных сторонников, не распространяются на религиозных террористов. Более того, отсутствие потенциальных сторонников в представлении религиозных террористов ведет к санкционированию почти неограниченного насилия, творимого в отношении неограниченного числа мишеней, то есть любого, кто не исповедует одну с террористами религию или не входит в их религиозную общину. Это объясняет риторику, присущую лозунгам «священной войны», называющим лиц, не входящих в религиозное сообщество террористов, унижительными и умаляющими человеческое достоинство словами вроде «неверные», «собаки», «дети сатаны» и «нечистые». Намеренное использование подобной терминологии ради потворства и оправдания насилия очень важно, так как еще больше ослабляет ограничения, наложенные на насилие и кровопролитие посредством изображения жертв терактов как нечеловеческих существ или не заслуживающих жизни индивидов.

И наконец, религиозные и светские террористы также имеют значительные различия в представлении о себе и творимом ими насилии. В то время как светские террористы

рассматривают насилие либо как способ подстегнуть изменения к лучшему в существующей системе, либо как путь к созданию новой государственной системы, религиозные террористы видят себя не составными частями этой системы, которую стоит сохранить, а «аутсайдерами», стремящимися изменить существующий порядок. Это чувство отчуждения позволяет религиозным террористам использовать куда более разрушительные и гибельные виды террористических операций, чем светским террористам, и таким образом расширять список приемлемых целей.

ИСЛАМСКИЕ ГРУППИРОВКИ

Эти основные характеристики, присущие религиозным террористическим группам всех вероисповеданий, тем не менее наиболее часто ассоциируются с исламскими террористическими группировками, в особенности иранскими. В основе иранской исламской террористической кампании лежит задача расширения движения фундаментализма за счет других стран исламского мира. «Мы должны стремиться к разжиганию революции во всем мире, — заявил в своей речи в канун иранского нового года в марте 1980 года аятолла Хомейни, всего через год после основания Исламской Республики Иран, — и оставить все помыслы об отказе от нее. Так как Иран не только не признает какие-либо различия между мусульманскими странами, но и является заступником всех угнетенных народов. Мы должны сделать понятной нашу позицию относительно держав и сверхдержав и выразить им наш протест, несмотря на трудности, которые мы испытываем. Наше отношение к миру продиктовано нашими верованиями».

Исламская революция в Иране является примером для мусульман всего мира, подвигая их на возврат к фундаментальным принципам Корана и противостояние влиянию Запада, в особенности США, на Ближнем Востоке. Подобная установка отражает верования и историю развития шиизма в исламе в видении Хомейни и записях его последователей в Иране и других странах Ближнего Востока. Начав с представления о том, что шииты много веков являлись меньшинством внутри ислама, преследуемым из-за особых, лишь им одним открытых знаний, они впоследствии заклемили все светские правительства как не имеющие законности. По этой причине законность может быть обретена лишь путем принятия исламского закона, чтобы ускорить пришествие на землю пророка Мухаммеда, посланника Аллаха. В соответствии с этим, так как лишь Иран приступил к искуплению своей вины перед Всевышним, создав истинное исламское государство, это государство должно стать защитником угнетенных и притесненных народов во всем мире. Насилие и принуждение — не только допустимые меры для распространения исламской веры по всему миру, но являются необходимым средством для достижения этой данной свыше цели.

Чувство отчуждения и необходимости серьезных перемен во всем мировом порядке открыто читается в работах целого ряда теологов-шиитов. «Мир, в котором мы живем сегодня, — творение рук других народов, — писал аятолла Багер аль-Садр. — У нас есть два пути: принять его с покорностью, что означает позволить исламскому миру исчезнуть с лица земли, чтобы мы могли создать новый мир по законам ислама». Мустафа Шарман заявил: «Мы не ведем борьбу по правилам того мира, который существует сегодня. Мы отвергаем эти правила». Хусейн Мусави, бывший лидер ливанского движения «Хезболла», ставший жертвой ракеты, выпущенной в 1992 году с борта израильского вертолета, однажды заметил: «Мы боремся не за то, чтобы враг признал наши требования и дал нам нечто. Мы сражаемся за полное уничтожение нашего врага».

Эти заявления также отражают представления шиитов об их окружении и сопутствующей ему агрессивной обороне. «Мы, сыновья общины «Хезболла» (Воины Всевышнего)[73], — говорилось в официальном сообщении от 1985 года ливанской шиитской террористической группы с одноименным названием, — считаем себя частью мирового исламского сообщества, атакованного одновременно тиранами и самоуверенными правителями Востока и Запада... Наш путь — радикальная борьба против греха». То, что Воины Всевышнего считают, что ведут борьбу с целью самозащиты, да еще и по воле самого Господа, заметно в высказываниях духовного лидера группы, шейха Мухаммеда Хусейна Фадлаллаха. «Мы в исламе не считаем, что насилие является решением всех проблем, а считаем его лишь оперативным вмешательством, которое применяют, когда перепробованы все другие методы, а жизнь индивида все еще находится в опасности, — сказал он в интервью. — Насилие появилось тогда, когда народ, чувствующий себя скованным бессилием, поднялся для того, чтобы положить конец своей беспомощности и добиться свободы». В этой связи, подчеркнул Фадлаллах, нападении Израиля на Ливан в 1982 году явилось олицетворением враждебности Запада по отношению к революционному исламу:

«Этому вторжению противостоял исламский фактор, уходящий корнями в исламскую революцию в Иране. На протяжении всего времени конфликта Америка являлась общим

знаменателем. Америка всегда представлялась истинной причиной, стоящей за конфликтом в этом регионе, из-за той поддержки, которую она оказывала Израилю и многим местным реакционным правительствам, а также потому, что закрыла глаза на вопросы прав человека и свободы в этом регионе»[74].

Еще в 1996 году Фадлаллах оправдал исламский терроризм, назвав его средством самозащиты. «Мы не проповедуем насилие, — заявил он. — Священный джихад в исламе — оборонительное движение, направленное против тех, кто творит насилие».

Одобрение террористических операций духовными наставниками всегда играло важную роль в шиитских организациях. Фетва, приговаривающая к смерти писателя Салмана Рушди, принятая в 1989 году аятоллой Хомейни, как раз подтверждает этот факт. Точно так же суннитские экстремисты, которые причастны к взрывам в нью-йоркском Центре международной торговли в 1993 году, получили фетву от шейха Омара Абделя Рахмана[75] (в настоящее время содержащегося под стражей в США), прежде чем начать планировать теракт. Мусульманские священнослужители оказывали поддержку и давали свое благословение даже на самоубийство при исполнении теракта, несмотря на то, что самоубийство запрещено в исламе. К примеру, сразу после терактов в штаб-квартирах морской пехоты США и десантных войск Франции в 1983 году Хусейн Мусави заявил: «Я объявляю громко и открыто, что двойной теракт, произошедший в воскресенье, являлся правомерным действием. У врат смерти я отдаю должное героизму воинов-камикадзе, каковыми они и являются; теперь они под защитой Всевышнего и его ангелов».

Подобные настроения существуют не только у радикально настроенных шиитов. Вооруженные организации суннитских фундаменталистов изображают свою борьбу в подобных же непреклонных терминах. По словам Антара Зураби, одного из лидеров алжирской Вооруженной исламской группы, борющейся за основание исламской республики в Алжире, в борьбе этой организации против незаконного светского правительства Алжира не может быть ни мирного диалога, ни минуты перемирия. Слово Всевышнего, продолжает он, неизменно в отношении этой борьбы. Всевышний, объяснил Зураби в своем интервью, не торгуется и не вступает в дискуссии. Зураби обозначил кампанию как тотальную войну. Первостепенной задачей организации он назвал «основание истинно исламского государства». Если при выполнении этого божественного долга погибнут невинные граждане, то, значит, так тому и быть. Прежде всего, пояснил Зураби, убийство отступников и тех, кто не является частью исламского движения, является долгом для него и его сторонников. При любом стечении обстоятельств пророк Мухаммед простит гибель невинных, как это указано в одном из стихов Корана, зачитанном Зураби: «Я невиновен в гибели людей, потому как они имели связь с теми, кто должен погибнуть».

Борьба, которую ведут против Израиля члены Движения исламского сопротивления, известного под арабским названием «Хамас» (Усердие)[76], также проходит в условиях «тотальной войны», не терпящей передышек до тех пор, пока враг не будет окончательно и бесповоротно повержен. Завет «Хамаса» гласит: «Израиль будет существовать до тех пор, пока ислам не уничтожит его, как уничтожил многих до этого». Подобные взгляды разделяет и лидер политического крыла группы Имад Салуджи, который заявил американскому ученому Марку Юргенсмейеру, что «Палестина не полностью свободна, — не в смысле ограниченности суверенитета, осуществляемого над семью палестинскими городскими центрами Палестинской национальной автономией[77] во главе с Ясиром Арафатом, — пока она не стала исламским государством». Более того, в 7-й главе Завета этой организации совершенно четко угадывается миллениаристский[78] контекст: «Время искупления грехов не придет до тех пор, пока мусульмане будут сражаться с евреями и убивать их, и до тех пор, пока евреи будут прятаться за камнями и деревьями от крика: «Эй, мусульманин, здесь скрывается еврей! Приди и убей его!» Пример озабоченности религиозных террористов уничтожением практически несметных полчищ врагов можно найти и в проповеди, которую прочитал в мечети города Газа в 1987 году основатель и духовный лидер «Хамаса» имам шейх Ахмед Ибрагим Яссин. Внедряя в сознание слушателей мысль о том, что «Хамас» ведет войну не только против Израиля, но против всех евреев, Яссин неоднократно заявлял: «Шесть миллионов обезьяньих отродий (то есть евреев) правят всеми народами мира, но настанет и их черед. Аллах! Погуби их всех, не пощади ни одного!»

Кровавая террористическая кампания, проведенная террористами-камикадзе против Израиля, является достаточным свидетельством демонстрации скрытого подтекста подобных рассуждений и преданности террористов своему делу. Более 150 человек были убиты в ходе 14 терактов, совершенных террористами «Хамаса» и еще одной палестинской группой — «Исламского джихада Палестины» — между апрелем 1994 и июлем 1997 года. Смысл этих операций пояснил один из

главных мусульманских активистов в интервью израильскому телевидению в 1994 году. Он четко сформулировал логику или стратегию терроризма как единственного оружия, доступного слабым и беззащитным в борьбе с сильным и могущественным противником. «Нам не хватает оружия, которым располагает наш враг, — заявил он. — У нас нет ни авиации, ни ракет, ни даже артиллерии, чтобы бороться со злом. Этот тип операций представляет собой наиболее эффективный способ причинения вреда врагу с минимальными потерями. Этот прием разрешен религией и приравнен к мученичеству. Совершая подобное действие, мученик обретает право попасть в рай и освободить себя от боли и страданий земного мира».

Манера изложения и терминология напоминают средневековое учение ассасинов, в котором говорилось о рае, ожидавшем священных воинов. Описание этого рая остается сегодня таким же, как и было семь столетий назад. Это место, где текут «реки молока и вина, а озера наполнены медом, и где мученика ожидают 72 прекрасные гурии». Там мученик предстанет перед ликом Аллаха, и позже к нему присоединятся его семьдесят избранных родственников. В этом небесном мире, где не действуют законы шариата (исламского закона), мученику доступны радости потребления крепких напитков, которые при жизни мусульманину пить запрещено, и любви прекрасных девственниц. Не удивительно, что с первых терактов, совершенных исламскими террористами-камикадзе в начале 1980-х, свидетели и выжившие жертвы часто вспоминали, что террористы улыбались, прежде чем взорвать себя и окружающих. Капрал морской пехоты, стоявший на посту у казарм в бейрутском международном аэропорту утром 23 октября 1983 года, вспоминает, как водитель грузовика, начиненного взрывчаткой, молодой человек с густыми черными волосами и усами, «посмотрел мне в глаза и улыбнулся». Эта улыбка называется бассамат аль-фарах, «улыбка радости», и является традицией в шиизме, выказывающей радость мученичества. Среди суннитских террористов это явление также распространено. Заявление, сделанное «Хамасом» вслед за убийством главного подрывника группы, Яхья Аяш, получившего прозвище Инженер, подтвердило преимущества самопожертвования[79]. «Доблестный палестинский народ, — объявлялось в нем, — военизированное движение "Хамас", принося вам радостную весть о том, что его лидер, герой Яхья Аяш, вознесся на небеса, поздравляет его с возложенной на него честью стать мучеником во славу Всевышнего и всегда будет помнить жертвы, отданные во славу Всевышнего».

И ради свободы своей родины и народа. Пасть смертью мученика было давним желанием Яхья. К этой цели стремятся все герои "Хамаса"».

Подобные настроения были поддержаны отцом Аяша, который сказал: «Если он погиб, то пусть Всевышний благословит его. Если он погиб как мученик, то я могу его поздравить».

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Те же черты, что отличают деятельность исламских террористических групп (легитимизация насилия религиозными предписаниями, чувство отчуждения, террористические движения, в которых активисты являются еще и лидерами, уничтожение широкой категории врагов), в равной степени присущи еврейским террористическим движениям, появившимся в Израиле в начале 1980-х. По большей части члены этих групп черпали вдохновение из проповедей раввина Меира Кахане. Проживавший в Нью-Йорке Кахане говорил в своих проповедях о смертельной ненависти арабов и в то же время превозносил достоинства еврейской агрессивности и воинственности. Он написал много работ, активно проповедовал, выступал с речами и вел колонку в газете[80], а также основал свою собственную (в настоящее время находящуюся вне закона) израильскую политическую партию/организацию линчевателей под названием «Ках» (Так), чтобы распространять свои радикальные, не терпящие компромисса идеи. Преобладающим стремлением Кахане было создать мифический образ евреев как жертв. Отсюда его убеждение, что евреи долгое время вели борьбу против всего мира, настроенного против этого народа, окруженные разжигателями ненависти и тайными антисемитами в США и хищными и кровожадными арабами как за пределами, так и внутри Израиля. «И помимо прочего, — писал он в 1971 году и повторял всю свою жизнь, — необходимо понять, что все народы, даже в самые благоприятные времена не любили евреев». Единственным способом выживания в подобной агрессивной для евреев среде, по словам Кахане, была активная военная деятельность, являющаяся не иначе как неотъемлемым правом на самозащиту, которая вызвала аналогии с учением Франца Фанона[81] о катарсисе насилия. «Никогда более, — заявил Кахане, — означает, что с нас хватит положения, когда мы терпим удары и не даем сдачи. Никто не будет нас уважать и никогда не полюбит до тех пор, пока мы сами не начнем себя уважать».

Когда Кахане вместе с семьей эмигрировал в Израиль в 1971 году, он начал реализовывать свою программу по защите интересов евреев в «палестинском вопросе». Это повлекло за собой неоднократные и резкие атаки на правительственную политику как в отношении мирного урегулирования, так и к якобы «нежестким» мерам по борьбе с палестинским терроризмом. К примеру, в 1980 году Кахане открыто призвал израильское правительство к созданию государственной «еврейской террористической группы», чьей целью должно было стать «убийство арабов и выдворение их из Израиля и оккупированных территорий». Десять лет спустя он беспрерывно продолжал призывать к насильственному выдворению всех арабов из Эрец Исраэль (Земля Израиля — библейские земли Большого Израиля, в которые входит как территория современного государства Израиль, так и оккупированный Западный берег) либо их физическому истреблению, если они откажутся уйти. В своей речи перед студентами университета в пригороде Лос-Анджелеса в 1988 году Кахане называл арабов «собаками», народом, который плодится как мухи и который должен быть изгнан из Израиля или уничтожен[82]. Подобными словами Кахане стремился показать арабов как нелюдей и таким образом сделать продвигаемую им одиозную политику более приемлемой для евреев. «Я не намерен молчать, в то время как арабы намереваются уничтожить мою страну, — пулями или новорожденными детьми, — заявил он. — Очень важно, что вы знаете, что имя Кахане означает для арабов. Оно означает "страх"».

Однако интересы Кахане простирались куда дальше практических соображений безопасности, и он воспользовался мистическими иудейскими представлениями, которые оправдывали плохое обращение с арабами или даже насилие над ними. В этом отношении обязанность всех евреев трудиться ради скорого возмездия стала неизменно отождествляться с «грехом» возвращения арабам библейских земель (Западного берега), которые Бог отдал Израилю. «Разве Бог уже не с Израилем? — спросил Кахане в 1981 году. — Неужели мы настолько сбились с пути, что более не осознаем исторически predetermined Израилю роли, которая гарантирует, что Израиль более не может быть уничтожен, а его жители изгнаны со своей родины? Почему мы не можем понять, что именно наше нежелание разбираться с арабами, как того требует Галаха (еврейский религиозный закон), навлечет на наши головы ужасные беды, тогда как смело взявшись за выдворение арабов, мы многократно приблизим наше избавление?»

Когда два года спустя арабами был убит ученик еврейской религиозной школы, группа последователей Кахане из ультранационалистического движения поселенцев Западного берега «Гуш Эмуним» («Блок верных») перешла в наступление. Они решили подвергнуть нападению исламский колледж в Хевроне[83], городе, расположенном на занятом Израилем Западном берегу, причем сделать это в такое время суток, чтобы вызвать наибольшее число жертв. Как и исламским террористам, еврейским поселенцам также необходимо было получить особое благословение для своей операции от духовных лиц. Для членов группы было очевидно, что они не смогут перейти к действиям без благословения раввина. Получив его, террористы нанесли удар: они открыли огонь из автоматического оружия по исламским студентам, вышедшим из классов на перемену, убив при этом 3 и ранив еще 33 человека.

Укрепленные в своих помыслах успехом операции и получившие еще раз благословение раввина, террористы приступили к осуществлению куда более масштабных операций. На этот раз они замыслили одновременный подрыв пяти арабских автобусов в день и час, когда в них будет находиться максимальное число пассажиров, а на улицах почти не будет евреев. Согласно плану взрывные устройства должны были быть закреплены рядом с бензобаками автобусов и взорваться в пятницу вечером, сразу после начала шабата. Однако когда группа уже готова была осуществить свой план, все ее члены были арестованы. Только тогда стало известно, что последние четыре года группа также замышляла взорвать Храмовую гору в Иерусалиме, третью наиболее значимую святыню в исламе, которая стоит на том месте, где находилось самое священное место в иудаизме — Второй храм, разрушенный в 70 году н.э.

Операция под названием «Храмовая гора» обозначила резкое ужесточение применяемого террористами насилия. Террористическая кампания переросла из обычной мести против простых смертных в подлинно миллениаристское событие. Двадцать восемь адских машин, собранных террористами, были для них не просто орудиями смерти и разрушения, но способом творить чудеса. Их целью было не просто уничтожение мусульманской святыни из слепой ненависти или дерзкой мести, но расчистка площадки для строительства Третьего храма и ускорение пришествия Мессии. Они были убеждены, что своими действиями могут ускорить второе пришествие. Однако куда более пугающим был второстепенный мотив террористов. Уничтожив столь чтимую мусульманскую святыню, они хотели положить начало глобальной войне между Израилем и мусульманским миром. Террористы считали, что осажденное Израильское государство, атакуемое

со всех сторон разъяренными, безжалостными, варварскими силами, не будет иметь иного выхода, кроме как задействовать свой ядерный потенциал. Результатом должно стать полное уничтожение арабских врагов Израиля[84] и основание на земле нового Царства Израильского, теократического государства, управляемого помазаным на царство еврейским царем и «истинным» Высшим судом. Как и все предыдущие операции террористов, этот великий замысел также должен был получить одобрение духовенства.

Та же изменчивая комбинация мессианских представлений о втором пришествии, почерпнутых из религиозных заповедей и претворяемых в жизнь при помощи конкретных действий, включая массовые убийства, была в той же мере очевидна и десятилетие спустя в таких инцидентах, как бойня в Пещере Патриархов и убийство Ицхака Рабина годом позже. Первый инцидент случился 25 февраля 1994 года в святом месте, почитаемом и совместно посещаемом как иудеями, так и мусульманами. Доктор Барух Гольдштейн, американский ультранационалист, ортодоксальный еврей и горячий сторонник Кахане, вошел в мечеть Ибрагима (Авраама), расположенную в Пещере, и открыл огонь по мусульманским верующим, собравшимся на пятничную молитву. Его атака была спланирована так, чтобы совпасть не только с самой серединой священного месяца мусульман — Рамадана (когда мечеть должна была заполниться народом до отказа), но и с еврейским праздником Пурим. В ходе этого праздника чувствуется иудей по имени Мардохей, живший в V веке до н.э. в Персии, который единолично спас свой народ от злейшего врага Амана[85]. Желая сыграть роль современного спасителя, Гольдштейн успел выпустить 119 пуль из американской винтовки M-16 в толпу, убив 29 и ранив 150 человек, прежде чем пораженные прихожане опомнились от шока и забили его до смерти. Могила Гольдштейна, считающаяся святыней, охраняется и почитается религиозными ультранационалистами, которые разделяют его враждебное отношение к светскому израильскому правительству и рассматривают мирные соглашения как нечестивый замысел передачи палестинцам библейских земель, которые Бог отдал еврейскому народу. Как и задумавшие взорвать Храмовую гору, Гольдштейн хотел оказаться в рядах тех, кто осуществит предназначение еврейского народа. Его миссией также являлось приближение второго пришествия посредством невиданных разрушительных сил, которые должны потрясти мир после акта насилия, задуманного им. Гольдштейн был уверен, что это не только гарантирует Израилю вечное владение его библейским правом первородства, но и пришествие на землю Мессии, как это предсказал Кахане.

Убийство в 1995 году премьер-министра Ицхака Рабина произошло все из-за той же смеси религиозного пыла и глубокой неприязни к израильскому светскому руководству, его избранным лидерам и процессу мирного урегулирования, в результате которого дарованные Богом еврейские земли должны были отойти к непримиримым врагам. Как и Гольдштейн, Амир был глубоко убежден, что исполняет божью волю. Ссылаясь на постановление Галахи о «законе преследователя» (Дин Родеф), Амир объяснил полицейским, проводившим допрос, что он считает абсолютно справедливым убийство человека, которого считает главным виновником гибели еврейского народа. «В ту секунду, когда еврей предает свой народ и страну ради врага, ОН должен быть лишен жизни», — заявил Амир.

Похоже, что существенное влияние на него оказали крайне настроенные раввины, которые неоднократно приговаривали Рабина к смерти как духовного врага еврейского народа. Амир, в свою очередь, считал своим долгом или, как он это назвал, «мистическим побуждением» убить человека, который, по словам духовных авторитетов, представлял смертельную угрозу для всех евреев. «Возможно, физически я действовал в одиночку, — заявил Амир в зале суда, — но это убийство совершил не только мой палец, лежавший на спусковом крючке, а весь мой народ, который на протяжении двух тысяч лет мечтал о своей родине и проливал за нее кровь». После убийства стало известно, что Амир предпринял по крайней мере две попытки убить Рабина. Более того, это убийство, по замыслу Амира и его предполагаемых сообщников, должно было стать первым шагом в череде массовых убийств, включая подрыв транспортных средств в ответ на аналогичные действия со стороны палестинских террористов и убийство этих самых террористов, выпущенных на свободу из израильских тюрем в ходе процесса мирного урегулирования конфликта.

Все надежды на то, что эти непоколебимые жесткие настроения, поощряемые и поддерживаемые духовными лицами, возможно, исчезнут в волне возмущения и

общенациональной переоценке ценностей, последовавших за убийством Рабина, развеялись после того, как в апреле 1997 года раввин-экстремист призвал всех евреев создать организацию наподобие «Хамаса» и начать серию терактов с участием арабов, направленных против арабов. «Самоубийство во время военных действий допустимо, так как совершается во имя победы Израиля, — написал раввин из поселения Тапуах на Западном берегу, пропагандируя самопожертвование еврейского народа в статье "Принеси свою жизнь в жертву Богу". — Человек, вызвавшийся участвовать в подобных операциях, — заявил он, — будет назван героем и мучеником».

ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ БЕЛОГО ГОСПОДСТВА

На другом конце земного шара, в самом сердце Америки, применение насилия сходным образом оправдывается религиозными обязательствами, являясь способом свержения ненавистного светского правительства и обретения как очищения, так и религиозного спасения. Взрыв в Федеральном административном здании Альфреда П. Мюрра в Оклахома-Сити в апреле 1995 года неожиданно для всех пролил свет на деятельность внутреннего воинствующего движения христианских сторонников белого господства, проводимую им задолго до трагедии.

В июне 1997 года Тимоти Маквей, 28-летний резервист армии США, был признан виновным денверским Федеральным судом в совершении теракта. Два месяца спустя его приговорили к казни посредством смертельной инъекции[86]. Будучи правым экстремистом с антиправительственными взглядами, Маквей спланировал теракт (предположительно при содействии его товарища, Терри Л. Николса, суд над которым проводился отдельно[87]), чтобы отпраздновать вторую годовщину кровавого нападения сил ФБР на секту «Ветвь Давидова» в городе Вако, штат Техас, в ходе которого погибли 74 человека, среди которых был 21 ребенок[88]. Он и его предполагаемый сообщник(и), очевидно, были одержимы идеей, что инцидент в Вако (а также осада сотрудниками ФБР деревенского дома сторонников белого господства в месте под названием Руби Ридж, штат Айдахо, произошедшая годом ранее[89]) является уловкой американского правительства с целью запретить владение огнестрельным оружием. Были и другие мотивы — включая месть, протест и вооруженное сопротивление, которые, как выяснилось позже, разделялись всеми членами хорошо вооруженных и агрессивно настроенных против государства подразделений, получивших название «гражданская милиция». С ними и общался Маквей. Люди вроде тех, что были причастны к взрыву в Оклахома-Сити, являются яркими сторонниками второй статьи Конституции США, которая предусматривает организацию гражданской милиции и сохраняет за гражданами право на ношение оружия. Многие из таких групп разделяют те же бунтарские, антисемитские и расистские взгляды, что и движение американских христианских патриотов (сторонников белого господства). В связи с этим гражданская милиция всегда рассматривалась как часть большого «конвейера». Так ее обозначил Леонард Зескинд, директор Центра демократического возрождения в Атланте — организации, следящей за деятельностью гражданской милиции. Подобное сравнение отражает процесс, когда отдельные лица привлекаются в такие группы, как гражданская милиция, на основании их несогласия с законопроектными, запрещающими владение оружием, но постепенно меняют свои взгляды в сторону более экстремистских и насильственных, что, в свою очередь, оправдывается отсылками к текстам Священного Писания и теологическими доводами.

Будни арizonских «милиционеров»

Хотя организованные группы фанатиков и прочие организации, поглощенные мыслями о мифических теориях заговора, существовали в США уже не одно десятилетие, появление экстремистов из вооруженных групп сторонников белого господства и прочих полувоенных организаций, наподобие христианских патриотов, ориентированных на стратегию «выживания», навыки жизни в дикой природе, подготовку партизан и открытое подстрекательство к мятежу — сравнительно недавнее явление. Притом что различные военизированные движения, наподобие гражданской милиции, были выявлены не ранее 1990 года, они — не что иное, как самые последние проявления радикальных правых и поддерживающих белое господство движений, которые неоднократно являлись в свет под другими именами, чтобы привлечь все новых последователей, новобранцев и сторонников. С появлением гражданской милиции

антиправительственное движение получило крайне действенный способ для привлечения большего числа людей, таких, как Маквей, которые не только являлись яркими противниками контроля над распространением оружия, но и разделяли представления о фантастических теориях заговора и неизменно подозревали администрацию Клинтона в создании некоего генерального плана по изъятию оружия у граждан США и лишению их главных личных свобод. По словам Майкла Фортъера, близкого друга Маквея, который давал против него показания на суде, они оба «верили, что ООН активно пытается сформировать единое мировое правительство, разоружить граждан Америки и лишить их защиты».

Мичиганская милиция, военизированная организация, в которую входит 12 тысяч человек и с которой были связаны Маквей и Николе, полагает, что американское правительство уже запустило программу по контролю над каждым жителем США. «Правительство уже контролирует всех нас, — поясняет Рэй Саутвел, один из основателей группы и ее представитель по связям с прессой. — Но если ты пойдешь против правительства и будешь сопротивляться, они попытаются тебя прижать. Мы готовимся защищать нашу свободу. Судя по тому, что творится сейчас, можно предположить, что когда-нибудь пули будут цениться на вес золота и серебра». В соответствии с этим убеждением милиция, обучая новобранцев ведению партизанской войны и навыкам выживания, готовится противодействовать тому, что ее члены считают планами администрации США: применение сил ООН, вооруженных советской военной техникой, или орды китайцев-коммунистов, с поддержкой со стороны латинских и негритянских городских банд, чтобы сломить любое сопротивление. Опустив все объяснения, связанные с заговором, становится ясна главная цель «Мичиганской милиции» — самый обычный бунт. Один из основателей и командир этой организации Норман Е. Олсон не колеблясь заявляет, что это так. «Моя цель — не организация революции, — заявил он в своем послании, опубликованном в Интернете (именно этому средству связи отдают предпочтение члены милиции и другие сторонники белого господства), — ибо революция придет сама. Моя цель — основать Республиканское временное правительство».

Около 800 других групп гражданской милиции с подобными воззрениями, членами которых, по их же заявлению, являются более пяти миллионов американцев, но чье число в реальности не превышает 50 тысяч, действуют сейчас почти в каждом штате страны. Определить хотя бы примерные масштабы движения гражданской милиции довольно непросто, не только из-за географической разбросанности и значительного роста числа сторонников этого движения, но также из-за серьезных различий между двумя типами гражданской милиции, которые появились в стране. Первый тип — так называемые «говорящие милиции» (также известные под названием милиция внутреннего фронта), к которым принадлежит большинство сторонников движения. Члены этих групп в первую очередь заняты противостоянием законопроектам по запрещению владения оружием, а не разжиганием революции и поэтому не учиняют какого-либо насилия. Однако их политика отражает исключительно светские теории заговора, которые всегда отождествлялись с правыми американскими организациями, высмеянными в фильмах, таких, как «Доктор Стрейнджлав»[90] Стэнли Кубрика. Другой тип — «марширующие милиции» (также называемые «открытые милиции»), активно занимаются подрывной деятельностью и разделяют революционные, расистские и антисемитские взгляды, присущие всему движению американской христианских патриотов. Именно эта наиболее радикальная часть движения американской милиции, в которую входит не более 10 тысяч постоянных ее членов, горячо верит в угрозу нападения со стороны ООН и захват Америки и поэтому готова оказать активное сопротивление.

Среди наиболее заметных групп из числа «марширующих милиций», проявившихся с момента подрыва здания в Оклахома-Сити, особо выделяется «Милиция Монтаны». Эта организация разделяет те же революционные принципы и глубокие опасения, что и подобные им организации в Мичигане и по всей стране. «Контроль над оружием — это контроль над людьми», — заявляют основатели организации братья Джон и Дэвид Трохманны. Двенадцать с лишним тысяч членов «Милиции Монтаны» обучаются навыкам ведения партизанской войны, выживания вне города и прочим нетрадиционным тактикам, готовясь к отражению неизбежной атаки сил федерального правительства с целью изъятия оружия и лишения их неотъемлемого права на его ношение. Группа также распространяет собственную продукцию — инструкции типа «сделай сам» и кассеты с записью инструкций по производству взрывных устройств и с разъяснением психологических приемов убеждения слушателей в необходимости готовиться к грядущему Апокалипсису, который поглотит США за «грехи против Бога». В штате Монтана есть и другие группы крайне правого толка, включая «Североамериканскую добровольческую милицию» и образование под названием «Почти рай». В то время как «Североамериканская добровольческая милиция» высказывает недовольство «хаосом», в который ввергло страну правительство, и предупреждает: «Нам необходимо очищение, и сделать это можно лишь кровью», члены образования «Почти рай»

ожидают неизбежного наступления Армагеддона. Группа, чьим основателем и лидером является Бо Гритц, бывший кандидат в президенты от экстремистской крайне правой партии и ветеран Вьетнама, состоявший в войсках особого назначения, также фанатично защищает право на владение оружием и настроена против правительства, как и милиции, однако разделяет веру в наступление конца света, к которому готовится, накапливая арсенал, провизию и ценные вещи, а также обучая рекрутов ведению партизанской войны и выживанию вне города. Безопасность обеспечивают элитные команды СПАЙК, которые, по мнению одного хорошо осведомленного наблюдателя, имеют столько же общего с группами гражданской милиции, сколько спецподразделения вооруженных сил США («Зеленые береты») с «воинами по выходным» из местной национальной гвардии (американский эквивалент Британской территориальной армии). В апреле 1996 года был разрешен серьезный конфликт между ФБР и другой группой гражданской милиции из Монтаны, известной под названием «Свободные люди», и таким образом удалось избежать повторения провала, случившегося при нападении на общину «Ветвь Давидова». Переговоры, длившиеся 81 день, привели к добровольной сдаче двух членов группы, на чьи имена были выписаны федеральные ордера на арест.

На юге страны, в штате Техас, группа «Большая звезда-1» заявляет, что имеет в своем распоряжении целую «дивизию» вооруженных последователей, причем отдельные подразделения боевиков размещены в северной части штата, а также в штатах Оклахома и Нью-Мексико. «Техасская конституционная милиция» объявила, что располагает тысячами сторонников и филиалами в сорока других странах. Третья милиция, известная под названием «Республика Техас», проводит «кампанию бумажного терроризма», а именно пытается затруднить деятельность судов штата, засыпая их вымышленными земельными исками и лишенными обеспечения чеками. «Республика Техас» считает, что присоединение штата Техас в 1845 году было незаконным и поэтому США не имеет никакой легитимной власти над этим штатом. «Милицию Индианы» наблюдатели описывают как военизированную организацию, противостоящую законопроекту о контроле над оружием. Члены этой организации гордо заявляют, что «устали от насилия и грабежей со стороны шайки бандитов, возглавляющих федеральное правительство», и грозятся взять власть в свои руки.

Амбиции движения гражданской милиции были наглядно продемонстрированы, по крайней мере, тремя не связанными между собой заговорами, раскрытыми федеральными властями со времени теракта в здании в Оклахома-Сити. В июле 1996 года были арестованы 12 членов группы из штата Аризона, известной под названием «Вайпер милиция». Шестерым из них были предъявлены обвинения в незаконном владении взрывчатыми веществами и автоматическим огнестрельным оружием, а также в организации заговора с целью подрыва общественного порядка. Предположительно группа собиралась устроить семь взрывов в административных зданиях города Финикс в ближайшие два года и для выполнения этого плана провела предварительную разведку, включая детальную видеосъемку потенциальных объектов терактов. Для исполнения плана группа как раз делала запас аммиачной селитры — удобрения, использовавшегося для изготовления взрывного устройства, уничтожившего Мюрра-билдинг. На момент ареста у группы находилось 1900 фунтов удобрения; бомба в Оклахома-Сити содержала около 4800 фунтов удобрения, смешанного с высокооктановым топливом для гоночных автомобилей. О втором инциденте стало известно 4 месяца спустя, когда агенты Управления оборотом спиртных напитков, табака и огнестрельного оружия арестовали 3 членов «Милиции республики Джорджия». Всех троих признали виновными в «разжигании войны против правительства», причем в их планы входило убийство высокопоставленных чиновников и даже организация терактов на предстоящих Олимпийских играх в Атланте. Наконец, в ноябре 1995 года семь членов «Горной милиции Западной Вирджинии» были арестованы по обвинению в попытке взорвать компьютерный центр ФБР в этом штате.

Следует отметить, что члены всех этих групп не являются постоянными «профессиональными» террористами, вроде тех, что принадлежат к ирландским, баскским, ближневосточным террористическим и крайне левым европейским экстремистским группам последних двух десятилетий, однако считают себя «солдатами народной милиции», обычными гражданами и патриотами, мнимыми наследниками традиций американской революции, готовыми немедленно взяться за оружие, чтобы защищать свои права. Возможно, поэтому теракт в Оклахома-Сити совпал с датой начала американской революции в Бостоне 220 лет назад. Сам Маквей использовал данную аналогию в отношении себя и причин, по которым он совершил теракт. «Каждый здоровый мужчина, каждый патриот обязан защищать свою свободу, — сказал Маквей в интервью британскому журналисту. — Как и солдаты народной милиции времен революции».

Хотя движение гражданской милиции — явление сравнительно недавнее, его корни можно найти в движении «Posse Comitatus» (отлат. «Мощь страны»[91]), организованном в 1970 году, и его более позднем варианте — группе «Патриоты Аризоны», созданной в 1980 году, с которой, по предположению следователей, Маквей имел тесные связи. Эти две группы отвергают любые формы правления выше окружной власти и намеренно игнорируют существование федерального подоходного налога и налога штата, а также не признают существования федеральной резервной системы и верховенства федеральной судебной системы над местными судами. За последние два десятилетия местные филиалы «Posse Comitatus» были организованы почти в каждом штате страны. Количество актов насилия, совершаемых этой организацией, постоянно росло, особенно на Среднем Западе и в северо-западной части страны. Ее члены нападали на сотрудников правоохранительных органов как местных, так и федеральных структур, являвшихся к ним с повестками в суд или пытавшихся в какой-либо форме применить к ним правовые нормы. Повестка в суд, присланная одному из членов филиала «Posse Comitatus» в Северной Дакоте Гордону Кэлу в 1983 году, привела к первому вооруженному сопротивлению крайне правых местным и федеральным властям. В завязавшейся перестрелке Кэл убил двух федеральных судебных исполнителей, прежде чем сам был застрелен. Не побоявшиеся участи Кэла 6 членов группы «Патриоты Аризоны» были задержаны в 1986 году по обвинению в заговоре с целью взорвать местное управление Внутренней налоговой службы США в Огдене, штат Юта, административное здание в Лос-Анджелесе (а более конкретно — офисы ФБР, расположенные в нем), а также синагогу в городе Финикс, штат Аризона. В настоящее время новое поколение «Патриотов Аризоны» продолжает кампанию своих предшественников. В своих ночных радиопередачах на коротких волнах лидер «Патриотов» Уильям Купер призывает членов организации решительно противостоять установлению «нового мирового порядка», проводимого такими организациями, как ООН посредством договоров вроде Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле.

Однако было бы ошибкой рассматривать движение гражданской милиции и более поздние организации, вроде «Posse Comitatus» и «Патриотов Аризоны», как вооруженные антифедеральные группы или экстремистские движения по отказу от уплаты налогов. Цели и мотивы этих групп включают широкий круг антифедеральных и бунтарских взглядов наряду с религиозной ненавистью и расистской нетерпимостью, скрытых под благовидностью религиозных учений. Все эти группы связаны между собой общими чертами, присущими движению христианских патриотов, среди которых:

- враждебность по отношению к любой форме правления выше окружной власти;
- объявление евреев и представителей неевропейских рас «детьми сатаны»;
- одержимость идеей религиозного и расового очищения США;
- вера в теорию заговора, осуществляемого евреями, обладающими политической, финансовой и информационной властью;
- пропаганда свержения американского правительства, или сионистского оккупационного правительства, как его часто называют члены движений патриотов и гражданской милиции.

Боевые уставы многих групп гражданской милиции (переписанных и перелицованных военных пособий и боевых уставов армии США) и прочая литература свободно используют цитаты из Священного Писания в поддержку актов насилия, ими творимых, а также используют библейские церковные обряды, чтобы освятить свою параноидальную страсть к оружию. Один новобранец гражданской милиции рассказывал в интервью о том, как проходил процесс принятия его в ряды движения, устроенный в сельской церкви в штате Миссури. «Это было странно. Все было очень по-церковному. Вдоль скамеек стояли люди с оружием, винтовками, у некоторых были пистолеты. Мы все встали и пошли к алтарю весьма странной процессией. Нам сказали, что все это часть ритуала посвящения в «Солдаты Господа» в этой «священной войне». Один из распорядителей ритуала поднялся на кафедру и произнес: «Скоро нам прикажут убивать, и мы будем убивать с любовью в сердцах, ибо Господь будет с нами». Связующей нитью между этими, на первый взгляд, разными и несопоставимыми группами гражданской милиции, противников налогов, антифедералистов, религиозных фанатиков и расистов является религиозный догмат о господстве белой расы, поддерживаемый движением «Christian Identity»[92], основанным на движении англо-израилизма, появившемся в Великобритании в середине XIX века. Основным элементом англо-

израилизма было убеждение в том, что десять потерянных израильских колен состояли из англосаксов, а не из евреев. Однако в противоположность современному движению «Christian Identity» в США англо-израилизм XIX века проповедовал куда более мирную доктрину. Основные принципы современного американского движения строятся на том, что:

- Иисус Христос был не иудеем, а арийцем;
- потерянные племена Израиля состояли не из евреев, а из «голубоглазых арийцев»;
- белые англосаксонцы, а не евреи являются «избранным народом»;
- США — это и есть «земля обетованная».

В данном контексте евреи рассматриваются как самозванцы и дети сатаны, которые должны быть уничтожены.

Идеология сторонников движения «Christian Identity», вкупе с вооруженным сопротивлением налогообложению и регрессивным популизмом играет важную роль в доктрине христианского патриотизма, разделяемой сегодня группами «марширующей милиции». Идеологический наследник группы «Posse Comitatus» с ее жесткими антифедеральными принципами, движение «Христианских патриотов» продвинулось еще дальше, обретя изменчивую теологическую составляющую, сочетающую в себе интерпретацию Священного Писания движения христианского единения и мифа иллюминатов[93] — глобальной теории заговора, появившейся в конце XVIII века и подразумевающей деятельность франкмасонов, а позже включившей в себя евреев, международные банковские интересы и прочие темные загадочные силы. Согласно современной американской интерпретации, получившей название «теория двух семян» и разделяемой христианами патриотами, на земле существуют две расы: одна божественная, а другая — сатанинская. К первой расе принадлежат белые англосаксонские христиане, а ко второй — евреи и все неевропеоидные расы. Движение также верит в моральные и юридические нормы, представленные в форме «общего права», выработанного из синтеза Великой хартии вольностей, первоначального варианта статей американской Конституции и Билля о правах, а также считает бумажные деньги мошенничеством, признавая в качестве приемлемых платежных средств лишь золото и серебро. Следует отметить, что Маквей открыто признавался в интервью в своей вере в принципы христианского патриотизма и в том, что участвовал в некоторых мероприятиях этой группы.

В основе таких движений, как «Christian Identity», «Христианский патриотизм» и гражданская милиция, лежит организация, называемая «Арийские нации». Штаб-квартира этой экстремистской, антисемитской, неонацистской группы сторонников белого господства, антифедералистов и противников налогообложения располагается в отдаленном районе на окраине национального природного заповедника Кёр Д'Ален в Хайден Лейк, штат Айдахо. Территория в сорок акров обнесена высоким забором. Организация была основана в 1974 году преподобным Ричардом Гирнтом Батлером, бывшим авиационным инженером из Калифорнии, переехавшим в Айдахо годом ранее. Под его руководством «Арийские нации» выполняют ту же функцию, что и Организация освобождения Палестины, являясь объединяющей группой для организаций схожего толка и выполняя координирующую и связующую функции. Для этого проводятся съезды «Арийских наций», устраиваемые почти каждый год с 1973 года, кроме 1985 года, когда повсеместные аресты членов радикальной отколовшейся группы, называющей себя «Порядок», нанесли значительный, хотя и временный удар по движению белого господства. Лидер «Милиции Монтаны» Джон Трохманн, к примеру, был основным оратором на таком съезде в 1990 году.

Идеология «Арийских наций» является все той же смесью расистских и бунтарских высказываний, характерных для всего движения американских христианских патриотов. В брошюре под названием «Это "Арийские нации"» говорится:

«МЫ ВЕРИМ, что сейчас идет ожесточенная война между детьми тьмы (народом, который мы называем евреями) и детьми света (Господа), арийской расой, истинным библейским народом, избранным Богом.

МЫ ВЕРИМ в сохранение нашей расы как по отдельности, так и все вместе, как единый народ, как того требует Господь. Мы верим, что расовая нация имеет право и даже обязана содержать в

сохранности себя и своих представителей. Будучи избранной Богом расой, мы должны исполнять божественную волю.

Мы ВЕРИМ, что грядет день расплаты. Узурпатор будет отброшен великой мощью народа Яхве, когда последует он к корням своим и уготованной ему судьбе».

В самом деле, в «Платформе Арийского национального государства», как и в статье 8 Конституции США, говорится, что «мы будем жестоко бороться против тех, чьи действия несут вред общему делу».

Подобное «очищение» США является неизменной точкой отсчета для идеологии христианских патриотов. «Чуждые народы вливаются, словно мощный поток, в каждую из земель наших предков, угрожая нам лишением нашего наследия, культуры и самой жизненной силы нашего потомства, — предупреждает Батлер. — Мы знаем, что, вернувшись к естественному порядку вещей, установленному нашим Отцом, мы вновь обретем могущество, благополучие и свободу, чтобы навеки установить на земле царство справедливости». В агитационной литературе группа заявляет о своем желании «пояснить самим себе и своим врагам, что мы намерены делать: «Мы обретем свое национально-расовое государство, каким бы кровопролитием нам это не обошлось. Как и наши отцы, купившие свободу ценой собственной крови, мы пойдем на все». Далее в листовке порицается «власть злобных ублюдочных политиканов <...> в современной декадентской Америке, где миллионы белых, трясаясь от страха и потеряв надежду, наблюдают, как их великая культура, наследие и цивилизация растворяется в кипящей зловонной жиже из других чужеродных рас, культур и божеств». Роберт Мэтьюс, ныне покойный лидер «Порядка», однажды заявил, что для того чтобы остановить этот поток, необходимо уничтожить всех евреев, черных, латиноамериканцев и прочих «грязных людей» наряду с так называемыми белыми «предателями своей расы». Он охарактеризовал это как «расовый и религиозный Армагеддон».

В особенности тревожным представляется тот факт, что основание для действий, высказанное христианами патриотами и по сути являющееся смесью расизма, антисемитизма и подстрекательства к бунту, оправдано и узаконено религиозными доводами. Это одновременно и политическое, и массовое религиозное движение. Лидеры отдельных групп этого движения зачастую являются церковнослужителями, как, например, основатель и «генерал» «Мичиганской милиции», пастор Норман Олсон, лидер организации «Арийские нации», располагающейся в штате Айдахо, преподобный Ричард Гирнт Батлер, а также пастор Торн Робб из Ку-клукс-клана, которые намеренно подчеркивают свои церковные звания ради придания своей организации религиозного налета, а также оправдания насилия и потворства ему. В статье, озаглавленной «Нация, состоящая лишь из белых? Почему бы нет?», преподобный Рой Б. Маскер поясняет, что члены организации «Арийские нации» «не подчиняются нашему Отцу и Богу, Яхве, позволяя Нации, которую он нам дал, все более превращаться в выгребную яму кровосмешения, в которой мы оказались. <...> На нас возложена обязанность СОЗДАТЬ НОВУЮ БЕЛУЮ НАЦИЮ! Это повеление Божье, и да поступим мы так, как требует Господь! Все священные тексты требуют этого от нас! — Вот так Маскер завершает свои указания: — Горе тем, кто встанет на пути арийского движения!»

Создается впечатление, что христианские патриоты не признают каких-либо политических, моральных или практических соображений, ограничивающих действия других террористических групп и препятствующих массовым смертям и разрушениям. Существует поразительное сходство между этими группами и религиозными фанатиками из исламских шиитских организаций, а также из еврейских мессианских движений Ближнего Востока. Все эти группы трансформировали абстрактные политические идеологии и цели в религиозный императив. Насилие не только одобрено, но и предопределено божественным промыслом. Убийство людей, называемых «неверными» у шиитов, «собаками» у евреев или «детьми сатаны» у христианских патриотов, становится священным действием.

Хотя действия христианских патриотов явились причиной куда меньшего числа смертей, кровопролития и разрушений, чем теракты исламских шиитских террористов, есть доказательства того, что некоторые из руководителей движения планировали массовые убийства мирных граждан. К примеру, в обвинении, официально выдвинутом федеральным Большим жури в 1987 году, говорилось о том, что 15 представителей групп со всей территории США и Канады встретились в штаб-квартире «Арийских наций» в Айдахо в 1983 году для разработки плана по насильственному свержению федерального правительства и созданию отдельной арийской нации внутри США. В обвинении также утверждалось, что они задумали «убийство федеральных чиновников, политиков

и евреев, а также подрывы и отравление городской системы водоснабжения». Все сомнения в серьезности их намерений отпали, когда полиция и агенты федеральной службы в ходе рейда на поселение сторонников белого господства в штате Арканзас, проведенного в апреле 1984 года, обнаружили склад, на котором хранилось около 30 галлонов цианида для отравления водохранилищ в Чикаго, штат Иллинойс, и в Вашингтоне, округ Колумбия.

Аналогичный план действий описан в деталях в романе «Дневник Тернера», написанном Вильямом Пирсом под псевдонимом Эндру Макдональд, который называли «Библией» христианских патриотов, оказавшей к тому же сильнейшее влияние на Маквея, когда тот планировал взрыв Мюрра-билдинга. В книге описываются события, которые начинаются с революции, совершенной сторонниками белого господства в 1991 году, и кульминация которой наступает два года спустя в виде «тотальной расовой войны» и мирового ядерного противостояния. Террористическая группа под названием «Порядок» приступила к осуществлению безжалостной террористической кампании, в которую входило убийство государственных чиновников и высокопоставленных евреев, нападение на коммерческие авиалайнеры, отравление системы водоснабжения и подрыв коммунальных сооружений. Кульминация книги наступает, когда террористы захватывают ядерный арсенал США и уничтожают несколько американских городов, прежде чем направить оружие на цели в Израиле и Советском Союзе.

Роман Пирса, хотя и является вымыслом, все же во многом напоминает «Mein Kampf» Адольфа Гитлера, который тогда никто не воспринял всерьез и который всего спустя десять лет после публикации обернулся ужасной реальностью. Какими бы невероятными и безумными ни казались события, описанные в «Дневнике Тернера», стратегия зарождающейся террористической кампании, проводимой в США в 1983—1984 годах Робертом Мэтьюсом и реальной группой «Порядок», была целиком основана на плане, описанном в книге. Еще в одном примере того, как жизнь подражает искусству, а именно в руководстве для членов организации «Милиция Монтаны», состоящем из двухсот страниц и, по некоторым сообщениям, словно скопированном из «Дневника Тернера», в мельчайших подробностях описаны планы, как:

- парализовать всю экономику США, включая сельскохозяйственный и промышленный секторы, а также транспорт и систему связей;
- убить «деятелей искусства и известных спортсменов», а также других выдающихся личностей в качестве «действенной формы пропаганды революционных и патриотических принципов»;
- уничтожить шпионов и вероломных государственных чиновников;
- разжечь «атмосферу волнения, недоверия, ненадежности, неуверенности и озабоченности со стороны правительства».

Причудливые апокалиптические видения из «Дневника Тернера» длительное время являлись важной составляющей верований сторонников белого господства, христианских патриотов и движения гражданской милиции. Тогда как большинство людей испытывает страх перед ядерной войной, многие сторонники белого господства, похоже, приветствуют подобную перспективу, считая ее возможностью уничтожить своих заклятых врагов и обеспечить воплощение в жизнь своих замыслов по созданию нового мирового порядка, мира, заселенного исключительно белой расой. Целью «Завета», группы, занимающей бывшую резиденцию организации «Меч и Десница Господня», расположенную на горе Хоум, штат Арканзас (место, где обнаружили склад с цианидом), было «строительство Ковчега для избранного Богом народа, чтобы пережить приближающиеся бедствия». В соответствии с этим замыслом около ста человек, включая женщин и детей, проживавших в поселении, готовились к наступлению Армагеддона, запасаясь оружием, продовольствием и ценными вещами, а также проходя курсы выживания вне города и ведения партизанской войны. Вот что говорил о деятельности группы пастор Терри Ноубл, выразитель ее общего мнения: «Мы — христиане, которые верят в то, что грядет Последняя Битва, и готовятся в ней выжить. Грядущая война приблизит наступление Царства Божия».

Длительное влияние, оказываемое апокалиптическими откровениями и милленаристскими указаниями на многие из подобных групп, сегодня можно видеть на примере такой продукции, как «Набор "сделай сам" для встречи конца света», распространяемый «Милицией Монтаны». В него, по некоторым сведениям, входят инструкции по строительству двух тайных и хорошо укрепленных бункеров для защиты от радиоактивных осадков, а также рекомендации по запасу продовольствия

минимум на один год и приобретению хотя бы одной штурмовой винтовки марки «Кольт AP-15» и 600 боевых патронов, а также хотя бы одного автоматического 9-миллиметрового пистолета марки «Беретта» с 200 пулями. Консервный нож, зубная щетка и термобелье также входят в список необходимых вещей. «Милиция Монтаны», кроме того, предлагает приобрести дополнительное снаряжение, такое, как военный защитный костюм РБХ (радиационно-биохимический защитный костюм). Костюм стоит 50 долларов и предлагается только в зеленом цветовом варианте.

Подобные убеждения, включающие представления о неизбежности наступления Армагеддона, активно подкрепляются сторонниками учения Доминиона[94], самого позднего толкования доктрины христианского единения, распространенного сегодня среди христианских патриотов. Учение Доминиона было охарактеризовано одним из осведомленных наблюдателей как «пост-милленаристская, основанная на Библии доктрина», собравшая воедино основные принципы вероучения Единения. Таким образом, в дополнение к антисемитизму и расизму, доминионисты разделяют веру в то, что каждый человек обязан ускорить избавление человечества от грехов, активно способствуя возвращению на Землю Мессии (у доминионистов это Иисус Христос). По убеждению доминионистов, несчастья, которые испытывает сейчас белый американец-христианин, окончатся лишь тогда, когда он осознает неизбежность конца света и ускорит его наступление. За концом света последует тысячелетняя эпоха правления христиан, в конце которой Христос вернется на Землю.

Неизменную связь между религией и насилием наиболее наглядно продемонстрировала созданная лидером движений «Christian Identity» и доминионистов преподобным Питом Питерсом конференция в Эстес-Парке, штат Колорадо, в октябре 1992 года. В ходе этого собрания Льюис Бим, одна из ключевых фигур движения сторонников белого господства в Америке, определил для движения гражданской милиции стратегию «безлидерного сопротивления». Бим, ветеран войны во Вьетнаме и бывший Великий Дракон техасского Ку-клукс-клана, чье тесное сотрудничество с Батлером привело к его назначению на должность представителя всего движения «Арийских наций», долгое время находился в авангарде движения сторонников белого господства. Никто иной, как Бим, первым начал использовать электронные доски объявлений в качестве средства общения и распространения агитационной литературы и прочей информации, которая была запрещена для пересылки американскими и канадскими почтовыми службами. Таким образом, Бим оказался наиболее подходящим лидером движения сторонников белого господства в Америке, способным повести его в XXI век, в полной мере используя возможности Интернета и Всемирной паутины. Даже сейчас информация и агитационная литература о малоизвестных организациях, которую трудно было разыскать, доступна широкому кругу лиц через Всемирную сеть. «Арийские нации» предлагают на своем веб-сайте информацию огромной аудитории. Концепция Бима о «безлидерном сопротивлении» была создана с целью избежать ошибок прошлого, когда такие традиционные террористические группы, как «Порядок», созданные для свершения «белой» революции, заканчивали свое существование после череды арестов и доносов. В соответствии с новой идеей Бим предложил создать так называемые «сети призрачных ячеек», или «подразделения с автономным самоуправлением», которые смогли бы действовать независимо друг от друга, но, совершая отдельные теракты, могли бы совместными усилиями запустить цепную реакцию, которая в итоге привела бы к всеобщей революции белых. Целью «безлидерного сопротивления» было «свержение государственной тирании», как заявил Бим. Сама идея была взята из приключенческого романа о сторонниках белого господства «Охотник», продолжения «Дневника Тернера», написанного Вильямом Пирсом (и снова под псевдонимом Эндрю Макдональд). Влияние, оказанное данной книгой на движение гражданской милиции, было весьма глубоко. К примеру, «боевой устав» «Свободной милиции» из штата Висконсин, типичный для данного движения, гласит:

«Главное правило, которое управляет движением свободной милиции, это не обобщенные принципы и планирование, а тактика децентрализации и действия. Данное постановление означает, что все движение гражданской милиции должно быть предано единому делу и действовать в целях общей безопасности всего сообщества. Чтобы уравновесить соперничающие группы внутри движения "Свободной Милиции", необходимо организовать все его элементы в систему "ячеек"».

Джон Трохманн из «Милиции Монтаны» сказал примерно то же самое на собрании Вашингтонской милиции в январе 1996 года: «Вражеским силам не будет известно, откуда ожидать удар, если они все же решатся перейти в наступление... Пусть элемент неожиданности сыграет нам на руку. Не каждый должен публично заявить о своем деле. Пусть ячейочная система

останется в некоторых из наших городов. Оттянитесь на всю катушку. Пусть они гадают, что их ждет дальше, а не мы».

Самым поздним вариантом синтеза религии и ненависти считается тайное движение «Священники Финееса», полувоенная группа бойцов-активистов, вышедшая из христианских патриотов. Имя, фигурирующее в названии, взято из Ветхого Завета (книга Чисел, гл. 25), где рассказывается о человеке по имени Финеес, который отомстил за своего Бога, пронзив копьем мадианитянку Хазву и израильтянина по имени Зимри, когда те находились в спальне. Библейская притча используется современными христианами-экстремистами, выступающими за запрещение аборт, и вместе с адептами «Christian Identity» как наказ против «кровосмешения» и призыв к «уничтожению тех, кто рассматривается в качестве врагов чистоты белой расы». Миссия «Священников Финееса» — установить на земле порядок, который они называют «Божьим законом», а именно запретить интернациональные браки, однополую любовь и аборты, а также положить конец федеральной банковской системе. По некоторым данным, это крайне секретная организация. О «Священниках» известно так мало, что некоторые даже сомневаются, являются ли они хорошо организованной группировкой, или организацией, или просто группой лиц, принадлежащих к более широкому движению «безлидерного сопротивления» или стратегии «призрачных ячеек», или же это название принадлежит нескольким группам христианских патриотов и взято ими с целью ввести власти в заблуждение. Джо Рой, директор группы «Кланвотч», следящей за уровнем преступлений на почве ненависти в Америке, полагает, что «Священники» существуют на самом деле, и считает их «фанатиками, которые свято верят в то, что сам Господь повелел им осуществить в США революцию, чтобы установить в стране "Божий закон"».

Каков бы ни был истинный статус «Священников», их причастность к религиозному терроризму и насилию против гомосексуалистов и персонала клиник, производящих аборты, не вызывает сомнений после нескольких инцидентов, произошедших в последние годы. К примеру, в 1994 году священник христианской фундаменталистской церкви Пол Хилл застрелил в городе Пенсакола, штат Флорида, врача клиники и сопровождавших его людей. В своей книге «Следует ли применять силу для защиты рожденных и нерожденных детей?» Хилл упоминает о библейской миссии Финееса и говорит о необходимости создания подпольного движения с целью наказать всех, кто «не подчиняется Божьему закону» о запрете абортов и гомосексуальных отношений, а также тех, кто творит какие-либо другие нечестивые деяния. Христианские патриоты ссылались на «Священников» во время защиты по делу об убийстве трех посетителей книжного магазина для геев в городе Шелби, штат Северная Каролина, в 1991 году. Название организации упоминалось вновь в связи с серией ограблений банков и взрывов, произошедших с апреля по июль 1996 года в городе Спокейн, штат Вашингтон. Три человека были обвинены в организации терактов в Клинике планирования семьи (где проводились аборты), в редакции местной газеты и в банке, а также в ограблении того же самого банка дважды на сумму 108 тысяч долларов (деньги так и не были найдены). На месте терактов банда оставила напечатанный на двух страницах текст с подписью «Священников Финееса». В документе присутствовало описание обрядов доминионистов и чинов «Christian Identity», а в конце содержалось следующее предупреждение:

«Пусть уста их произносят высшую похвалу Яхве, а в руке сверкает обоюдоострый меч. И будут они творить возмездие среди язычников и наказывать неправедных. Скуют они правителей мира сего цепями, а приближенных их железными путами. И свершится правосудие.

Уходи, ростовщик, с земли нашей, и все, кто противится власти нашего Господа, ибо грядет конец Вавилона. Восславим Яхве!»

Наконец, следует отметить, что вооруженное антиправительственное сопротивление, агрессивный расизм и резкий антисемитизм, присущие движению американских христианских патриотов, не ограничиваются территорией одних лишь США. К примеру, британская группа расистов под названием «Битва 18» (название получено заменой инициалов Адольфа Гитлера А.Н. на их порядковые номера в латинском алфавите) открыто подражает движениям американской гражданской милиции и христианских патриотов, устраивая нападения на служащих полиции и объекты — символы государственной власти. Основатель группы Гарольд Ковингтон, однако, является гражданином США, а ее почтовый адрес — почтовый ящик, зарегистрированный в городе Райли, штат Северная Каролина. По некоторым сведениям, в Австралии также имеются группы, копирующие модель американских организаций по схеме, предложенной «Милицией Монтаны».

КУЛЬТЫ

Исключительный потенциал религиозного терроризма, способного порождать массовые убийства, наиболее отчетливо проявился в деятельности различных религиозных культов и сект США, Японии и во всем мире с 1980-х. В то время как внимание служителей закона и правительственных служб разведки было сосредоточено на более зримой угрозе, которую представляли уже знакомые им террористические группы традиционного идеологического и этнонационального/сепаратистского характера, члены этих организаций были готовы перейти к использованию оружия массового уничтожения.

К примеру, в 1984 году произошел не смертельный, но внушающий страх случай в небольшом городке Даллес, штат Орегон. Последователи Бхагвана Шри Раджниша (индийского мистика-отшельника, в дополнение к коллекции из 93 автомобилей марки «роллс-ройс» собравшего многочисленную религиозную общину по соседству) отравили местное водохранилище и заразили пищу в салат-барах местных ресторанов сальмонеллой, надеясь таким образом истощить местное население и получить большинство голосов в пользу культа на муниципальных выборах. Хотя их планы по «захвату власти в стране» так и не осуществились, успешно проведенные группой разведение и применение бактерий наглядно продемонстрировали, с какой легкостью более смертельные вещества могут быть рассеяны в населенных центрах с большим населением.

Теракт с применением смертельного нервного газа в токийском метро в марте 1995 года не только подтвердил эти страхи, но и ознаменовал собой переломный момент в тактике и вооружении террористов. Ранее большинство террористов демонстрировали склонность к тайному или экзотическому оружию массового уничтожения, популяризованному фантастическими боевиками и описанному в приключенческих фильмах и телевизионных шоу. Большинство террористов хотя и придерживаются радикальной политики, все же избирают консервативные методы ведения боевых действий. И в самом деле, начиная с русских революционеров, действовавших в конце XIX века, и фенианских подрывников, терроризировавших Лондон викторианской эпохи, террористы полагались исключительно на два орудия убийства: огнестрельное оружие и бомбу. Смерть 12 пассажиров токийского метро от зарина и увечья, полученные еще 4 тысячами пассажиров, возможно, изменили такой порядок вещей навсегда.

Секта «Аум Синрикё» («Высшая истина») представляет собой новый вид террористической угрозы, выраженной в действиях не привычных нецерковных активистов, но массового религиозного движения, мотивированного мистической, почти сверхъестественной, божественной целью. Группа была основана в 1987 году Сёко Асахарой. Частично слепой, до некоторых пор безобидный собиратель лечебных трав (приговоренный в 1982 году к двадцати суткам заключения по обвинению в торговле фальшивыми снадобьями) и владелец сети школ йоги в Японии, Асахара вернулся из поездки в Гималаи самопровозглашенным пророком. Его склонность к мессианству была позже усугублена видением, посетившим его во время медитации на пляже по возвращении в Японию. По словам Асахары, Бог передал ему «весть», что он избран для того, чтобы «повести армию божью». Вскоре после этого Асахара имел случайный разговор с эксцентричным историком, встреченным им в его духовном убежище у горы. Историк рассказал ему, что Армагеддон наступит в конце века и что «лишь милосердная, божественная раса уцелеет в нем», а также что «лидер этой расы появится в Японии». Асахара немедленно уверился, что именно он должен стать этим лидером. Преображенный этим откровением, он сменил свое мирское имя Чизуо Мацумото на более духовное Сёко Асахара.

Вскоре после этого Асахара и всего десять его последователей открыли первое представительство секты. Новая секта быстро росла, хорошо вписавшись в характерное для Японии увлечение мистическими, тайными религиозными культами и сектами, сочетающими в себе духовное и сверхъестественное. Согласно некоторым оценкам, на то время в Японии насчитывалось около 183 тысяч различных культов. Уникальное сочетание буддизма и индуизма, смешанных с апокалиптическими взглядами, привлекли многих молодых японцев, отвернувшихся от общества, увлеченного карьерой, технологиями и добычей денег. Так, к концу 1987 года у «Аум Синрикё» насчитывалось около 1500 последователей и несколько представительств в японских городах. Спустя всего одно десятилетие число сектантов выросло до 10 тысяч человек в 24 филиалах по всей Японии. Наряду с этим у секты насчитывалось от 20 до 30 тысяч последователей в одной только России, а также от 10 до 20 тысяч обращенных еще в 6 странах с филиалами в Нью-Йорке, Германии, Австралии и Шри-Ланке.

С самого начала Асахара говорил о неизбежности надвигающегося Апокалипсиса, особо подчеркивая свое уникальное мессианское предназначение и отзываясь о себе исключительно как о «Сегодняшнем Спасителе», «Спасителе XX века» и «единственном человеке, постигшем высшую истину». Особое внимание было уделено индийскому богу разрушения и последующего возрождения Шиве, чье пятнадцатифутовое изображение украшало вход в лабораторию «Сатиан-7», где группой производился нервно-паралитический газ зарин, использовавшийся в теракте. Чтобы дополнить картину предсказанных катастрофических событий, Асахара заимствовал понятие об Армагеддоне, или конце света, из иудейско-христианских религиозных текстов, который также часто упоминается в апокалиптических предсказаниях французского астролога и предсказателя XVI века Нострадамуса, чьи труды, переведенные для японских читателей, тут же стали бестселлерами в Японии. По словам Асахары, миру грядет конец, только вот точной даты он назвать не смог, называя последним годом человечества то 1997-й, то 1999-й, 2000-й и, наконец, 2003-й. Но независимо от даты Асахара был уверен, что причиной его станет Третья мировая война. Ссылаясь на свои сверхъестественные способности «астрального зрения и интуитивной мудрости», он объявил на собрании секты в 1987 году, что ядерная война «неизбежно разразится» между 1999 и 2003 годами. Однако этой катастрофы можно избежать, заверил Асахара своих последователей, при условии, что они должны усердно трудиться и основать филиалы «Аум Синрикё» в каждой стране. «Распространите учение "Аум" и буддийскую религию по всему миру, — советовал он, — и тогда нам удастся избежать Третьей мировой войны. Я обещаю вам».

Эти апокалиптические предсказания породили одержимость Асахары идеей враждебности США по отношению к Японии в целом и к его персоне в частности. «По мере приближения 2000 года, — говорилось в листовке "Аум Синрикё", — произойдет ряд событий, невероятных по своей жестокости и производимому ужасу. Территория Японии превратится в свалку ядерных отходов. Между 1996 годом и январем 1998-го Америка и ее союзники нападут на Японию, причем выживет лишь 10 процентов населения крупных городов». Асахара в самом деле неоднократно обвинял Америку во всех экономических и социальных бедах Японии, как и в попытке подорвать его здоровье. Неотъемлемым элементом всех этих обвинений в заговоре против Асахары был нервно-паралитический газ. «Я подвергаюсь газовой атаке везде, где бываю», — заявил он однажды, говоря о связи между боевыми истребителями американских ВВС, совершающими учебные полеты над горой Фудзи, и его проблемами со здоровьем.

Таким образом, Асахара намеренно культивировал параноидальные апокалиптические настроения внутри культа, направляемый манихейским видением мира, где Земля представляется полем битвы сил добра и зла, разделяемым и другими религиозными террористическими движениями. Список заклятых врагов секты включал уже не только правительство США и верных ему людей в японском правительстве (которые, по предположению Асахары, были причастны к землетрясению в Кобе в 1995 году), но и загадочную международную организацию, состоящую из франкмасонов, евреев и финансистов. Приверженность Асахары тем же маловероятным теориям заговора, которую разделяет движение американских христианских патриотов, не вызывает удивления, принимая во внимание тот факт, что он является открытым поклонником Гитлера и свято верит в реальность конспирологических фантазий, содержащихся в известных антисемитских трудах, таких, как фальсификация конца XIX века — «Протоколы сионских мудрецов».

В своих книгах, одной из которых является «Грядущая катастрофа земли Восходящего солнца: Апокалиптические предсказания Сёко Асахары», Асахара предупреждает, что о конце света возвестит появление над Японией облака ядовитого газа, выпущенного США. Затем разразится катастрофическая глобальная война, которая будет вестись с помощью нервно-паралитического газа и ядерного оружия, после чего наступит тысяча лет мира, напоминающая о гитлеровском «тысячелетнем правлении Рейха», после чего на Землю придет новый мессия и наступит «рай на Земле». Однако в 1993 году Асахара неожиданно стал говорить о том, что грядущий Апокалипсис можно предотвратить, если «Аум» предпримет необходимые действия. «Нам необходимо много оружия, чтобы предотвратить конец света, — говорил он, по некоторым сообщениям, своим близким помощникам. — Его необходимо приготовить как можно скорее».

Далее «Аум Синрикё» приступила к программе по накоплению запаса традиционного и нетрадиционного оружия, который должен был затмить боевые арсеналы самых могущественных держав. Для достижения этой цели группа наняла ученых и технических экспертов из Японии, России (включая двух ученых-ядерщиков) и других стран. Все эти люди привнесли в проекты «Аум» свои знания, подкрепленные учеными степенями лучших учебных заведений и исследовательских учреждений своих стран. Более того, располагая обширными финансовыми

ресурсами (активы секты превышали сумму в 1 миллиард долларов; в ходе обыска в офисе Асахары полиция нашла 22 фунта золота и около 5 миллионов фунтов стерлингов наличными), секта была способна приобрести какие угодно дополнительные технологии и ресурсы, требовавшиеся для работы. Главными поставщиками была группа «Альфа» российского КГБ, аналог британских войск специального назначения и американского подразделения «Дельта», чей опыт в антитеррористической деятельности (группа была основана после теракта на мюнхенских Олимпийских играх) и ведении тайной войны (включая саботаж, убийство, похищение, а также разведывательную и контрразведывательную деятельность) передавался активистам «Аум Синрикё», Вспомогательный персонал из другой российской спецслужбы — «Спецназа», по некоторым сведениям, давал дополнительную подготовку по ведению рукопашного боя, технике отступления и побега, а также использованию прочих видов оружия, включая стрельбу из ракетной установки и автомата. Считается также, что секта приобрела огромное количество мелкой боевой техники из арсенала КГБ и стремилась приобрести такие виды тяжелого вооружения, как танк Т-72, реактивные истребители «Миг-29», пусковую установку для ракет класса «Протон» и даже атомную бомбу. Известно, что «Аум» удалось приобрести двухтурбинный вертолет «Ми-117» с устройствами для распыления химических веществ. Планы группы были весьма амбициозны — изготовить по крайней мере 1000 единиц усовершенствованной версии русского автомата АК-47 и миллион патронов к нему, причем для этой цели уже было приобретено сложное роботизированное производственное оборудование. Секта также усовершенствовала процесс производства тринитротолуола и главного составляющего пластиковой взрывчатки — гексогена.

Однако в планы последователей «Аум Синрикё» входила не только революция, которая должна была свершиться посредством одних лишь традиционных видов оружия. Секта создавала арсенал из химического и биологического оружия, а также намеревалась получить в свое распоряжение ядерное оружие, чему не суждено было сбыться. Когда полиция провела обыск в лабораториях секты после того, как были совершены теракты в токийском метро, она обнаружила там достаточно зарина, чтобы убить около 4,2 миллиона человек. К тому же секта либо начала производство, либо только собиралась приступить к разработке оружия с применением других видов нервно-паралитических газов, таких, как Ви-Икс, табун и зоман; боевых отравляющих веществ, таких, как иприт и цианид натрия; боевых биологических веществ, включая споры сибирской язвы, вируса с высокой вероятностью заражения, известного под названием Q-лихорадка, и, возможно, смертельного вируса эболы. Было также найдено 100 граммов наркотика ЛСД — из этого количества можно приготовить миллион доз — и 3 килограмма мескалина, помимо прочих галлюциногенных и стимулирующих препаратов.

Однако самым амбициозным проектом секты был, без сомнения, их замысел по созданию ядерного потенциала. Для этой цели группа приобрела овцеводческую ферму площадью в 500 тысяч акров (известную под названием «ферма Банджаварн») в отдаленном уголке Западной Австралии. Там они надеялись организовать добычу урана, который затем должен был отправляться в лаборатории секты в Японии, где ученые, используя технологию лазерного обогащения, изготавливали бы из него материал для производства ядерных снарядов. Причины мощного взрыва, произошедшего недалеко от австралийских земельных владений «Аум Синрикё» 28 мая 1993 года, который осветил небо на многие мили и взрывная волна от которого ощущалась на большом расстоянии от места взрыва, до сих пор остаются неясными, однако взрыв мог иметь отношение к ядерным испытаниям секты и ее исследовательской деятельности.

«Используя зарин, мы уничтожим население крупных городов», — заявил Асахара. Утром 20 марта 1995 года его ученики привели этот смертельный план в исполнение. Исполнение плана пришлось передвинуть на более ранний срок — информаторы секты внутри национального полицейского агентства предупредили о предстоящем обыске в резиденциях секты, поэтому Асахара неожиданно приказал немедленно приступить к исполнению теракта в надежде помешать полицейским рейдам и окончательно сбить с толку расследование полиции по деятельности «Аум». Примерно в 8 часов утра, в разгар утреннего часа пик в понедельник, террористы из числа избранных сектантов разместили 11 пакетов с заринем в салонах пяти составов метро на линиях Эйдан Чиода, Хибийя и Марунучи. Согласно расписанию, поезда должны были прибыть на станцию Казумигасеки с интервалом в четыре минуты. Эта станция — конечный пункт линии, расположенный в самом сердце японского административного комплекса, куда ежедневно приезжают тысячи госслужащих, работающих в самых важных министерствах страны, включая Национальное полицейское агентство. Очевидцы утверждают, что некоторые из контейнеров с газом выглядели словно обычные коробки для завтрака или фляжки с водой, тогда как другие были нейлоновыми мешками для мусора, завернутыми в газету. По крайней мере в одном случае был замечен человек, который проткнул пакет заостренным концом зонтика, выпустив из него

нервно-паралитический газ. Пассажиры почти тут же почувствовали воздействие ядовитого газа. Кто-то сразу же потерял сознание, у других пошла кровь из носа и рта, третьи содрогались в конвульсиях и неконтролируемых приступах кашля. Газ распространился по пятнадцати станциям на трех отдельных линиях метро. Последствия могли быть куда более мрачными, если бы не благоприятные погодные условия и плохая организация теракта, снизившие эффективность воздействия зарина.

Поразительно, но это был не первый и не последний теракт, когда «Аум» применяла боевые химические и бактериологические вещества. В апреле 1990 года группа предприняла попытку воплотить в жизнь одно из наиболее смелых пророчеств Асахары о приближающейся катастрофе, организовав теракт с применением бактериального токсичного вещества ботулина. Используя аэрозольное устройство, разработанное учеными секты для распыления яда над обширными территориями, секта приготовилась к атаке на центр Токио, и в частности на здание японского парламента. Однако токсин оказался неэффективным оружием. Провалилась и другая попытка распылить ботулин в деловом центре Токио в июне того же года, как и предполагаемый замысел Аум рассеять споры сибирской язвы месяцем позже. Затем в июне 1994 года группа предприняла попытку убийства трех судей, ведших суд по гражданскому иску против секты в провинциальном курортном городе Мацумото. Согласно плану, в квартиру, где спали судьи, должны были пустить зарин. В ходе этого теракта погибли семь человек и более 250 были доставлены в больницу с симптомами отравления нервно-паралитическим газом. Судьи, хотя и серьезно пострадали, остались в живых. Это может показаться невероятным, но отчет, сделанный особым отделом лаборатории криминалистики токийского департамента полиции о присутствии нервно-паралитического газа, не был принят во внимание, несмотря на неоднократные жалобы местных жителей на необычный запах, исходивший с территории секты, наряду со случаями необъяснимого исчезновения бывших членов секты и людей, пытавшихся расследовать ее деятельность. Вместо этого человек, который первым сообщил о происшествии, сам был объявлен правонарушителем и обвинен в непреднамеренном использовании смертельно ядовитой смеси гербицидов. Наконец, в последнем порыве террористической деятельности, направленной на предупреждение атаки правоохранительных сил на секту, последовавшем за терактом в метро, сектанты попытались организовать теракт с применением химического вещества — цианистого водорода, более известного под названием циклон-Б. Такой же газ использовался нацистами для умерщвления десятков тысяч человек в Освенциме во время Второй мировой войны. Теракт был назначен на 5 мая, национальный День детей.

15 декабря 1995 года премьер-министр Японии, используя закон об антитеррористической деятельности от 1952 года, издал указ о ликвидации секты и аресте всех ее активов. Асахара и его командиры в данный момент находятся под судом в Токио[95].

Однако в последние месяцы начали поступать сообщения о некотором возрождении секты «Аум Синрикё» в Японии. Ядро секты, состоящее из тысячи сектантов, включая новообращенных, восстанавливает прибыльный компьютерный бизнес «Аум» и участвует в других коммерческих сделках, продолжая поклоняться своему лишенному свободы духовному лидеру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление тайных, специфических милленаристских движений, националистских религиозных групп, а также военизированных антиправительственных, крайне правых парламентских организаций, вероятно, обозначает совершенно иную и куда более смертельную угрозу, чем традиционные террористические группы. К тому же эта угроза является более призрачной и трудноуловимой. Члены секты «Аум Синрикё» в Японии, группы еврейских фанатиков в Израиле, Христианские патриоты в США и некоторые радикальные исламские организации, действующие в Алжире, Ливане и Израиле, не вписываются в традиционные стереотипы, созданные нерелигиозными террористическими организациями. У этих групп имелся определенный набор политических, социальных и экономических целей, и какими бы дурными и безнравственными ни были их действия, их идеология и мотивации имели по крайней мере разумные обоснования, хотя и являлись политически радикальными и фанатическими.

Определение новых типов терроризма имеет огромную важность с точки зрения контртеррористических мер, которые могут применяться правительством, военными, полицией и силами национальной безопасности. Самым важным моментом в противодействии этому новому врагу является попросту его выявление. Этим неуловимым, аморфным объединениям зачастую недостает «следов» или различимого образа действия, присущих другим террористическим

организациям, делая крайне сложным для сотрудников разведслужб, служб охраны правопорядка и прочих служб безопасности выработку четких представлений и построение полной картины их намерений и возможностей и тем более степени применяемого ими насилия, прежде чем они нанесут удар.

Кроме того, эти группы непостоянны и непредсказуемы в своих действиях. До сих пор недостает информации о причинах, по которым многие «нетрадиционные» движения и мирно настроенные религиозные культы неожиданно обращаются к насилию или организуют теракты, сеющие смерть без разбора. Прежде всего необходимо решить вопросы разведки, расследования и, что самое важное, приступить к научным исследованиям данной проблемы, а уже потом рассматривать применение более эффективных и продуманных мер по противодействию терроризму. Это заключение приводит нас к третьему пункту, а именно тому, что традиционный подход к борьбе с терроризмом может быть неприемлем и уж тем более неэффективен в противодействии этому виду террористической деятельности. Политические соглашения, финансовые вознаграждения, амнистии и прочие персональные стимулы, которые успешно применялись в отношении традиционных террористов, будут не только неуместными, но и бесполезными по двум причинам: полностью отчужденное мировоззрение и зачастую крайние, решительные требования религиозных террористов.

Необходимо действие по двум направлениям. С одной стороны, следует противодействовать атмосфере отчуждения и изоляции этих культов и религиозных движений. Необходимо перекинуть мост между обществом и экстремистами, так чтобы они не чувствовали угрозы и необходимости мутировать в вооруженные, кипящие ненавистью группы или участвовать в упреждающих актах насилия против того, что они называют враждебным им хищническим обществом.

Наконец, необходимо задуматься о том, что мы можем находиться на пороге новой и, возможно, более опасной эры терроризма, связанной с наступлением третьего тысячелетия. Трудно предугадать влияние этой важной символической даты на религиозные террористические группы, считающие своим долгом приблизить спасение мира, которое они связывают с новым тысячелетием, действуя с помощью актов насилия, как это уже попыталась сделать в Японии секта «Аум Синрикё», или, (когда 2000 год пройдет, а спасение так и не наступит), способные устроить конец света, используя оружие массового уничтожения. Модель развития религиозного терроризма за последние два десятилетия предполагает, что следует ожидать большего числа и большей степени жестокости актов насилия со стороны террористов этого типа.

Глава 5.

ТЕРРОРИЗМ, СМИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Цели и мотивации террористов, как это уже было указано в предыдущих главах, сильно различаются между собой. Это и грандиозные замыслы коренного изменения общества, согласно доктринарским идеологическим представлениям, и исполнение божественной воли, и сравнительно более четкие цели, такие, как восстановление национальной территории или объединение разобщенной нации. В то же время действия многих террористов мотивированы весьма необычными требованиями, такими, как запрещение абортов, защита прав животных или противостояние накоплению ядерного оружия. Они ищут способ оказать непосредственное давление как на общественность, так и на тех, кто выражает ее мнение в правительстве, для принятия либо отмены того или иного закона, напрямую связанного с интересами этих групп. Однако несмотря на все эти различия, террористические группы имеют одну общую черту: ни одна из них не совершает случайных или необдуманных действий. Каждая группа желает заполучить максимальную огласку для своих акций и, более того, добиться запугивания и подчинения ради выполнения своих замыслов. По словам доктора Фредерика Хакера, психиатра и признанного специалиста по терроризму, террористы стремятся «запугать и тем самым подчинить и установить контроль. Они желают поразить наше воображение. Они играют на аудиторию ради привлечения еще большей аудитории и требуют ее участия».

Следовательно, терроризм можно рассматривать как акт насилия, задуманный с целью привлечения внимания и последующей передачи послания посредством огласки, которую он получает. «У нас нет иного выхода, — заявил однажды лидер террористической группы под названием Объединенная Красная армия (группы, предшествовавшей появлению Японской Красной армии). — Акты насилия <...> шокируют общественность. Мы хотим шокировать людей повсеместно. <...> Это наш способ общения с людьми». Современные СМИ, являясь главным каналом передачи информации о подобных инцидентах, играют крайне важную роль в расчетах террористов. Без информационного прикрытия СМИ, освещающих то или иное событие, эффект от теракта будет невелик, достигнув лишь непосредственных жертв нападения, вместо того, чтобы оказать влияние на более широкую «целевую аудиторию», на которую направлены действия террористов. Лишь распространив террор и насилие на как можно большую аудиторию, террористы имеют возможность заполучить максимально эффективное средство для достижения крупных политических изменений. «Терроризм — это театр, — заявил Брайан Дженкинс в своей превосходной конструктивной статье 1974 года, поясняя: — Теракты зачастую тщательно срежиссированы, чтобы привлечь внимание электронных СМИ и международной прессы».

Также часто СМИ с необыкновенным проворством реагируют на подобные сообщения, доказывая свою неспособность игнорировать то, что весьма точно было названо «событием, созданным специально для их нужд». Освещение американскими СМИ захвата рейса 847 американской авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» ливанскими шиитскими террористами в 1985 году подтверждает это высказывание. Три террориста из группы «Хезболла» захватили авиалайнер, следовавший из Рима в Каир 14 июня. Первоначально террористы требовали освобождения 776 шиитских террористов, содержащихся в израильских тюрьмах, хотя позже эта цифра была уменьшена. Захваченный самолет был направлен сначала в Бейрут, затем в Алжир и снова в Бейрут. При каждом приземлении пассажиры, не являвшиеся гражданами США, а также все женщины и дети, находившиеся на борту, постепенно отпускались террористами на свободу до тех пор, пока в самолете не осталось 39 американцев. После того как самолет приземлился в Бейруте во второй раз, заложники были тайно переправлены в укрытия, расположенные по всему городу, чтобы помешать любой спасательной операции, которую могут предпринять американские спецслужбы. За все 17 дней кризиса, пока американцы удерживались в заложниках в Бейруте, около 500 новостных сообщений (около 28,8 сообщения в день) были переданы по трем крупнейшим американским телевизионным сетям: Эй-би-си (American Broadcasting Corporation), Эн-би-си (Nationce Broadcasting Corporation) и Си-би-эс (Colambia Broadcasting System). Примерно две трети ежедневных вечерних самых популярных новостных программ (14 из 21 минуты) были сосредоточены на репортажах о захвате заложников; регулярные программы этих каналов прерывались по крайней мере 80 раз за 17 дней для передачи специальных репортажей и последних известий. Интенсивное освещение этого происшествия осуществлялось небольшой армией журналистов, продюсеров, режиссеров видеомонтажа, съемочных групп и звукооператоров, которых три телеканала незамедлительно направили на место событий, где разворачивалась сенсационная история. Всего через несколько дней в Бейрут прибыло 85 человек, представляющих три телеканала. Послание, которое они передавали телезрителям, было ясным: нигде в мире не происходило событий, которые по своей значимости могли превзойти ситуацию с заложниками и их тревожащимися родственниками в США.

Пожалуй, более всего сбивал с толку характер освещения этих событий. По мере того как кризис с заложниками перетекал из дня в день, временами безо всяких сообщений и надежд на его разрешение, многочисленным сотрудникам новостных агентств, занятых освещением одной лишь этой истории, приходилось находить или придумывать «новости», чтобы оправдывать расходы и свое присутствие на месте событий, пока не приходили настоящие новости. Отсюда и явный перекося в освещении событий: множество «жалостливых» сюжетов (в основном интервью с заложниками и их семьями), составлявших чуть более трети всех сообщений, и менее половины сообщений, содержащих конкретную информацию, — например, реакцию правительства ГИТА на течение кризиса или непрекращающиеся попытки администрации Рейгана достичь разрешения ситуации. Неумеренность и показной характер репортажей были тогда же обличены в статье «Вашингтон пост». «В погоне за сенсацией в эфире, в которой Эй-би-си, похоже, на сегодняшний день выиграла, наиболее характерной стала беседа между ведущим вечерних новостей программы Си-би-эс Дэном Разером и звездой СМИ Эллином Конвеллом, освещающим ситуацию с заложниками рейса 847 авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз». В этом эпизоде, где самым вопиющим образом были извращены все понятия о журналистике, сами ведущие, а не участники событий оказались в центре внимания!»

Однако наиболее пагубный эффект, оказанный кризисом, заключался в признании терроризма выгодной тактикой. Администрация президента Рейгана под воздействием американской общественности, приведенной в ужас страданиями заложников, в свою очередь, заставила Израиль выполнить требования террористов и отпустить 756 заключенных шиитов. Террористы же освободили 39 американских заложников. Лица обезумевших от горя членов семей заложников, представших перед камерами трех телекомпаний, гарантировали, что послабления в давлении на Израиль не будет. «Окажет ли администрация Рейгана давление на Израиль, чтобы тот отпустил заключенных палестинцев?» — такой вопрос был задан сыну одного из заложников в утреннем выпуске новостей. «Именно это я от них и ожидаю», — ответил он. Телекомпании выказывали мало беспокойства по поводу того, что они перестали просто передавать новости и начали активно вмешиваться в политику. Иногда репортеры брали на себя переговоры с террористами. «Что вы хотите сказать напоследок президенту Рейгану?» — спросил ведущий программы телеканала Эй-би-си «Доброе утро, Америка» у лидера одной из ливанских групп. В оправдание подобного рода активного вмешательства в развитие событий корреспондент Си-би-эс в Белом доме Лесли Стол пояснил: «Мы являемся инструментом заложников. <...> Мы принуждаем администрацию ставить их жизни выше политики».

То, что терроризм действительно становится извращенной формой шоу-бизнеса, видно на примерах других журналистов, которые общались с «пресс-атташе» террористов и были очевидцами проводимой ими слаженной пиар-кампании. «Эти люди изобретают изощренные способы воздействия на американского зрителя, — удивлялся старший редактор агентства «Ассошиэйтед пресс». — Они уличные бойцы, однако они устанавливают правила для СМИ». По словам Джона Буллока, британского журналиста, освещавшего события, террористы на протяжении всего кризиса знали в точности, что делать. «Они вполне сознательно манипулировали телеканалами США, — вспоминает он. — На встречах в доме Наби Берри в Западном Бейруте во время разработки пиар-кампаний присутствовали выпускники факультетов публичных отношений американских вузов».

Плоды трудов террористов заметны в унижительной капитуляции американских телеканалов перед точкой зрения террористов. Комментарии, звучавшие в эфире неоднократно, опрометчиво приравнивали беспричинно похищенных невинных пассажиров самолета (выбранных для этой цели лишь потому, что в их паспортах значилось гражданство США) к шиитским боевикам и подозреваемым в терроризме палестинцам, захваченным израильскими войсками в ходе боев в Южном Ливане. Эти возмутительные и ошибочные сравнения казались еще более одиозными, если учесть тот факт, что один из заложников, армейский водитель по имени Роберт Дин Стетем, был безжалостно избит до смерти на борту самолета вскоре после захвата. Как заметил один критик, «сейчас уже всем известно, что шииты используют телеканалы, чтобы нести свое политическое послание в США. При повторе новостей видно, как хорошо они доносят до зрителей линию шиитов». И в самом деле, эта необъективность была настолько очевидной в позиции некоторых журналистов, что среди репортеров, работавших в Бейруте, появилась шутка: первые буквы названия телеканала Эй-би-си означали «Амал бродкастинг компании (за то внимание, которая она уделила одной из ливанских группировок, пытавшейся посредничать в освобождении заложников), а аббревиатура Эн-би-си была развернута как «Наби Берри компания (имя лидера этой группировки)».

Хотя реакция американских телекомпаний на ситуацию с захватом рейса 847 авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» стала очевидным, самым показательным примером того, как терроризм способен привлечь внимание СМИ и манипулировать им в своих целях, эта проблема остается насущной для демократических государств с открытым для репортеров доступом к каким угодно событиям. Влияние, оказанное западногерманскими террористами на освещение событий 1972 года, когда в обмен на пятерых содержащихся под стражей террористов был освобожден похищенный ранее политический деятель из Западного Берлина Питер Лоренц, было столь всецелым, что один из руководителей операции вынужден был признать: «На трое суток мы потеряли контроль за нашими СМИ». В 1978 году такое же тотальное освещение событий, вплоть до исключения почти всех прочих новостей, что позже отмечалось при захвате самолета авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз», наблюдалось и в Италии в течение 55 дней кризиса, связанного с похищением Красными Бригадами бывшего премьер-министра страны Аль-до Моро. Согласно статистическим данным, за весь этот период на первых страницах газет страны появились лишь две статьи, не связанные с похищением Моро. Чуть позднее британцы пожаловались на мертвую хватку, с какой пиарщики движения шинфейнеров в лице командиров ИРА контролировали освещение событий в Северной Ирландии. Генри Макдональд, корреспондент Би-би-си по вопросам безопасности в Северной Ирландии с 1994 по 1996 год,

уверен, что террористы и их защитники проводили пиар-кампанию, призванную навязать британским и ирландским печатным и электронным СМИ «политически корректную культуру» освещения событий. «В этой культуре комментаторы и лица, формирующие общественное мнение, винят в неумеренной жестокости ИРА Джона Мейджора, а не саму ИРА».

С учетом того факта, что терроризм изначально призван привлекать внимание общественности и что самые ранние его проявления — секты зилотов и ассасинов — много столетий назад намеренно работали на аудиторию, рамки которой включали не только непосредственных жертв их деятельности, то почему лишь в недавнее время СМИ начали обвинять в защите точки зрения террористов? Это может быть связано с двумя технологическими прорывами в средствах массовой коммуникации, которые осуществлены столетие назад и значительно повлияли на способы передачи новостной информации, а также сделали ее доступной для огромной аудитории. В свою очередь, эти достижения стали эффективно и беспощадно эксплуатироваться террористами.

ТЕРРОРИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ СМИ

Изобретение в 1830 году паровой печатной машины[96] положило начало новой эпохе СМИ и передачи информации. В течение трех лет с момента изобретения появилась первая в США массовая газета. Последующие технические усовершенствования привели к появлению десятилетием позже более продуктивной ротационной печатной машины. Новости начали выходить регулярно (благодаря скорости печати газет) и стали более доступными читателю (по мере того, как экономика технологических инноваций создавала все более доступный продукт). К 1870-м газетное дело полностью изменилось ввиду появления электричества и разработки новых печатных форм с ротационным стереотипом, что привело к созданию автоматической ротационной офсетной машины[97] с возможностью печатать одновременно на двух сторонах непрерывного рулона бумаги. Революция в СМИ, начавшаяся менее 50 лет назад, завершилась, предоставив новые возможности для передачи информации в более широких масштабах, нежели ранее. То, что террористы незамедлительно признали возможности новых технологий массовой коммуникации, уже отмечалось в предыдущей главе. Остается лишь добавить, что взаимовыгодное партнерство террористов и СМИ складывалось на протяжении всего XIX века, начиная с русских революционеров из движения «Народная воля» и их современников-анархистов, которые «пропагандой действием» стремились передать свое революционное послание широкой аудитории.

Вторая по значимости революция в СМИ, которая напрямую повлияла на развитие терроризма, произошла в 1968 году. Этот год обозначил не только появление международного терроризма, как это уже отмечалось выше, когда палестинские террористы начали захватывать самолеты в Европе, но и запуск США первого телевизионного спутника. Теперь передавать сообщения с местных телестудий в штаб-квартиры новостных телеканалов для монтажа и последующей передачи можно было куда быстрее, чем ранее. Возможно, не случаен тот факт, что с тех пор США стали целью номер один для террористов всего мира. За последующие 30 лет террористы совершили больше нападений на американских граждан и интересы этой страны, чем пришлось на долю любой страны мира. Существуют разные объяснения того, почему террористы именно американские мишени находят столь привлекательными, однако единственным ярко выраженным фактором всегда были исключительные возможности для широкой огласки и известности, которую террористы всегда могли получить от вездесущих американских СМИ. Наиболее ярко эта особенность проявилась во время кризиса с захватом рейса 847 авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз», когда британский корреспондент, освещавший события, обнаружил, что террористы не придавали никакого значения «неамериканским и нетелевизионным журналистам». Однако в ретроспективе запуск американского спутника стал первым решающим шагом к завоеванию американскими новостными СМИ лидирующего положения среди прочих стран благодаря возможности донести свою информацию до более многочисленной аудитории. По иронии судьбы именно это достижение сделало американскую аудиторию самой привлекательной для террористов.

К началу 1970-х годов эффект от технологического скачка был еще более усилен широкой доступностью трех главных приспособлений, сделавших возможным передачу новостей в «реальном времени». Это была мини-камера (портативная, легкая видеокамера), портативный видеоманитофон с питанием от батарей и корректор развертки (прибор, преобразовывающий видеосъемку в поток данных, годный для передачи по телевизионным каналам). Благодаря сочетанию этих новых технологий прямые телевизионные передачи могли теперь вестись из

удаленных регионов по всему миру, приходя непосредственно в дома телезрителей. Серьезные последствия этого технологического прорыва были наглядно продемонстрированы во время мюнхенских Олимпийских игр, когда палестинские террористы смогли полностью переключить на себя внимание мировой телевизионной аудитории, приготовившейся смотреть главные спортивные соревнования.

Появление новых вещательных технологий имело в равной степени глубокие последствия как для содержания новостей, так и их влияния на правительство. Возможность передавать сенсационную новость в прямом эфире вызвала появление жесткой конкуренции среди соперничающих телеканалов (как это было продемонстрировано в статье газеты «Вашингтон пост», упомянутой выше). Победы в этой борьбе можно добиться одним из двух возможных способов: первым оказаться на месте событий или быть первым, кто получит ранее неизвестную информацию. Наибольшей проблемой в последнем случае является то, что, будучи самой желанной наградой для телевизионных журналистов, сенсация является слишком эфемерным преимуществом. То есть, подав зрителю сенсацию и завоевав его внимание, надо и дальше удерживать его столь же захватывающими новостями. В соответствии с этим на протяжении всего хода развития истории сенсаций внимание СМИ постоянно перемещается от зачастую ограниченных в числе и значимости реальных новостей к более «человечным» историям, в основном эксклюзивным интервью (приведем в пример уже упоминавшуюся выше беседу Разера с Конвеллом) или откровенным и разоблачающим историям, впервые ставшим доступными общественности и имеющим отношение к данной теме, неважно, насколько они значительны или уместны.

Для знающего террориста подобные СМИ являются готовым средством воздействия. Возможность немедленной передачи информации по телеканалам вкупе с жесткой борьбой за сенсационные известия предполагает, что ответственность, ранее лежавшая на редакторе телестудии, имевшем время для трезвого размышления или взвешенного суждения, теперь в погоне за «сенсацией в прямом эфире» перешла к репортерам. Таким образом, телевидение представляет собой вакуум, ждущий, когда его заполнят; пустота снимающих камер и включенных микрофонов, готовых к использованию террористами. В этом отношении интересы террористов и вещательных компаний совпадают: создав сенсацию, обе стороны должны поддерживать ее жизнеспособность. Главная задача террористов — выжать до последней капли возможность в получении огласки, известности и влияния от каждой конкретной акции, в то время как забота вещательных корпораций — набрать на этой акции как можно больший рейтинг. «Захватить внимание аудитории несложно, — заметили политологи Джеффри З. Рубин и Неемия Фридленд, — но террористическим организациям требуется особое чутье к драматизму, чтобы поддерживать этот интерес». То же самое можно сказать о корреспондентах и телепродюсерах.

Стремление поддержать жизнеспособность телеистории неизбежно приводит к сильному смещению в сторону «рассказов о личных переживаниях»: чаще всего интервью с высказываемыми в них скорбью и гневом друзей и родственников жертв террористических актов и/или заложников. Подобным же образом искупительный аспект теракта эффективно и сознательно подчеркивается как террористами, так и журналистами. Вне всяких сомнений, американские вещательные компании во время кризиса с захватом заложников рейса 847 авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» умело подали это блюдо падкой на сенсации публике в США, готовой проглотить каждую кроху информации о заложниках и их семьях. Подобный характер освещения событий хорошо увязывался с желанием террористов оказать как можно большее влияние на администрацию Рейгана с целью заставить Израиль выполнить их требования. День за днем, по мере того, как участь, ожидавшая заложников, решалась перед объективами телекамер, на администрацию оказывалось все большее давление, с целью отказаться от публично заявленной установки на отказ от переговоров с террористами, подорвать отношения с ближним союзником, избрать освобождение заложников в качестве единственной возможности и поверить в то, что их единственным выходом является возвращение на родину 39 американцев в обмен на свободу для 700 с лишним шиитских террористов, содержащихся в тюрьмах Израиля. «Шиитские террористы достигли в Бейруте такой подачи информации, о какой мечтает каждый политик, — писал американский обозреватель уже после окончания кризиса. — Как это стало возможным? — задал он риторический вопрос. — С легкостью, — ответим мы. Террористы эксплуатировали привычную жажду СМИ — в особенности телевизионных — до сенсаций мирового значения, а также сильный накал страстей и освещение истории конкретных людей в новостях. Постоянно жесткая конкуренция в СМИ становится особенно жесткой в подобной атмосфере, отчасти из-за того, что публика проявляет больше внимания, отчасти потому, что на карту поставлено лидирующее положение СМИ».

Следует вспомнить, что самое популярное вечернее шоу новостей в США — «Найтлайн», появилось из-за необходимости сообщать в конце каждого дня обзор информации о ходе кризиса с захватом заложников в Тегеране в 1979—1980 годах, длившемся 444 дня. Подобный принцип освещения событий не только сделал ведущего шоу Теда Коппела звездой СМИ, но и породил десятки подобных программ в других странах.

Одно из дополнительных и даже первостепенных соображений, столь важных для телевизионных новостных СМИ, выступившее на передний план в последние годы, — это финансовые затраты. Небольшое ранее число частных и государственных телерадиовещательных корпораций теперь столкнулось с растущей конкуренцией не только со стороны своих давних соперников, но и почти неограниченного количества новых кабельных и спутниковых каналов. Более того, помимо этих традиционных каналов, новости теперь передаются посредством иных СМИ, таких, как Интернет, электронная почта и факс, а также местных телефонных серверов. Из-за все более увеличивающихся бюджетов новостных программ (рост их начался более десятилетия назад), сегодняшние затраты на освещение событий за рубежом должны оправдываться большим числом телезрителей. По словам зарубежного корреспондента одной из телекомпаний, ежедневные затраты на работу среднестатистической съемочной группы и журналиста, работающих за рубежом, составляют «от 3 тысяч долларов в сутки и выше. Расходы на перелет и плата за превышение установленного веса багажа могут достигать 12 тысяч долларов в дополнение к стоимости спутникового канала связи и оплаты времени передачи сигнала». Среди исполнительных директоров вещательных компаний есть заметная склонность смотреть на итоговую черту в финансовом отчете, а не на приоритеты журналистики и таким образом ставить развлекательные достоинства выше качественного репортажа. «Нас заставляют показывать все больше полицейских историй, криминала, чтобы соперничать не столько с другими новостными программами, включая те, которые выдают себя за таковые, показывая на экране трупы, насилие и ужасающие истории, сколько с развлекательными программами», — жаловался в своем выступлении в 1993 году Дэн Разер. Подобное мнение разделяет один из коллег Разера Гэррик Атли, ведущий зарубежный корреспондент вещательных компаний Эн-би-си и Эй-би-си, а также сотрудник Си-эн-эн, в передовой статье в престижном американском журнале «Международные отношения» («Foreign Affairs»). Непосредственность, исключительность и трагедия (чем больше жестокости и опасности для жизни, тем лучше) стали, таким образом, необходимой наживкой для получения аудитории и поддержания потока доходов от рекламы. Случаи терактов, являющиеся по своей сути драматическими, изобилуют человеческими историями и продолжительны по времени (будь то мучительное ожидание освобождения заложников, сообщения о последовавших за терактом чистках или ответных действиях властей на взрывы, устроенные террористами), таким образом, занимают центральную позицию в расчетах вещательных корпораций, сочетая в себе и новости, и развлечение. Результатом является опешление телевизионных новостей, делающих акцент на тех аспектах истории, которые волнуют большую часть аудитории, а не на реальном анализе или расследовании с целью лучшего понимания событий, породивших ту или иную ситуацию. Камера прочно фиксируется на человеческой трагедии, жертвуя картиной в целом, то есть самой историей. По существу, телепередача — «большая картина», разбитая на столь мелкие фрагменты, чтобы средний телевизионный зритель мог их понять; история, преднамеренно расфасованная, чтобы соответствовать короткому отрезку времени, удерживая внимание массовой аудитории. «Бесмысленные речи и поток эмоций являются главным элементом на экране», — заявил Том Шейлз, телевизионный критик газеты «Вашингтон пост», во время кризиса с захватом лайнера авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз», предвещая тем самым снижение качества передаваемых новостей. Подобная тенденция в американских новостных программах никоим образом не является случайной, учитывая тот факт, что с 1978 года телевидение стало основным источником новостной информации для большинства (67%) американцев и единственным источником новостей для 34% граждан США. Акцент на развлекательный характер, а следовательно, на насилие и кровь в новостных выпусках, отражен в исследовании работы трех крупнейших американских вещательных корпораций, делавших сообщения о терроризме в США с 1975 по 1983 год. В ходе исследования было установлено, что несмотря на освещение в прессе террористов и их акции (о чем уже говорилось в главе 3), все же телеканалы назвали армянских боевиков, застреливших американку в спину, когда та пыталась убежать от них, дразнивших полицию, держа на прицеле ребенка, и убивших французского подростка, террористами (а не борцами за свободу). То есть не было сказано ни единого слова об исторических предпосылках, политическом контексте или других сопутствующих обстоятельствах, которые могли бы пролить свет на мотивы и аргументы террористов.

К сожалению, означенный выше подход к подаче информации, распространенный среди журналистов электронных СМИ, зачастую используется их коллегами из печати. «Так как телевизионные СМИ часто тривиализируют новости, газеты также ищут способы преподнести читателю информацию в более живой и увлекательной манере, — утверждает Джеймс Адаме, главный администратор «Юнайтед Пресс Интернэшнл» (а также бывший главный аналитик вашингтонского бюро «Санди тайме», руководитель отдела зарубежных новостей и военный обозреватель). — Это подразумевает не только сужение круга интересов, но и сосредоточивание на тривиальной, несущественной и неуместной информации для достижения развлекательного эффекта». Цветные фотоснимки, кровавые подробности и сенсационные заголовки, бросающиеся в глаза с первых страниц бульварных газет и более серьезных изданий, — это именно то, что способствует продаже газет (и распространению размещенной в них рекламы), в той же мере, что и коммерческого эфирного времени. Следовательно, в печати, как и на телевидении, не наблюдается никакого желания действовать согласно принципу «большого кадра». Вместо этого в статьях большинства печатных изданий доминирует одержимость кровавыми подробностями того или иного происшествия. Такое положение дел является следствием финансового давления и снижения доходов, испортивших подачу новостей на телевидении, даже при том, что аудитория электронных СМИ по-прежнему численно превосходит читающую публику. Адаме, к примеру, сравнил свою работу в качестве аналитика отдела зарубежной информации в «Санди тайме» в 1980-х и работу одного из своих предшественников Яна Флеминга (создателя цикла о знаменитом шпионе Джеймсе Бонде) в 1950-х годах. В то время как Флеминг мог рассчитывать на помощь 150 корреспондентов по всему миру, 30 лет спустя в распоряжении Адамса их было всего лишь 8. «Сегодня это означает, — писал он, — что освещение новостей происходит выборочно и не обязательно обусловлено важностью тех или иных событий, но стоимостью освещения или даже более прозаичными соображениями, вроде того, кто в данный момент находится на месте событий».

В этих обстоятельствах подача новостей обусловлена прежде всего скоростью передачи информации в эфир или печать, а также поиском дополнительного материала для оправдания расходов и затраченного труда и последующего заполнения ниши в эфирном времени или печатной страницы. Подобная ситуация, хотя и непреднамеренно, просто создана для манипуляций и замыслов террористов. «Погоди стрелять, Абдулла! Мы не в прайм-тайме!» — так эксперт по терроризму Джей Бойер Белл описывает ситуацию, когда террористы сознательно пытаются играть на внимании современных СМИ, и те охотно отзываются. К сожалению, это забавное наблюдение куда ближе к действительности, нежели к вымыслу. Во время захвата штаб-квартиры ОПЕК в Вене в 1975 году и похищения нефтяных магнатов Карлос Шакал любезно согласился подождать приезда журналистов и съемочных групп, прежде чем эффектно скрыться из здания с заложниками. Четыре года спустя толпа недовольных перед зданием американского посольства в Тегеране, где 52 человека были взяты в заложники, неожиданно пришла в движение, когда появилась съемочная группа Канадской телерадиовещательной корпорации и начала съемку. По словам Алекса П. Шмида, «как только камеры заработали, демонстранты принялись скандировать «смерть Картеру», поднимать кулаки, угрожать и жечь американские флаги. Спустя две минуты оператор подал знак, что «дубль» отснят. Сцена повторилась вновь, но теперь уже для франкоговорящих канадцев, когда толпа скандировала «смерть Картеру» на французском языке».

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ? ТЕРРОРИЗМ, СМИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Факт, что терроризм и СМИ связаны между собой взаимовыгодными отношениями, используя друг друга по мере своих возможностей, не вызывает сомнений. Однако бесспорной проблемой является не столько само существование подобных отношений, а то, действительно ли оно влияет на общественное мнение и принятие правительственных решений в том направлении, которое выгодно террористам, как то утверждают критики СМИ. Ответ на этот вопрос является куда более сложным и неоднозначным, чем предполагают наши знания по данному вопросу. Есть точка зрения, высказываемая часто, но до некоторой степени рефлексивно, государственными чиновниками, учеными и прочими лицами, что СМИ — это либо «лучшие друзья террористов», либо, говоря словами премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, «поставщики кислорода рекламы, в которой нуждаются террористы». СМИ неоднократно осуждались за то, что «во много раз упрощают задачу террористов», или обвинялись в том, что «становились невольными, а порой и добровольными посредниками в рекламных кампаниях террористов». Беньямин Натаньяху, премьер-министр Израиля, утверждал, что «получившие освещение террористические акты подобны одинокому дереву, упавшему в безмолвном лесу». Из всех этих суждений можно сделать один очевидный вывод — если террористов «морить информационным

голодом», то есть не давать их действиям той огласки, которой они так жаждут, то их вредоносное влияние и частота терактов будут значительно снижены.

Подобный довод хотя и привлекает своей простотой, тем не менее пренебрегает тем фактом, что все внимание и реклама, которыми СМИ одаривают террористов, почти всегда имеют негативный характер. «Мне не известны случаи, когда аудитория принимала бы сторону террористов, попавших на телеэкраны путем шантажа и насилия», — писал в статье о защите действий СМИ во время освещения кризиса с захватом заложников самолета авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» президент Эн-би-си Лоуренс К. Гроссман. Доводы Гроссмана, хотя и высказаны в порядке самооправдания и в защиту собственных интересов, не лишены основания. Даже такие специалисты, как Лэкер, которые критикуют СМИ за чрезмерное усердие в освещении действий террористов, признают, что это не способствовало благоприятному отношению общественности как к террористам, так и к их претензиям.

Именно таким был вывод, сделанный в ходе исследования, проведенного в 1988—1989 годах известным американским институтом, корпорацией РЭНД. С помощью анализа среднестатистических показателей по стране, опытным путем выявили восприятие общественностью как терроризма, так и самих террористов, а также изучали, как общественное мнение влияет на действия террористов. Временные рамки исследования были особенно важны. Исследование охватывало длительный период высокой активности международных террористов, характеризовавшийся неоднократными нападениями террористов на объекты, представлявшие США за рубежом. Эти теракты (включая захват самолета авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз») активно освещались американскими печатными и электронными СМИ. Осведомленность общественности в каждом конкретном случае была высока. Терроризм служил основным источником новостей на протяжении 5 лет, предшествовавших исследованию, а также был назван самой важной проблемой в США в опросе общественного мнения, проведенном совместно Си-би-эс ньюс и «Нью-Йорк тайме» в 1986 году, причем показатель превышал все другие заявленные в опросе внутренние и внешние проблемы на 15 пунктов. Однако, несмотря на продолжительное и пристальное внимание СМИ к действиям террористов за период времени, охваченный исследованием, было показано, что одобрение общественностью их деятельности равнялось нулю. В то же время исследование установило, что, несмотря на то, что большинство американцев не разделяет симпатий к группам, прибегающим к насилию, они продемонстрировали глубокий и неизменный интерес в отношении террористов и их действий. По мнению Келлена, «возможно, люди одобряют терроризм не более, чем одобряют убийства... Но они явно заинтригованы их действиями». Это стало наиболее очевидно 5 мая 1986 года, когда Эн-би-си пустила в эфир в вечерних новостях откровенное интервью с Абу Аббасом[98], лидером Фронта освобождения Палестины. Семью месяцами ранее эта организация потрясла мировую общественность, захватив итальянское круизное судно «Акилле Лауро», пассажиров которого затем пытались обменять на 50 палестинских террористов, содержащихся в тюрьмах Израиля. В ходе захвата террористы зверски убили американского туриста Леона Клингхоффера, прикованного болезнью к инвалидному креслу, и бросили его тело в море. В итоге в конфликт вмешался лидер Организации освобождения Палестины Ясир Арафат и заключил с террористами сделку, согласно которой террористы должны были причалить в порту Александрия и выпустить заложников. Взамен им гарантировали безопасное возвращение обратно на базу Фронта в Тунис. Однако истребители ВМФ США перехватили в воздухе самолет авиакомпании «Египетские авиалинии», на борту которого находились четверо захватчиков, и заставили экипаж, приземлиться на авиабазе НАТО в Сицилии, где террористы были арестованы итальянской полицией. Госдепартамент США позже объявил награду в 250 тысяч долларов за поимку Аббаса, положив начало всемирной охоте на него. Выследив беглого лидера террористической группы и взяв у него «эксклюзивное интервью», Эн-би-си преуспела там, где правительство США потерпело неудачу. Руководство телекомпании придерживалось не слишком правдоподобной версии, что его репортеры достигли своей цели исключительно самостоятельно, без помощи или потворства самого Аббаса. Рамки взаимовыгодных отношений прессы и террористов, как и степень внимания общественности к терактам, которого активно добиваются журналисты и сами террористы, были продемонстрированы самым очевидным образом. Однако самым поразительным в интервью Эн-би-си был не столько тот факт, что телекомпания придала человеку, чьи руки, возможно, были обагрены кровью Клингхоффера, статус некоего «политического деятеля», сколько напыщенность и самомнение, продемонстрированные в эфире Эн-би-си в ходе программы. — «Мы стремимся брать интервью у всех лидеров, — хвалился Гроссман. — Мне кажется, американцам важно понимать, узнавать и делать собственные выводы». И все же никакого воображения не хватит, чтобы приравнять Аббаса к тем мировым лидерам, чьи взгляды заслуживают самого желанного приза американского телевидения — появления в эфире наиболее значимой новостной

программы в прайм-тайм. В действительности Аббас был одним из наименее удачливых командиров Организации освобождения Палестины, чьи операции вызвали ассоциации с фильмом «Копы из Пенсильвании», его террористы летали на воздушных шарах и дельтапланах и неизменно проваливали операции с таким же позором, что и попытку освободить 50 заключенных террористов, захватив роскошный морской лайнер. Тем не менее Аббас, будучи неудачником в проведении террористических кампаний, проявил умение привлечь к себе внимание окружающих, пусть и чудовищными средствами, что как нельзя лучше отвечало интересам Эн-би-си и телеаудитории. В сияющем свете огней телекамер интерес СМИ и общественности к терроризму превратил Аббаса «в звезду экрана», а не в похитителя и убийцу, коим он являлся. И в самом деле, большинство зрителей сочли, что интервью получилось куда более «увлекательным», чем сами новости. Каким бы безвкусным и неуместным ни было шоу Эн-би-си, оно не произвело никакого эффекта на отношение большинства телезрителей к терроризму и террористам, скорее лишь вновь подтвердило их негативный настрой.

Общественная заинтересованность акциями террористов присуща не только американским зрителям новостных программ. Дивизионный командир Королевской полиции Ольстера, на которого позже сослался на конференции по вопросам отношений между терроризмом и СМИ его тогдашний начальник, главный констебль сэр Джон Эрмон, спрашивал: «Может ли случиться такое, чтобы насильнику из Гэмпшира или грабителю из Беркшира предоставили свободу посредством действий британских СМИ, оправдывающих насилие и грабеж, и затем отпустили его на волю, чтобы тот снова вернулся к преступной деятельности?» Ответ очевиден каждому — нет, не может. Однако проблема заключается не столько во внимании, уделяемом терроризму СМИ, сколько в том, что терроризм и является «новостями», зачастую как в международном, так и в национальном контексте, причем в особом смысле, не характерном для прочих происшествий. Возможно, мы должны быть благодарны тому, что даже спустя тридцать лет насилия и раздоров в Северной Ирландии терроризм остается сравнительно нечастым явлением, хотя и является главным источником новостей. Однако терроризму присущ неотъемлемый элемент драматизма, который позволяет ему выйти за границы земного и вызывать у аудитории почти ненасытный интерес, который, естественно, поощряется и подпитывается прессой. Таким образом, если СМИ, может быть, и виновны в постоянной и временами даже унижительной погоне за новостями, дабы заполнить информационный вакуум, образовавшийся в результате появления круглосуточных новостных каналов, популярных новостных шоу и жесткой конкуренции, но они существуют и действуют не в вакууме, поскольку, как и любой другой бизнес, зависят от «потребительского спроса». Способствует ли это повышению качества репортажей или безупречности профессионального поведения журналистов прессы и телевидения — другой вопрос. Здесь также мнения критиков и аудитории значительно разнятся.

Будучи поводом для острой критики, направленной в адрес СМИ и их практики освещения событий, кризис с захватом самолета авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» демонстрирует тот разрушительный эффект, который терроризм оказывает на стандарты журналистики. Чиновники из администрации Рейгана выступали против «буффонады, устроенной СМИ» в Бейруте, которую один из высших политических чиновников назвал «новым словом в безвкусной и безответственной подаче информации». Даже такие бывалые корреспонденты, как Роджер Мад из Эн-би-си, не избежали соблазна того, что сами называли «цирком СМИ». Тем не менее американская общественность полностью с этим не согласна. Опрос, проведенный Эй-би-си ньюс совместно с «Вашингтон пост» вскоре после окончания кризиса с захватом самолета «Трансуорлд Эр Лайнз», показал, к примеру, что две трети американцев одобряли усердие, с которым СМИ освещали это происшествие, в то время как опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллапа за тот же период, показал еще больший процент в поддержку СМИ — 89%. Результаты опроса не были следствием однодневного заблуждения общественности. Три четверти американцев, опрошенных через год институтом Гэллапа и корпорацией «Тайме миррор» (помимо прочих, издающей газету «Лос-Анджелес таймс»), также одобрили действия печатных и электронных СМИ при освещении терактов. Более того, 71% респондентов сочли новостные корпорации страны «крайне профессиональными». Подобная реакция, противоречащая большинству пострадавших, хотя порой и скоропалительных критических высказываний, четко продемонстрировала заинтересованность зрителей в сообщениях о терактах, в первую очередь из-за их увлекательности, а также на отсутствие интереса к самим террористам и их «посланию».

Резкой критике за чрезмерное внимание, уделяемое отдельным заложникам и их семьям, подвергли действия СМИ как высокопоставленные правительственные чиновники, так и выдающиеся государственные деятели. «Вполне возможно, что в опасной ситуации, такой, как эта, телевидение может привести к человеческим жертвам», — заявил пожелавший остаться

неизвестным помощник президента, вторя недавней критике того, что чрезмерное освещение событий препятствовало попыткам администрации освободить заложников. Однако около половины участников опроса, проведенного институтом Гэллага и компанией «Тайме миррор», сочли неослабевающее внимание СМИ к судьбам заложников положительным фактом, гарантировавшим их безопасность и скорое освобождение. Вот что сказала о действиях СМИ жена одного из заложников в утренних новостях: «Нравится нам это или нет, но телевидение — это способ оказать давление там, где оно необходимо». Ее мнение всецело разделяло большинство заложников. «Хвала Господу, мы возвращаемся домой», — произнес один из заложников во время посадки в самолет, который должен был отвезти его в США. Он поднял вверх большой палец, повернувшись к съемочной группе Си-эн-эн, снимавшей его отлет, и добавил: «Спасибо за то, что все время снимали нас». Американский репортер из Си-эн-эн Джереми Левин, который сам был похищен в Бейруте террористами «Хезболла» в марте 1984 года, сделал акцент именно на это. Левин считает, что внимание прессы к его страданиям на протяжении 11 месяцев плена удерживало террористов от того, чтобы его убить. Он также привел неутешительный довод, что самый длительный кризис с захватом заложников (1984—1992 годы), когда в плен к террористам попали граждане США и других западных стран (включая Терри Уайта, посланника епископа Кентерберийского), похищенные в Ливане, был таковым из-за минимального внимания СМИ к тем событиям.

В свете приведенной выше дискуссии общепринятые суждения о взаимовыгодных отношениях между СМИ и терроризмом кажутся куда менее очевидными, чем это принято считать. В то время как большинство террористов жаждут внимания СМИ, которое те в свою очередь всегда готовы им уделить, известность, которую приобретают террористы, является двойкой. С одной стороны, террористы убеждены в том, что их действия призваны принести им известность. Но, с другой стороны, отношение и реакция общественности, которые они желают вызвать своими действиями, являются как менее предсказуемыми, так и менее податливыми, чем считают террористы и всякого рода эксперты. К примеру, одной из главных причин отказа ИРА от прекращения огня в феврале 1996 года было стремление убедить британскую общественность в том, что именно правительство повинно в провале переговоров, и таким образом надавить на премьер-министра для получения уступок в борьбе за независимость, которые правительство до тех пор не желало или не имело возможности делать. Результат оказался неопределенным: в большей степени это случилось, возможно, из-за единодушного осуждения действий ИРА и шинфейнеров британской (и, вероятно, мировой) прессой, вызванного взрывом на набережной Кэнэри в Лондоне, в результате которого погибли двое и получили ранения сотни человек. Тогда как 63% участников опроса общественного мнения, проведенного неделей позже, сочли, что правительство по-прежнему должно искать возможность переговоров с шинфейнерами ради прекращения огня, 89% тем не менее обвиняли ИРА в нарушении процесса мирного урегулирования конфликта. Слаженная работа специалистов движения шинфейнеров и ИРА по связям с общественностью в Северной Ирландии смогла оказать влияние на представление этой информации в СМИ в Ольстере. Их неспособность добиться того же в Великобритании, однако, была очевидной. По словам одного аналитика, «оказавшись в изоляции, они стали настаивать на том, чтобы выступить на телевидении, учитывая то, что на прошлой неделе Джерри Адаме и прочие лидеры движения шинфейнеров не смогли отразить направленную в их адрес критику». Это также объясняет, почему ИРА вынуждена была приступить к активной подрывной кампании по всей Англии после отказа от прекращения огня. Вплоть до смены правительства в мае 1997 года ИРА вынуждена была использовать неприкрытый терроризм в качестве средства вынудить правительство вернуться за стол переговоров, а не ради манипулирования общественным мнением таким образом, чтобы вызвать сочувствие к неудачам националистов.

Однако есть две области, где внимание, уделяемое терроризму СМИ, негативно отражается на поведении общественности и правительства. Первая — это общественная оценка личного риска пострадать от теракта и вытекающее отсюда нежелание путешествовать. Вторая — это временные рамки, налагаемые СМИ на усилия правительства по разрешению кризиса, создаваемого террористами.

ДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ: ВЛИЯНИЕ НА ИНДУСТРИЮ ТУРИЗМА И НА СРОКИ ПРИНЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РЕШЕНИЙ

Когда в ходе исследования, проводимого корпорацией РЭНД, был предложен вопрос, каковы шансы оказаться жертвой несчастного случая из предложенного списка, показатель по терактам оказался неожиданным. Хотя большинство респондентов смогли оценить приблизительную степень риска, присущую той или иной ситуации (показав, что вероятность оказаться участником

дорожной аварии куда выше, нежели стать жертвой теракта), воспринимаемая разница в вероятности двух подобных инцидентов была куда меньше, чем реальные различия в возможности оказаться их участником. К примеру, 71% опрошенных показал, что они опасаются попасть в автомобильную аварию, хотя среднестатистическая вероятность равняется 19,2 из 100 тысяч человек. Для сравнения, всего 14% считают, что окажутся на захваченном террористами самолете или станут жертвами взрыва, хотя на самом деле шансы стать пассажиром захваченного самолета — менее 1 к 100 тысячам (подобная статистика по взрывам недоступна). Однако, если посмотреть на это с другой точки зрения, 47087 человек погибли в автомобильных авариях в США в 1988 году и 45582 в 1989-м (годы, когда корпорация РЭНД проводила исследование), в то время как 203 американца погибли в ходе терактов по всему миру в 1988 году (93% из числа которых погибли в ходе одного и того же инцидента — взрыва на борту рейса 103 авиакомпании «Пан-Американ», произошедшего над Локерби в декабре) и 23 человека в 1989 году. Вероятность погибнуть от рук террористов была в 1989 году такой же высокой, как и вероятность скончаться от нападения собаки. И все же около трети опрошенных в тот год заявили, что откажутся от поездок за границу, дабы избежать угрозы теракта. Статистических свидетельств о том, что такой же процент опрошенных счел содержание в домах собак столь же опасным, не имеется.

Искажение в восприятии, которое выразилось в завышенной оценке вероятности пострадать в ходе теракта, является по большей части прямым отражением несоразмерного освещения действий террористов американскими СМИ. В 1980-х годах был период, когда американские телевещательные компании уделяли терроризму больше внимания, нежели проблемам нищеты, безработицы и преступности, вместе взятым, несмотря на то, что эти вопросы имели куда большую важность, так как непосредственно влияли на жизнь большинства американцев. Роль СМИ в подпитке необоснованных страхов читателей и телезрителей была наглядно продемонстрирована прокатившейся по США волной отмен запланированных путешествий после захвата самолета «Трансуорлд Эр Лайнз». Около 850 тысяч человек отказались от поездок как за рубеж, так и по стране из страха стать жертвой теракта (то же случилось после нападения террористов на иностранных туристов в Луксоре в ноябре 1997 года, когда многие отменили поездки в Египет). Еще 200 тысяч американцев поменяли туры за границу на отдых внутри страны, считая, что их страна наиболее безопасна с точки зрения угрозы терроризма. В результате серьезно пострадала внутренняя экономика зарубежных стран, напрямую зависящих от туризма: 50% американских туров в Италию и 30% в Грецию были сданы обратно. Если нежелание американцев ехать в страну, откуда вылетел злополучный самолет авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз», еще можно понять, как и отказ от поездки в Грецию, чьи аэропорты временами подвергались критике за недостаточную безопасность, то куда сложнее объяснить, почему значительно (на 20%) снизилось число желающих посетить мирные Нидерланды.

Вот некоторые данные по реальной угрозе терроризма для американцев в 1985 году: 6,5 миллиона граждан США побывали в тот год за рубежом, из которых 6 тысяч человек погибли по причине природных катастроф, несчастных случаев и актов насилия. Всего 17 из этих 6 тысяч погибли в ходе террористических актов. Таким образом, шансы погибнуть за рубежом составили 1 к 150 тысячам, не говоря уже о бесконечно малой вероятности подвергнуться нападению террористов. И все же, несмотря на чрезвычайно низкую вероятность, к февралю 1986 года число американцев, отказавшихся от запланированных поездок за границу, составило 1,8 миллиона человек. Возврат туров в Грецию, приобретенных американцами, увеличился вдвое за предыдущий год, даже при том, что приток британских и скандинавских туристов в Грецию увеличился соответственно на 22 и 25%. Число же американских туристов, посетивших Великобританию, упало на 40%, что более чем существенно по сравнению с прошлым годом. 76% американцев, опрошенных в апреле 1986 года (вскоре после взрыва на борту авиалайнера «Трансуорлд Эр Лайнз», следовавшего из Рима в Афины, и теракта в вечернем клубе в Западном Берлине, устроенного ливийскими террористами), сочли, что угроза терактов сделала поездки за границу в тот год весьма опасными, в сравнении с 67%, высказавшими такое же мнение в июле годом ранее. К концу 1986 года около 80% американцев, запланировавших в том году поездки за рубеж, отменили их, хотя страхи, вызванные возможностью терактов, превосходили реальную угрозу.

Влияние связей между СМИ и терроризмом на принятие решений правительством имеет куда большее значение, чем туристические планы американских граждан. Третья революция в передаче новостей, происходившая в последние десятилетия XX века, изменила не только то, как мир узнает новости, но и то, как политические деятели принимают решения. Эта революция менее, чем две предыдущие, зависела от значительного технологического прорыва, черпая силы в объединении всех технологических достижений, которые вместе изменили манеру, а не

механизмы подачи новостей. «Синдром Си-эн-эн» — популярный афоризм, выдуманный в знак признания достижений кабельной новостной сети, расположенной в Атланте, — в корне изменил трансляцию новостей, положив начало созданию специальных спутниковых и кабельных круглосуточных каналов, где новости передавались «24 часа в сутки». В недавнем времени это породило множество сопутствующих, зачастую объединенных в сеть коммуникационных средств — Интернет-поставщики новостей (к примеру, Си-эн-эн интерактив), автоматизированная рассылка новостей по электронной почте и факсу и т.д., которые удовлетворяют ненасытную жажду мировой аудитории в новостях, передаваемых в реальном времени и предоставляющих немедленный доступ к местам событий и людям, делающим новости.

Могущество последней экспансии коммуникационных СМИ подтверждается множеством телевизоров, стоящих в кабинетах почти каждого чиновника или политика в официальном Вашингтоне, округ Колумбия, — от государственных гражданских служащих среднего ранга до командующих в Пентагоне, от шпионов ЦРУ до чиновников департамента торговли, от конгрессменов до президента. Экраны телевизоров бесшумно светятся на протяжении всего дня до тех пор, пока не произойдет какое-нибудь происшествие достаточной важности, которое заставит владельцев телевизоров включить звук. «Наша лучшая разведка — это, безусловно, СМИ», — признался Ноэль Кош, заместитель министра обороны, ответственный за борьбу с терроризмом при администрации Рейгана, еще в середине 1980-х. Однако наивысшей похвалой стали слова подполковника Оливера Норта, бывшего помощника советника по национальной безопасности, ставшие известными благодаря важной роли, которую он сыграл в освобождении заложников, за которых террористы требовали оружие, в 1986 году. Он сказал: «Си-эн-эн бежит на десять корпусов впереди Управления национальной безопасности», сравнив тем самым частную кабельную телекомпанию с государственным Управлением национальной безопасности, сверхсекретной разведывательной службой Америки, занимающейся сбором радиоэлектронных данных и вопросами связи.

Однако результатом подобной непосредственности является тот факт, что телевидение становится не только «формирователем общественного мнения», но и «политическим двигателем». Ведущие и аналитики наперегонки пытаются определить для правительства ряд возможных вариантов или истолковать возможную реакцию общественности, а также ее последствия. Вот как это объяснил Ллойд Катлер, советник президента США Картера, во время кризиса с захватом заложников в Иране в 1979 — 1980 годах: «Если в новостях появляется информация о трагическом событии за рубежом, президент и его советники чувствуют необходимость сделать ответное заявление в срок до следующих вечерних новостей». К дебатам немедленно присоединяются новые участники, резко ведя полемику, и тут же ее прекращают, лишая разработчиков политического курса, государственных чиновников и военных командиров времени, необходимого для тщательного анализа важных моментов, вынесения хорошо продуманных решений, обдумывания вразумительных ответов и уверенных действий, основанных на всестороннем рассмотрении вопроса. Впоследствии правительства все более принуждены реагировать на события прежде, чем они будут полностью оценены, получая намеки от телевизионных ведущих, подающих события так, как это выгодно СМИ, вместо того, чтобы выработать решения, основанные на всей имеющейся информации. Когда в интервью 1993 года премьер-министра Великобритании Джона Мэйджора спросили о конкретном воздействии «Синдрома Си-эн-эн» на принятие правительственных решений, он ответил: «Мне кажется, это плохо отражается на правительстве. Сразу приходит мысль о том, что иметь политику в отношении всего, прежде чем оно случится, и реагировать на события, прежде чем они будут взвешены и оценены, неразумно».

Опыт администрации Клинтона в последние месяцы американского вмешательства в конфликт в Сомали — это полезное напоминание как об опасном влиянии телеэкрана, так и об опасности принятия решений, основанных на первых впечатлениях и неполной осведомленности. 3 октября 1993 года военная операция сил США с целью арестовать казначея и командиров сомалийского военного диктатора генерала Мохаммеда Фараха Айдида начала развиваться катастрофически неудачно. 15 американских рейнджеров погибли и 72 получили ранения. В некоторых из числа наиболее захватывающих моментов репортажей, транслировавшихся по американскому телевидению, был показан раненый американский пилот вертолета, которого вели по улицам Могадишо в сопровождении скандирующей вооруженной толпы сомалийцев. Быстро отреагировав на это происшествие — пытаясь предотвратить критику со стороны Конгресса США, СМИ и американской общественности, президент Клинтон всего через несколько дней объявил о посылке в Сомали военных подкреплений, но установил жесткую дату вывода американских войск из страны — 31 марта 1994 года — безотносительно к тому, успеет ли многонациональная

гуманитарная миссия, возглавляемая ООН, успешно завершиться к этому сроку. Опрос, проведенный совместно газетой «USA Today», корпорацией Си-эн-эн и Институтом Гэллапа вскоре после инцидента, подтвердил опасения президента относительно того, что большинство американцев обвинит его и его администрацию в плохо подготовленной гуманитарной миссии, стоившей жизни более десятка военных. 52% опрошенных ответили, что в первую очередь было ошибкой вмешиваться в конфликт в Сомали (правда, это решение было принято еще уходящей администрацией Буша), а еще 57% сочли, что Клинтону не следовало посылать в страну подкрепление. Опрос, проведенный компанией Эй-би-си, показал сходные результаты.

Однако после более тщательного и взвешенного рассмотрения многие из этих результатов кажутся менее убедительными. К примеру, по результатам совместного опроса «USA Today»/Си-эн-эн/Института Гэллапа, 50% опрошенных, заявивших, что хотели немедленного вывода американских войск из страны, смотрели телевизионные передачи, где был показан раненый пилот вертолета, захваченный сомалийскими боевиками, которого вели под крики толпы по улицам. Однако среди опрошенных, которые не видели кадры репортажа, всего 33% поддерживали вывод войск. К тому же 49% респондентов, участвовавших в опросе Эй-би-си, не поддержали решение президента установить дату вывода войск по сравнению с 45% в пользу этого решения; тогда как опрос, проводимый в то же время в ходе Программы по выявлению мнений о международной политике США Институтом Мэриленда, показал, что всего 28% опрошенных поддержали немедленный вывод войск, при этом 43% утверждали, что войска США должны остаться в Сомали «до тех пор, пока ситуация в стране не будет стабилизирована», если это будет необходимо, даже на срок, превышающий установленную дату вывода. В ретроспективе все выглядит так, будто президент и в самом деле вынужден был поспешно принять решение, не отражавшее общественное мнение, движимый одними эмоциями, порожденными кадрами репортажа, где были запечатлены издевательства над захваченным в плен американским пилотом. Джон Ченселлор, главный комментатор Эн-би-си ньюс и старейшина Американской новостной сети, попытался провести грань между вечным поиском драматических событий и ответственностью, возложенной на репортера. «У нас есть вдумчивая журналистика, — заметил он. — И есть то, что я называю электроникой, то есть средства передачи изображений и слов, которые мало чего общего имеют с журналистикой». Именно слияние этих двух понятий в корне изменило контекст и содержание новостей сегодня, а также временами оказывало искаженное влияние как на общественное мнение, так и на официальное принятие решений. В эту новую эру СМИ, когда «информационная революция» изменила способы коммуникации по всему миру, что явилось результатом научных достижений в сфере быстрой передачи информации в реальном времени, стремление уложиться в границы эфирного времени и печатного листа, а также сопутствующие и неизбежно поспешные суждения и скорые выводы, могут представлять большие возможности для манипуляций и влияния со стороны террористов, чем существовали до сих пор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня мы живем в эпоху политических цитат и подачи информации, выгодной той или иной стороне, когда захватывающие кадры и зажигательные речи ценятся выше взвешенного анализа и детального толкования и зачастую принимаются за хорошую журналистику. Одна из прочных аксиом терроризма — тот факт, что цель его состоит в завоевании известности и привлечении внимания к террористам и их требованиям. Таким образом, террористическая деятельность идеально приспособлена к СМИ конца XX века. Теракты слишком легко превратить в «мыльные пузыри», раздуваемыми прессой в мировых масштабах. Происходит это именно из-за того, что теракты зачастую и организуются как раз с этой целью. Драматические эпизоды терроризма и неожиданных актов насилия, появляющиеся на экранах телевизора и первых полосах газет, тут же перерастающие в кризис и столкновение загадочных врагов с силами закона и правопорядка, делают их идеальным материалом как для телевидения, так и для полноформатных печатных изданий и бульварных газет.

В Великобритании интерес СМИ (и общественности) к терроризму уступает, пожалуй, лишь интересу к королевской семье. Как иначе можно объяснить одно появление небольшой статьи на четвертой странице лондонской «Тайме» от 3 сентября 1997 года, явившейся частью освещения трагической гибели принцессы Уэльской, и повтора содержания этой статьи на следующий день в большей по объему статье на шестой странице? Обе статьи повествовали о том, как Лейла Халед — палестинская террористка, получившая печальную известность, участвуя в захвате самолета авиакомпании «Трансуорлд Эр Лайнз» в 1985 году и пассажирского реактивного самолета «Эль-Аль» годом позже, — была тронута личностью принцессы, которой она посвятила стихи, посланные двум сыновьям Дианы. Помимо того факта, что трудно найти двух особ, столь

непохожих друг на друга, как бывшая террористка, чьи действия намеренно подвергали жизни сотен невинных граждан, и женщина, сделавшая смыслом своей жизни облегчение страданий невинных и слабых, то, что высказывания Халед сочли достойными публикации в газете, является свидетельством могущественного влечения СМИ к террористам и их действиям, пусть даже при самых неправдоподобных (и даже абсурдных) обстоятельствах.

Для террористов освещение их деятельности СМИ является, как это было показано, неким обоюдоострым мечом, дающим им внимание и известность, которых они добиваются, но не всегда в том виде, как им этого бы хотелось. Кризис с захватом пассажиров самолета «Трансуорлд Эр Лайнз» в 1985 году представляет собой наглядный урок того, как террористы могут использовать СМИ в своих интересах, тогда как исход 17-летней террористической кампании так называемого Унабомбера указывает на обратное. Анонимный Унабомбер, названный так ФБР за то, что в качестве жертв он избирал людей, связанных либо с высшими учебными заведениями, либо с индустрией авиаперевозок, убивший 3 и ранивший еще 23 человека, используя простые, но оригинальным способом изготовленные в домашних условиях бомбы, которые он рассылал по почте, пообещал в июне 1995 года ограничить свою подрывную деятельность при условии, что либо «Нью-Йорк тайме», либо «Вашингтон пост» напечатают его обращение и три дополнительных ежегодных послания. Публикация в сентябре его диатрибы против развития технологии и уничтожения окружающей среды в газете «Вашингтон пост»[99] дала информацию, приведшую к задержанию Теодора Качински, математика из Калифорнийского университета в Беркли, которого и обвинили во взрывах. Если бы загадочный Унабомбер не был так одержим получением огласки, его бы вряд ли удалось задержать. По наблюдениям Рапопорта, «отношения между известностью и терроризмом являются парадоксальными и трудными для понимания. Известность концентрирует внимание на группе, укрепляя боевой дух и помогая привлечь новых участников и сторонников. Однако известность пагубно сказывается и на самих террористических группах. Она помогает разгневанной общественности мобилизовать обширные ресурсы и дает информацию, которая необходима ей для того, чтобы проникнуть под покров тайны, необходимый террористическим группам».

В то время как кампанию Унабомбера нельзя назвать терроризмом в обычном понимании, так как он являлся одиночкой, движимым настолько глубоким чувством недовольства, что никакой другой человек не разделял его с ним, это странное дело тем не менее демонстрирует сложность симбиотических отношений терроризма и СМИ. Более того, оно не только представляет собой очередную путающую трещину в традиционных представлениях об этих взаимоотношениях, но и акцентирует необходимость введения критических, но при этом тонких различий в данной области.

Глава 6.

МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИСТА: ТАКТИКИ, МИШЕНИ И ТЕХНОЛОГИИ

Гнев террориста редко является неуправляемым. В противоположность как общераспространенному мнению, так и изображению в СМИ, большинство терактов совершаются не в припадке безумия и не по чьей-то прихоти. Наоборот, атаки террористов продуманны и тщательно спланированы. Как было понятно из предыдущей главы, предназначение теракта — передать некое послание. Однако в равной степени важен тот факт, что теракт планируется и исполняется в манере, отражающей цели и мотивации той или иной группы, соответствует ее ресурсам и возможностям, а также принимает во внимание «целевую аудиторию», на которую направлен этот теракт. Следовательно, тактики и мишени различных террористических организаций, как и виды оружия, используемые ими, обусловлены идеологией группы, ее внутренней организационной динамикой и личностями ключевых фигур, а также множеством внутренних и внешних стимулов.

СВЯЗЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ

Все террористические группы избирают такие мишени, которые могут оказаться полезными с их точки зрения, и применяют тактику, созвучную их основным политическим целям. Несмотря на то что террористы левого толка, подобно немецкой Фракции Красной армии и итальянским Красным бригадам, выборочно похищали и убивали людей, виновных, по их мнению, в экономической эксплуатации или политических репрессиях, с целью приобретения известности и осуществления марксистско-ленинской революции, террористы, ведомые религиозным императивом, осуществляют более масштабные акты насилия, направленные против широкой категории мишеней, включающих не только заклятых врагов, но и всех, кто не разделяет их религиозные воззрения. Действия этнонационалистических/сепаратистских групп определяются моделью, находящейся где-то между двумя первыми. С одной стороны, насильственные акции, проводимые такими группами, как Организация освобождения Палестины, Ирландская республиканская армия и баскская сепаратистская организация ЭТА, оказывались куда более разрушительными и губительными, чем террористические кампании других групп левого толка. Но, с другой стороны, насилие, творимое ими, по большей части было ограничено определенным «набором мишеней», который составляют члены «той или иной соперничающей или доминирующей этнонациональной группы». Возможно, наименее последовательной категорией террористических групп (если речь идет о повторяемости терактов и влиянии на общественность и мнение правительства) является целый ряд новых нацистов, «политических панк-рокеров» с расистскими взглядами и прочих крайне правых элементов, появившихся в последние годы в некоторых европейских странах. Но даже их отдельные и несогласованные, кажущиеся бессмысленными акты насилия, подогреваемые в равной степени как пивом и бравадой, так и политической программой, не вполне случайны или беспорядочны. В самом деле, у всех этих категорий смысл заключается не во внутренних различиях, а в том, что выбор тактики и мишеней определяется в соответствии с их идеологией и механизмами легитимизации и оправдания. И, возможно, самое главное различие заключается в их отношениях с «целевой аудиторией», на которую направлены акты насилия.

Главным тактическим и этическим императивом, к примеру, для террористов левого толка является намеренное планирование актов насилия так, чтобы достичь умов «аудитории». В интервью 1978 года немецкий левый террорист Михаэль Бомми Бауман осудил захват пассажирского авиалайнера компании «Люфтганза», произведенный годом ранее террористами, требовавшими освобождения из-под стражи заключенных членов Фракции Красной армии, назвав его «безумием».

И добавив, ЧТО «нельзя ставить свою жизнь выше жизней детей или туристов с Майорки и сказать: "Моя жизнь ценнее!" Это элитарная чепуха, граничащая с фашизмом». Для Баумана намеренное вовлечение в террористическую операцию невинных граждан являлось не только непродуктивным, но в корне неправильным. Непродуктивным это было в том смысле, что порочило дело террористов левого толка как истинно «революционного авангарда» — используя насилие для привлечения внимания к себе и своим требованиям, а также для того, чтобы рассказать общественности о том, что они считали несправедливым в демократическом капиталистическом государстве. Это было неправильно уже потому, что невинные граждане не должны становиться жертвами терактов, направленных против государственного режима, какими бы благородными ни были намерения террористов.

По этой же причине террористы левого толка всегда ограниченно применяли насилие. Их крестовый поход за социальной справедливостью обычно был направлен против правительственных и коммерческих институтов либо против отдельных лиц, которые, по их мнению, олицетворяли капиталистическую эксплуатацию труда и социальные репрессии. Поэтому такие террористы всегда действовали осторожно, чтобы не отвратить от себя потенциальных сторонников или возможную аудиторию. В соответствии с этой установкой, насилие, творимое группами левого толка, всегда высокодифференцировано, избирательно и ограничено. Отдельные лица, вроде состоятельных предпринимателей, таких, как Ганс Мартин Шлейер (похищенный и позже убитый Фракцией Красной армии в 1977 году), или горячих сторонников парламентаризма, таких, как Альдо Моро (также похищенный и убитый Красными бригадами), являясь средоточием идеологической враждебности террористов, были тщательно отобраны в качестве мишеней из-за присущей им «символической» значимости. «Вы знаете, что мы похищали не человека по имени Моро, а скорее его значение», — пояснил Марио Моретти, лидер римской колонны Красных бригад, который и спланировал всю операцию. Для Моретти Моро прежде всего являлся символом власти: бывший премьер-министр и лидер правящей Христианской демократической партии, политический заправил и автор будущего исторического соглашения с Итальянской коммунистической партией, которое в корне изменит политический ландшафт страны и еще больше обособит Красные бригады. В глазах террористов он был «верховным держателем

власти в Италии» за последние 20 лет, человеком, которого Моретти назвал «демиургом буржуазной власти». Похитив столь влиятельного лидера, человека, олицетворявшего власть, Красные бригады хотели оживить организации левого толка Италии и таким образом решительно изменить политическую ситуацию в свою пользу.

Даже тогда, когда применяется менее избирательная тактика, такая, как случайным образом расположенные бомбы, насилие также носит символический характер. То есть при том, что ущерб и разрушения реальны, главной целью террористов является не уничтожение собственности или материальных ценностей, но драматизация ситуации или привлечение внимания к политическим требованиям. Процесс принятия решений в левой террористической группе, возможно, наиболее наглядно отражен в описании планирования теракта, устроенного в 1969 году группой, известной под названием «Тупарамос Западного Берлина»[100] (предшественник «Движения 2 июня» и первоначальной Фракции Красной армии), сделанном Бауманом. Он и его сподвижники планировали организовать операцию, которая одновременно привлечет внимание к ним и их требованиям, донесет до общественности жалобы палестинского народа и продемонстрирует солидарность террористов левого толка Западного Берлина с борьбой палестинцев. «Мы сочли, что такое событие никто не сможет проигнорировать. Оно будет у всех на устах, и все новости будут только об этом, — вспоминает Бауман. — И мы нашли верный способ — взорвать Центр еврейской общины, да еще в годовщину "Ночи битых стекол"[101] времен Третьего рейха. Хотя бомба и не взорвалась, рассказ об этом облетел весь мир». Нанеся удар в этот конкретный день и направив его на конкретную мишень, тем самым подчеркнув глубокое и очевидное символическое значение, группа хотела провести параллель между притеснением палестинцев Израилем и гонениями на евреев, устроенными нацистами.

Использование террористами левого толка «вооруженной пропаганды» (то есть актов насилия с ясным символическим содержанием) являлось важным элементом в их оперативных расчетах. Это был также главный способ, посредством которого эти организации «воспитывали» массы, считая себя «революционным авангардом». Первое официальное «стратегическое решение» Красных бригад, к примеру, делало акцент именно на этот момент. «Вопрос не в том, чтобы организовать вооруженное сопротивление внутри классового движения, — утверждал документ 1975 года, — но в защите интересов вооруженного сопротивления и политического осознания его исторической необходимости внутри классового движения». Упрощенное объяснение этой стратегии было позже предложено Патрицио Пеци, лидером туринской колонны: «Каким бы безумным ни казался этот план, но в двух словах его можно описать так: первая фаза — вооруженная пропаганда... вторая фаза — то же самое, только с вооруженной поддержкой, третья фаза — гражданская война и победа. По сути мы были зародышем, скелетом будущего, <...> правящим классом завтрашнего дня в коммунистическом обществе». Фракция Красной армии провела схожие параллели в толковании взаимоотношений между террористическим авангардом и «народом». «Первоначальная концепция организации предполагала наличие взаимодействия между городскими партизанами и работой на базе, — пояснял документ, озаглавленный «О концепции городского партизанского движения». — Нам хотелось, чтобы каждый из нас работал в своем районе и на фабриках, в социалистических группах, которые уже существуют, влияя на ход обсуждения, набирался опыта и учился. Это оказалось невозможным... Некоторые люди утверждают, что возможности агитации и пропаганды и объединения еще не исчерпаны, и лишь тогда, когда это случится, мы поставим вопрос о применении оружия. Мы заявляем: невозможно будет получить какую-либо выгоду от политических действий, до тех пор пока вооруженное сопротивление не станет четко выраженной целью политизации».

Такой подход не слишком отличен от того, что практикуют этнонациональные/сепаратистские группы. Эти террористические движения также считают себя если не революционным авангардом в классическом понимании марксизма-ленинизма, то по крайней мере передовыми частями движения, использующими насилие для «воспитания» членов своей национальной или этнической группы, давая им представление о неравенстве, навязанном им правящими силами, и необходимости общинного сопротивления и бунта. Как прямо заявил в интервью баскский националист: «ЭТА стоит в авангарде нашей революции». Таким образом, ЭТА, как и все этнонациональные/сепаратистские группы, использует демонстративно символические акты насилия для приобретения известности и поддержки своих действий, подчеркивая беспомощность правительства в противостоянии их националистическим выступлениям и тем самым унижая и склоняя правительство к принятию требования группы — национальной независимости басков. Однако целевой аудиторией является не только местное население, но зачастую и мировое сообщество. Террористы осознают необходимость жестко контролировать и фокусировать свои операции, так чтобы обеспечить длительную поддержку со стороны местной «аудитории» и

получить симпатии мирового сообщества. По сути, это означает, что их насилие всегда будет восприниматься как целенаправленное и намеренное, непрерывное и вездесущее. Сам Джерри Адаме высказал именно такую точку зрения в статье, написанной им в 1976 году в ознаменование 60-летней годовщины Пасхального восстания, 1916 года[102]. «Правильно это или нет, но я являюсь волонтером Ирландской республиканской армии, — пояснил Адаме, — и мой образ действий — это способ добиться такого положения дел, при котором народ моей страны будет процветать... Курс, который я избрал, подразумевает применение физической силы, но лишь ради достижения того порядка, который сделает жизнь моего народа лучше, и только в этом случае мой образ действий может быть оправдан в глазах всего мира».

Как подчеркнул Дэвид Маккитрик, опытный корреспондент, работавший в Северной Ирландии, «в своих усилиях создать политический аппарат в обеих частях Ирландии шинфейнеры всегда старались представить насилие, творимое Ирландской республиканской армией, как постоянное и тщательно организованное применение силы».

Успешным этнонациональным/сепаратистским террористическим организациям удается определить эффективный уровень насилия, который будет одновременно «терпимым» для местного населения, допустимым в глазах международного сообщества и достаточно дозированным, чтобы не спровоцировать жесткие ответные меры со стороны правительства. Ирландская республиканская армия продемонстрировала грамотную синхронизацию тактики и стратегии. С середины 1980-х годов, по словам Патрика Бишопа и Эймона Малли, военное командование организации ясно осознавало, что «республиканская стратегия требовала некоторого уровня насилия — достаточного для нарушения частной и общественной жизни Севера и обеспечения правильного применения военной силы». Зачастую это приводило к выбору в качестве жертв для атаки служащих сил безопасности (обычных полицейских и солдат) вместо заклятых врагов этой террористической группы из соперничающего сообщества. Это характерно и для Северной Ирландии, где менее 20% жертв Ирландской республиканской армии с 1969 по 1993 год были гражданскими лицами, исповедовавшими протестантизм, и для Испании, где более 60% погибших от действий баскской ЭТА — сотрудники испанских сил безопасности.

Безусловно, «предатели», информаторы и прочие коллаборационисты среди собственных сторонников также становятся мишенями террористов. Но в таком случае террористическая группа должна действовать осторожно, дабы достичь равновесия между благотворными, пусть даже единичными, «уроками», которые должны эффективно запугивать и принуждать к сотрудничеству членов своего сообщества, и более частыми, жестокими действиями, вызывающими отчуждение народа, побуждающими его к сотрудничеству с властями и таким образом оборачивающимися неудачей. Кроме того, высокопоставленные государственные чиновники и командиры сил безопасности также подвергаются нападению, когда политические условия становятся подходящими и представляется такая возможность. Однако принимая во внимание сочетание неопределенных — и, возможно, нежелательных — последствий политического и силового характера, трудностей с получением доступа к столь важным персонам и значительные усилия, требующиеся для подобных операций, их зачастую заменяют более продуктивными, правда куда менее зрелищными, операциями, которые к тому же соответствуют представлениям террористов о том, что можно считать допустимыми и приемлемыми мишенями, какими бы гнусными ни казались эти теракты всей мировой общественности.

Террористическая кампания подобна акуле в воде: она должна двигаться вперед, неважно с какой скоростью, чтобы не погибнуть. Следовательно, когда более «привычные» мишени не дают террористической кампании потребного импульса или когда другие, возможно, никак не связанные с террористами события своей значимостью затмевают террористов и их борьбу в глазах общественности, это вынуждает террористов прибегнуть к более жестоким и драматическим акциям, чтобы снова вернуть внимание к себе. Однако было бы ошибкой считать эти акты насилия случайными или бессмысленными, будь то взрыв в местах большого скопления народа или захват пассажирских авиалайнеров. К примеру, как было рассказано в главе 3, после неудачи палестинцев в проведении террористической кампании против Израиля на оккупированном Западном берегу и в секторе Газа после Шестидневной войны 1967 года Народный фронт освобождения Палестины стал захватывать пассажирские самолеты международных авиакомпаний. Целью этих операций было не беспричинное убийство невинных граждан (в отличие от многих последующих терактов в сфере гражданской авиации), но использование пассажиров в качестве пешек в погоне за известностью и получением признания от соответствующих правительств. Вот как пояснила ситуацию одна из наиболее известных

террористок Лейла Халед: «Слушайте, у меня приказ захватить самолет, а не взорвать его... Я думаю о людях. Если бы я хотела просто взорвать самолет, меня бы ничто от этого не удержало».

Даже когда действия террористов не являются столь продуманными или разборчивыми и когда их целью является убийство мирных граждан, мишень все равно считается «оправданной», так как олицетворяет конкретного врага террористов. И хотя теракты имеют количественные различия в смертности или материальном ущербе, они качественно идентичны друг другу в том, что мишенью избирается конкретный «враг». Рассматриваемая позиция зачастую принимается сторонниками террористов и временами находит понимание даже у международного сообщества. Известность, полученная палестинцами после резни, устроенной во время мюнхенских Олимпийских игр в 1972 году, наиболее явное тому подтверждение. Горькое послание, оставленное командой террористов, затронуло нужные струны сочувствия: «Мы не убийцы и не бандиты, — гласило письмо. — Мы — гонимый народ, не имеющий ни земли, ни родины. <...> Мы не выступаем против людей, но почему наше место на земле должно принадлежать оккупантам, <...> почему весь мир наслаждается жизнью, когда мы страдаем, и почему вы глухи к нашим мольбам?» По словам члена Народного фронта освобождения Палестины Бассама Абу Шарифа, «чтобы насилие начало приносить свои плоды и привело нас к нашей цели, оно не должно применяться без надлежащей политической базы и замысла». Тогда как логика подобного высказывания является в известной степени искусственной, тем не менее существует ясное понимание того, что насилие имеет свои пределы и что если его правильно применять, то оно может с лихвой окупиться. Другими словами, уровень насилия должен быть ограничен теми рамками, которые приемлет «целевая аудитория» террористов.

Однако террористическая деятельность, как и сражения в обычной войне, трудно поддается ограничениям и контролю, когда ей уже положено начало, и зачастую она приводит к трагедиям среди гражданских лиц, непреднамеренно оказавшихся замешанными в конфликте. Один хорошо известный пример — взрывы, устроенные в городе Эннискилен, Северная Ирландия, в ноябре 1987 года, явившиеся причиной гибели 11 человек, присутствовавших на памятной церемонии, и ранения еще 63-х. Ирландская республиканская армия немедленно охарактеризовала этот инцидент как несчастный случай, ставший результатом «катастрофических последствий» операции против британских вооруженных сил, прошедшей неудачно. В этой связи высказывалось мнение, что была совершена некая прискорбная ошибка, хотя и завуалированная оправданиями. Эймон Коллинз, бывший террорист из Ирландской республиканской армии, описал реакцию этой организации на очередной неудачный теракт, который также случайно привел к гибели невинных граждан несколько лет спустя:

«Ирландская республиканская армия, невзирая на публичное безразличие к порицаниям в адрес своих действий со стороны церкви и членов католической общины, пыталась действовать так, чтобы избежать сильного неодобрения внутри националистического блока; бойцам было известно, что они действуют внутри сложной системы неформальных ограничений, менее влиятельными из-за того, что о них все умалчивают».

Баскская ЭТА мало чем отличается в этом отношении: попеременно то угрожая, то сожалея о своих действиях в официальных сообщениях, ее члены стремятся избавиться себя от ответственности за творимое насилие и одновременно получить похвалу за самоанализ и самокритику. «Мы берем на себя ответственность за неудавшийся теракт против сотрудника испанской полиции, — говорится в одном из них, — когда под кузовом его автомобиля было закреплено взрывное устройство. Мы глубоко сожалеем о непреднамеренных травмах, полученных его соседом <...> и желаем ему скорого выздоровления».

Действия террористов правого толка всегда считались наименее дифференцированным и самым бессмысленным типом современного политического насилия. Они получили такую репутацию по большей части из-за кажущегося бессмысленным «уличного насилия» и незамысловатых операций, жертвами которых в последние годы становились иммигранты, беженцы, иностранные рабочие и прочие иностранные граждане, приезжающие в европейские страны, в особенности в Восточную Германию и другие страны бывшего социалистического блока, а также из-за непродолжительной серии взрывов, потрясшей Западную Европу в начале 1980-х. Если действия террористов правого толка порой кажутся бессистемными и спонтанными, их цели вряд ли можно назвать неясными. По сути, их очевидной целью является уничтожение либерально-демократического строя, чтобы расчистить путь для возрождающегося национал-социалистического (нацистского) или фашистского движения. Но в какой мере это является всего лишь оправданием для собственного удовольствия, получаемого от потасовок и взрывов,

самолюбования и выставления напоказ нацистских регалий 1940-х годов, трудно сказать, учитывая тот факт, что большинство групп правого толка не выдвигают каких-либо политических программ или требований реформ, предпочитая прятаться за неясными лозунгами крайнего национализма, необходимости расовой чистоты и укрепления власти правительства. В итоге тем, кого рефлексивно критикуют за его слабые стороны, является демократическое государство — преимущественно за политику либерального соцобеспечения и терпимость в отношении различных мнений — наряду с разрешением работать в стране темнокожим иммигрантам и ситуацией, когда влиятельные должности занимают евреи и представители других национальных меньшинств. Террористы правого толка считают, что выживание нации зависит от изгнания этих элементов из ее среды обитания; лишь став однородным в отношении политики, расовой принадлежности и культуры, государство может возродить былую мощь и снова начать работать на благо своих истинных граждан, а не на пестрое сборище чужаков и паразитов, лишаящих нацию ее силы и величия.

Следует отметить, что, тогда как европейские группы имеют между собой много общего (расизм, антисемитизм, ксенофобия и ненависть по отношению к либеральному правительству), с американскими экстремистами они в корне различаются в механизмах легитимизации и оправдания. В то время как большинство американских террористических групп можно отнести к категории религиозных — а не только к группам правого толка — из-за ключевой роли, которую играют в оправдании и обосновании творимого ими насилия литургия, божественный промысел и церковные санкции, основы европейских групп правого толка можно назвать откровенно светскими, не имеющими ни теологических императивов, ни значительного влияния духовных лиц. Неясно очерченные аморфные контуры политической философии ультраправых сил в современной Европе можно выразить в припеве популярной песни британской музыкальной расистской группы под названием «Белый шум»[103]: «Две пинты пива и упаковка чипсов. Цветные, вон! Белая сила!» или в популярной песне, сочиненной Готфридом Кюсселем, фюрером австрийской неонацистской организации[104]: «Видишь его нос? Ты знаешь, что это за нос? Не знаешь? Он уродливый и кривой? Тогда ударь его в лицо. Ведь он еврей, проклятый еврей, кровосос на теле европейской расы». В сравнении с этой идеологией безумные и бредовые миллениаристские учения американских белых патриотов-христиан кажутся глубокими теологическими научными трудами.

Возможно, именно по этой причине европейский терроризм правого толка редко выходит за рамки уличных потасовок или «коктейлей Молотова», кинутых в лагерь беженцев или общежитие работников-иностранцев (хотя, конечно, подобные незрелые акты насилия имеют то же трагическое свойство причинять увечья и нести смерть, что и более сложные террористические операции). Тем не менее было бы ошибкой считать насилие, творимое террористами правого толка, исключительно беспорядочным и нерациональным. Правда, было несколько происшествий, когда неонацисты пытались реализовать более амбициозные операции, которые потрясли всю Европу. К примеру, в августе 1980 года мощный взрыв на переполненном железнодорожном вокзале в городе Болонья, Италия, в разгар летних отпусков унес жизни 84 человек (и еще 180 получили ранения), причем на тот момент он оказался вторым, по числу погибших, терактом в мире. Первым оставался организованный «Иргуном» теракт в отеле «Царь Давид», унесший одновременно жизни 91 человека. Когда месяц спустя за ним последовал второй взрыв, произошедший на популярном мюнхенском фестивале Октоберфест[105], который привел к гибели 14 и ранению еще 215 человек, появились опасения нового натиска террористов, более губительного и беспорядочного, чем атаки любой европейской террористической организации левого толка или этнонациональной/сепаратистской группы на континенте. Однако этим опасениям не суждено было сбыться. Наоборот, модель действий правых террористов в Европе оставалась по большей части неизменной с 1970-х: это были единичные теракты, хотя и направленные на конкретные типы мишеней — в основном лагеря беженцев и места проживания иностранных рабочих, дома анархистов и комитеты политических партий, арабских и африканских иммигрантов на улицах, а также собственность или предприятия, принадлежащие евреям.

Какими бы незрелыми, относительно незамысловатыми и интеллектуально обделенными ни казались представители этой категории терроризма, все же, как и прочие формы терроризма, насилие, творимое правыми террористами, не базируется на некоей патологической склонности к убийству и потасовкам, но, скорее, на хорошо продуманной политике запугивания общественности, дабы та поддержала требования или действия террористов. Правые террористы считают себя если и не революционным авангардом, то по крайней мере катализатором событий, которые неминуемо приведут к авторитарной форме правления государством. Таким образом, как и прочие террористические движения, они также приспособливают насилие для привлечения

потенциальных сторонников — будь то такие же националисты-экстремисты, непримиримые расисты или ксенофобы, реакционные консерваторы или воинствующие антикоммунисты — и, за исключением ряда заметных, но изолированных крупных акций, стремятся сдерживать насилие в рамках, приемлемых для правительства, так чтобы не вызвать масштабных контрмер против самих террористов.

Более того, феномен, сознательного заимствования приемов террористами друг у друга, о котором было рассказано в главе 2, замечен и у некоторых немецких террористических групп правого толка. Это предполагает стремление к более планомерному и последовательному насилию, чем до этого, повышая возможность возникновения более серьезной угрозы в будущем. Еще в 1981 году Манфред Редер[106], бывший некоторое время главным неонацистом Германии, предложил подражать тактикам и системе выбора мишеней, практикуемых левыми террористами, в надежде обеспечить движение более четкой и достижимой целью. Однако на правых воздействует и иной фактор: зависть к вниманию, статусу и тактическим победам левых террористов из таких групп, как Фракция Красной армии, наряду с осознанием того, что беспорядочные теракты не приведут к осуществлению замыслов неонацистов. «Фракция Красной армии привнесла терроризм в современную Европу, — вспоминал позже Инго Хассельбах, один из преемников Редера, — и хотя наши идеологии были противоположны, мы уважали их за фанатичность и сноровку». Хассельбах предлагал своему Kameradschaft (нацистскому «братству»), прежде чем разочарование заставило его порвать с движением, которое он ранее поддерживал с большим энтузиазмом, провести жесткую дифференцированную террористическую кампанию, такую, как проводила Фракция Красной армии. Как и основатели группы Баадер — Майнхоф двадцать лет назад, Хассельбах также считал, что неонацистская берлинская организация «Национальная альтернатива» не смогла достичь своих политических целей, так как пыталась действовать как законная политическая партия. В соответствии с этим наблюдением он хотел создать из группы террористическую организацию по модели Фракции Красной армии и разработал замысел, предусматривающий убийство видных деятелей еврейской национальности, а также коммунистов и ведущих политиков. «Мы желали возвести неонацистский терроризм на уровень, присущий радикально настроенным левым террористам, — позже объяснил Хассельбах, — ударив по мишеням, которые будут иметь большую важность и являться менее доступными, мишеням, уничтожение которых нанесет серьезный ущерб демократической Германии, внедряя во всеобщее сознание наше расистское послание. Были, к примеру, разговоры об убийстве Грегора Гизи[107], главы реформированной Коммунистической партии — Партии демократического социализма; к тому же он являлся наиболее видным деятелем еврейской национальности в ФРГ. Он был не только видным политиком, но и политическим представителем бывшей системы ГДР. Мы также рассматривали вариант убийства Игнаца Бубиса[108], нового главы еврейского сообщества, а также некоторых политиков из Бонна, включая министра внутренних дел и самого канцлера».

Как и прочие террористические организации, более сложно организованные группы правого толка также выбирают мишени, уничтожение которых поспособствует продвижению их дела. Совершаемые ими теракты являются такими же просчитанными, как и теракты левых террористических организаций, которым первые пытаются подражать. Известность и внимание также являются для них целями первостепенной важности; но в то же время они признают, что лишь тогда, когда степень насилия хорошо просчитана и по крайней мере хоть в каком-то смысле (хотя и индивидуальном) поддается регулированию, они смогут достичь желаемого эффекта и своих политических целей. Как сказал один из террористов Ирландской республиканской армии: «Мы же не убиваем людей просто потому, что хотим убивать». Однако с религиозными террористическими движениями, о которых говорилось в главе 4, дело обстоит иначе. Для них насилие также играет роль инструмента для достижения своих целей, но в отличие от обычных террористических групп насилие рассматривается ими и как конечная цель — божественный долг, исполняемый по каким-либо сакральным требованиям или императивам. Опрос ливанских шиитских террористов в 1990 году, к примеру, выявил, что никто из опрошенных не был заинтересован во влиянии на настоящих или мнимых сторонников или общественное мнение: их единственной целью было служение Богу посредством исполнения возложенной на них божественной миссии. Следовательно, для религиозных террористов существует куда меньше ограничений, сдерживающих творимое ими насилие, а категория мишеней/врагов является куда более широкой. Лидер египетской террористической ячейки, к примеру, не выказал никакого сожаления, когда ему сообщили о том, что в ходе теракта, целью которого должны были стать израильские евреи, приехавшие в страну, погибли девять немецких туристов. Его прямой ответ был следующим: «Неверные все равны». И в самом деле, как тогда объяснить безумные планы американских белых патриотов-христиан? Или беспричинные и неоднократные попытки секты

«Аум» применить химические боевые отравляющие вещества в густонаселенных городских районах? Или чудовищные намерения террористов, замысливших подрыв мечети Омара на Храмовой горе в Израиле? Готовность религиозных террористов совершать столь масштабные акты насилия является прямым следствием того факта, что в отличие от обычных террористов они не ищут поддержки со стороны «целевой» аудитории или властей, а лишь одобрения своего божества или религиозных деятелей и, следовательно, не имеют необходимости регулировать или контролировать творимое ими насилие.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

Однако у террористических групп есть одна общая черта: они живут будущим, живут ради отдаленного — но все же неощутимо близкого — момента во времени, когда они несомненно одержат победу над врагами и добьются свершения своего политического предназначения. Для религиозных групп это будущее обещано божественными силами, а сами террористы помазаны Богом, чтобы приблизить его. Неизбежность их победы принимается как должное, что видно из официального сообщения 1996 года, сделанного египетской организацией «Гамат Аль-Исламия» («Исламские группы»). Ссылаясь на Коран, сообщение резко отрицает даже вероятность того, что их светских оппонентов ждет успех. «Они строят планы, но и у Бога есть свой план, — говорится в сообщении, — и Он — главный планировщик». Следовательно, группа должна преданно и непоколебимо «вести свою битву <...> до тех пор, пока Господь не подарит им победу — в точности так, как пророк Магомет поступил с курейшитами (его самыми непримиримыми врагами) до тех пор, пока Бог не даровал ему победу над Меккой».

Для нерелигиозных террористов окончательная победа также является неизбежной и предопределенной.

Сама правота их дела является для них залогом успеха. «Наша борьба будет долгой и тяжелой, так как наш враг могуществен, хорошо организован и имеет поддержку зарубежных стран, — писала Лейла Халед в своей автобиографии, опубликованной в 1973 году. — Мы победим, потому что олицетворяем собой будущее <...> потому что человеческий род на нашей стороне и, помимо прочего, потому что мы полны решимости одержать победу». Имея меньшую численность, будучи ограниченными в возможностях, изолированными от общества и выглядя крошечными по сравнению с обширными ресурсами врага и широтой своей задачи, нерелигиозные террористические группы вынуждены действовать в замкнутой реальности, где действительность определяется желаемым будущим, а не деспотическим, управляемым страхом и несовершенным настоящим. «Убеждаешь себя, что для достижения Утопии необходимо пройти через разрушение всего общества, которое мешает воплощению твоих идей», — вспоминала позже Адрианна Фаранда. Игнорируя настоящее и «не сдаваясь», несмотря на трудности и неблагоприятную обстановку, террористы способны компенсировать этим свою унижительную слабость и таким образом преодолевать временную апатию или враждебность групп, которые они представляют. «Мы произвели расчеты, — рассказывает в своих мемуарах Патрицио Пеци, товарищ по оружию Фаранды. — Самые пессимистичные прогнозы давали 20 лет до окончания войны, по некоторым выходило 5, 10. Однако все мы думали, что переживаем самый трудный период и что со временем все станет намного проще». Таким образом, террористы левого толка утешали себя, что мучения и жизнь в изоляции подполья всего лишь переходная стадия на пути к окончательной победе.

Однако жизнеспособность большинства современных террористических групп предполагает обратное. Рапопорт, к примеру, считает, что продолжительность жизни по крайней мере 90% террористических организаций составляет не более года, а также что около половины тех, кто продержался более этого срока, прекратили существование в течение десяти лет. Таким образом, громкие оптимистичные призывы к борьбе, публикуемые террористическими группами по всему миру в официальных сообщениях, трактатах и прочем пропагандистском материале, явились не более чем пустым звуком, учитывая, сколь короткими являются жизненные циклы этих организаций. «Никогда не пасуй перед гигантским размахом собственных целей», — гласило официальное сообщение французской террористической группы левого толка «Аксьон директ» 1985 года. Тем не менее два года спустя группа была обезврежена в результате ареста всего ее командования и вскоре впадала в полнейшее бездействие, Сходным образом в 1978 году лидер Красных бригад Ренато Курио похвалялся борьбой своей группы, которая, по его представлениям, будет идти сорок лет. Однако спустя десятилетие даже эта террористическая организация — одно время считавшаяся наиболее значительной в Европе — рухнула под натиском арестов и предательства.

Некоторые категории террористических групп имели предположительно более высокие шансы на выживание и возможный успех, чем другие. В современную эпоху самую большую жизнеспособность и успешность продемонстрировали этнонациональные/сепаратистские террористические группы, хотя религиозные движения, такие, как ассасины, просуществовали более двух столетий, а религиозная секта тагов продолжала действовать на протяжении шести сотен лет. К примеру, «Альфата», палестинская террористическая организация, возглавляемая Ясиром Арафатом, была основана в 1957 году. Баскская террористическая группа ЭТА была создана в 1959 году, тогда как возраст современного воплощения Ирландской республиканской армии, формально известного как Временная ирландская республиканская армия, составляет приблизительно 30 лет. Сама она является преемницей старой Официальной ирландской республиканской армии, основанной более века назад, которая, в свою очередь, восходит к различным фенианским революционным братствам, периодически возникавшим из тени после восстания Вольфа Тона в 1789 году[109]. Однако за исключением послевоенной эпохи массовой деколонизации успех для этнонациональных террористических организаций редко означал непосредственную реализацию заявленных ими долгосрочных планов самоопределения или государственности. Чаще всего это был ряд ключевых тактических побед, которые поддерживали длительную борьбу и вдыхали новую жизнь в слабые — а иногда и клонящиеся к закату — террористические движения.

Устойчивость этих групп, без сомнения, явилась следствием относительной легкости, с которой им удавалось получить поддержку и помощь со стороны заинтересованных лиц — по большей части членов своей этнонациональной группы. К сравнению, террористические организации как левого, так и правого толка должны активно привлекать на свою сторону политически грамотных и радикально настроенных лиц, хотя и зачастую безо всяких обязательств, дабы получить новые кадры и поддержку, и таким образом делая себя уязвимыми для вторжения и компрометации. Этнонационалисты извлекли еще одно преимущество из своей исторической жизнеспособности, сумев связать свою деятельность с общей революционной традицией, а порой и с предрасположенностью к бунтарству. Это обеспечивает последующие поколения террористов как стабильным потоком новобранцев из молодых представителей своего сообщества, так и готовым кругом сторонников и приверженцев среди пожилого контингента, испытывающего ностальгию. Уникальная способность подобных групп пополнять свои ряды из замкнутых, сплоченных сообществ означает, что даже тогда, когда их длительная кампания покажет признаки увядания, ее флаг постепенно перейдет в руки нового поколения. Следовательно, Абу Ияд, начальник разведслужбы Арафата, может забыть о тупиках и окольных путях, которые длительное время мешали развитию палестинского освободительного движения. «Наш народ свершит новую революцию, — написал он через двадцать лет после создания ООП. — Они создадут движение более могущественное, чем наше, хорошо вооруженное и куда более опасное для сионистов.

<...> Однажды страна станет нашей». Однако относительный успех этнонационалистов может быть вызван также ясностью и осязаемостью видимого ими будущего — основания (или возврата) национальной родины внутри уже существующей страны. Четкость подобной конкретной и понятной цели является куда более мощным и убедительным призывом. Она также заставляет неизбежную победу казаться и осязаемой и легко достижимой, даже если путь к ней долг и извилист. Мало кто сомневался в искренности клятвы, данной Мартином Макгинессом в 1977 году в том, что Ирландская республиканская армия будет «продолжать борьбу до тех пор, пока британцы не уйдут», или заявления Дэнни Моррисона, сделанного им 12 лет спустя о том, что, «когда британцам станет накладно с политической точки зрения оставаться в Ирландии, они уйдут... этого не случится до тех пор, пока не погибнет большое количество британских солдат, а именно этого мы и добиваемся».

Положение террористических движений левого толка, в сравнении, кажется вдвойне невыгодным. Им не только недостает достаточного круга потенциальных новобранцев, доступного большинству этнонациональных групп, но также более четких и определенных взглядов на будущее. Ведь в сравнении с прочими террористическими организациями представляемое ими будущее является самым туманным и неясным. Какими бы изощренными и богатыми ни были критические инвективы в отношении недостатков милитаристских, капиталистических государств, они не дают почти никакой информации о том, что, придет на смену старому режиму. «Это самый сложный вопрос для революционеров, — ответил Козо Окамото, единственный оставшийся в живых из трех членов команды Японской Красной армии, причастной к гибели людей в аэропорту Лод в 1972 году, на вопрос о постреволюционном обществе, которое они стремятся создать. — Мы и сами хотели бы знать, на что это будет похоже». Гудрун Энслин из Фракции Красной армии подобным же образом отбросила все вопросы о долгосрочных целях группы. «Что касается

государства будущего, того, что возникнет после победы, — однажды заявила она, — это уже не наша забота, <...> мы создаем революцию, а не социалистическую модель». Подобная неспособность связно и убедительно высказать свои соображения относительно будущего делает понятной причину, по которой террористические кампании левых организаций исторически показали себя самыми неэффективными.

Даже тогда, когда левые террористы пытались выработать четкое представление о будущем, их усилия редко порождали что-либо более вразумительное и поучительное, чем многословные изыскания, являющиеся выдержками и интерпретациями из учения марксизма. «Мы применили марксистскую систему анализа и методику к современной ситуации — не перенесли, а именно применили», — писала Энслин в собрании высказываний Фракции Красной армии, изданном группой в 1977 году (и позже запрещенном к публикации немецким правительством). Последующих разъяснений относительно желаемой цели получено не было, за исключением веры в то, что марксизм будет считаться устаревшим к тому времени, когда свершится революция и «капиталистическая система будет уничтожена». Чуть более внятно описала будущее член американской радикальной группировки Джейн Алперт, рассказавшая в мемуарах о своей вере и вере ее товарищей по оружию в то, что мир можно очистить от господства и подчинения, в то, что разум сам может быть очищен от деления на субъект и объект, что власти, движущей нациями, полами, расами, возрастами, отношениями животного мира и человека, индивида и группы, можно положить конец.

«Наша революция создаст вселенную, в которой сознание станет космическим, в которой каждый разделит великолепие, познанное нами через кислоту (ЛСД) и не запятнанное страхом, одержимостью, болью, голодом или нуждой в наркотиках для обретения счастья».

Тем не менее подобное видение является столь расплывчатым и идиллическим, что кажется полностью оторванным от реальности, возможно, из-за воздействия наркотических веществ, на его автора. Тот факт, что наркотики сыграли свою роль в формировании стратегии других террористических групп левого толка, является довольно любопытным, хотя, возможно, и преувеличенным. Бауман, к примеру, также признает важность наркотиков в возможной революции. «Мы сказали, нужно внедрить наркотики в нашу практику, — вспоминает он, — никаких отдельных случаев, а тотальная унификация потребления, так, чтобы в итоге борьбы рождался новый человек». Следует отметить, что исследование, проведенное по заказу итальянских секретных служб в 1970-х годах, выявило, что правые террористы были более подвержены злоупотреблению и приему наркотиков, чем левые. Два итальянских психиатра, проводившие это исследование, объяснили это внутренней психологической нестабильностью правых в сравнении с итальянскими левыми террористами. «В террористических организациях правого толка, — писали доктор Франко Феракути и доктор Франческо Бруно, — отдельные террористы зачастую имеют психологические отклонения, а идеология всей группы является пустой; в левых группах идеология берет корни вне реальности, а террористы являются более здоровыми психически и проявляют больший фанатизм».

Однако было бы большой ошибкой считать террористические группы левого толка либо совершенно беспомощными и поверхностными, либо абсолютно лишенными склонности к самоанализу и серьезности намерений. Для них будущее является слишком обширным и абстрактным понятием, чтобы постичь его: вместо этого была найдена более полезная цель — действие, или террористические атаки, направленные на приближение революции. К примеру, Сьюзан Штерн, член американской террористической группы, существовавшей в 1970-х, «Метеорологи», рассказывала о динамическом конфликте между целями и действиями, который пронизывал группу и влиял на внутренние споры. «Когда мы уничтожим капитализм, кто будет убирать мусор и учить детей и кто будет это решать? — часто думала она и ее товарищи. — Будет ли миром править коммунизм? Будут ли его контролировать страны третьего мира? Погибнут ли все белые? Погибнут ли все сексуальные извращенцы? Кто будет заправлять тюрьмами? И будут ли тюрьмы? Бесчисленные вопросы, подобные этим, поднимались "Метеорологами", но ответов мы не нашли. И мы устали ждать, пока наконец все это поймем».

Трактат Фракции Красной армии под названием «О концепции городской партизанской войны» отражает то же чувство разочарования. В приведенной в нем цитате другого революционера, Элдриджа Кливера[110], лидера «Черных пантер», — афро-американской радикальной политической организации, действовавшей в 1960-х годах, говорится: «На протяжении многих веков и поколений мы имели возможность рассмотреть и исследовать проблему с разных сторон. Что касается меня, то я убежден, что большинство из того, что произошло в этой стране, не

нуждается более в анализе», — заявил Кливер. Фракция Красной армии осуществила то, о чем говорил Кливер, на практике.

Действия всех террористов управляются этим сильным нетерпением, наряду с непоколебимой верой в эффективность насилия. Будущее, к которому они стремятся, не является ни временным, ни производным естественной эволюции человечества: скорее, оно является запутанным и слепленным, выкованным и сформированным, и, наконец, определенным и достигнутым при помощи насилия. «Какой прок был от издания директив? — спрашивал Бегин, дабы пояснить возврат «Иргуна» к мятежу в 1944 году. — Какой прок от речей? <...> У нас не было иного выхода. Если бы мы не начали сражаться, то были бы уничтожены. Борьба была единственным путем к спасению. Когда Декарт сказал: "Я мыслю, следовательно, существую", он выразил весьма глубокую мысль. Но в истории человечества бывали моменты, когда одной лишь мыслью не докажешь существования мыслителя. <...> Бывает время, когда все внутри тебя кричит: твое самоуважение как человека заключается в противостоянии злу. Мы сражаемся и, значит, существуем!»

Тридцать лет спустя Лейла Халед также призывала к первенству дела над разговором и пуль над словами: «Мы должны действовать, а не просто высказывать и хранить в памяти доводы против сионизма», — советовала она. Подобным речам вторил и Йойес, террорист из ЭТА, потерявший веру в бесконечные обещания того, что «независимость можно получить и мирными средствами. Это все ложь. Единственный путь к свободе лежит через насилие». Вот что бывший неонацист Инго Хассельбах говорил о своем опыте: «Время законных действий и терпения прошло. Единственным выходом было превратить наше Kameradschaft в настоящую террористическую организацию».

Однако для некоторых террористов желание действовать привело к одержимости насилием. Абу Нидаль, к примеру, был одно время известен и почитаем за его «яростный и несгибаемый национализм», тогда как сегодня его презирают, считая немногим лучше обычного «рецидивиста и убийцы»[111]. Эймон Коллинз рассказал о переменах, произошедших с его двоюродным братом Мики, стрелком Ирландской республиканской армии, который, как позже осознал Коллинз, постепенно «утратил всякое чувство перспективы и всецело отдавался разработкам деталей очередного убийства». Андреаса Баадера можно отнести совсем к иному типу террористов. С самых первых кампаний, проводимых Фракцией Красной армии, он ни разу не отступил от убеждения, что единственным «языком террориста являются действия». Бауман, хорошо знакомый с Баадером, вспоминает основателя Фракции Красной армии как «помешанного на оружии человека, который позже развил почти интимные отношения с пистолетами (в особенности модели "Хеклер и Кох")». По словам самого Баадера, «трахаться и стрелять — одно и то же». Являясь, несомненно, человеком не слов, но действия, он предпочитал обсуждениям и дебатам то, что на жаргоне террористов называется «активными действиями», — ограбления банков, вандализм и поджог, взрывы и вооруженные нападения. «Ну давай!» — был немедленный ответ Баадера, когда его любовница и другой лидер группы Энслин предложили устроить взрывы на американской военной базе в ответ на минирование солдатами ВВС США бухты Хайфон в Северном Вьетнаме в 1972 году. Несмотря на то что он являлся главной фигурой в организации, призванной свершить глубокие политические реформы, у него совершенно не было времени на политику, которую он с насмешкой называл «кучей дерьма». Подход Баадера выражается одним лишь советом, который он дал неуверенному в своих действиях рекруту Фракции Красной армии. «Либо ты идешь с нами [присоединяешься к революции и сражаешься], — сказал он, — либо останешься навеки пустым болтуном».

Хотя, возможно, Баадер не совсем типичный пример данного явления, действие служит несомненной путеводной звездой для всех террористов — или даже более того, увлечением и пьянящим волнением, которое его сопровождает. Большая часть из 222 страниц воспоминаний Печи о своем прошлом в качестве члена Красных бригад, к примеру, посвящена описаниям в малейших деталях типов оружия (а также их технических характеристик), использованных в различных операциях группы, и тому, кто из членов группы производил стрельбу, а не разъяснению идеологических установок организации или ее политических целей. Бауман откровенно говорил о большом облегчении, которое операция принесла небольшой группе скрывающихся в подполье террористов, живущих в тесном соседстве друг с другом, постоянно скрывающихся от властей, опасаясь арестов и предательств. Настоящим напряжением было, по его словам, жить вместе в одной группе, а не планировать и исполнять теракты. Другие террористы, такие, как Штерн, Коллинз, Сильке Майер-Витт из Фракции Красной армии и Сюзанна Ронкони из Красных бригад, были более откровенны в описании «острых ощущений» и чувства

власти и успеха, которые они получали от творимого ими насилия. «Ничто в моей жизни не давало мне столько эмоций», — говорила Штерн, все больше втягиваясь в терроризм. Коллинз также вспоминал «бурные» шесть лет, проведенные в Ирландской республиканской армии, когда «каждый мой день был наполнен радостью от осознания того, что я принимаю участие в создании государства оранжистов». Для Майер-Витт опьяняющая привлекательность действия была достаточной для преодоления угрызений совести, которые она испытывала по поводу убийства четырех телохранителей Шлейера. «Порой я осознавала жестокость того, что мы сделали. <...> Но было и чувство восторга от того, что наконец что-то произошло. Началась настоящая борьба», — утешала она себя. Ронкони оказалась наиболее открытой и резкой в анализе психологии террористов. «Главным было то, что я чувствовала способность оказывать влияние на окружающий мир вместо того, чтобы быть пассивным наблюдателем, таким образом, сочетая внутреннюю восторженность и глубокую удовлетворенность. Именно возможность влиять на повседневную реальность имела значение, — пояснила она, — и до сих пор имеет».

Для террориста успех в оказании такого влияния зачастую измеряется степенью известности и полученного внимания. Газетные полосы и эфирное время являются, таким образом, валютой в царстве терроризма. Это единственный осязаемый и практический эффект, видимый террористами, коим можно измерить успех и оценить достижения. В этом отношении почти не различается хорошая или плохая «реклама»: удовлетворение от того, что действия были замечены, зачастую рассматривается как достаточная награда. «Единственный способ чего-либо достичь — потрясти мировую общественность до самых носков», — говорилось в официальном сообщении Японской Красной армии, в котором группа брала на себя ответственность за убийства в аэропорту Лод в 1972 году, когда погибли 26 человек (включая 16 пуэрториканских христиан, совершавших паломничество в Святую землю). Самый известный террорист Карлос Шакал, по некоторым сведениям, аккуратно вырезал и переводил газетные статьи, рассказывающие о нем и его деяниях. «Чем больше обо мне говорят, тем опаснее я им кажусь. Это мне на руку», — сказал однажды Карлос своему коллеге-террористу, позже отступившему от насилия, Гансу Иоахиму Кляйну. Сходным же образом, когда Рамзи Ахмед Юсеф, предполагаемый организатор взрывов в нью-йоркском Центре международной торговли, был задержан в Пакистане два года спустя, полиция обнаружила у него два взрывных устройства с дистанционным управлением наряду с подборкой газетных статей, описывающих произведенные им взрывы.

Однако для Карлоса и Юсефа, как и для многих террористов, равенство известности и внимания с успехом и самоудовлетворением замкнуло их в восходящую спираль насилия, призванную приковывать к ним внимание общественности и СМИ. Юсеф, к примеру, планировал вслед за взрывами в Центре международной торговли убийство Папы Римского Иоанна Павла II и премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто, а также почти одновременные взрывы на 11 американских пассажирских авиалайнерах. Кляйн считает подобную эскалацию «силой привычки» среди террористов, внутренним продуктом постоянной потребности в самоутверждении, которое, в свою очередь, оценивается вниманием СМИ. Все это приводит к тому, что в настоящее время террористы склонны организовывать все более эффективные и разрушительные теракты, чтобы достичь хотя бы того действия, который производил менее зрелищный или кровавый теракт в прошлом. По крайней мере, сами террористы считают, что СМИ и общественность становятся все более невосприимчивыми, привыкая к кажущейся бесконечной череде терактов. Таким образом, возникает необходимость в постоянном увеличении степени жестокости терактов, дабы поддержать интерес общественности и СМИ к той или иной группе. Как однажды заметил Кляйн, «чем больше растет уровень насилия, тем больше уважения проявляют к тебе люди. И тем выше становятся шансы достичь задуманного». Тимоти Маквей, осужденный за взрыв в Оклахома-Сити, предложил такое же объяснение этого явления своим ответом на вопрос адвоката о том, смог бы он достичь того же эффекта в привлечении внимания к своим обвинениям в адрес правительства США, не убивая людей. «Так мы не смогли бы донести нашу точку зрения, — ответил Маквей. — Чтобы заявить о себе, нужны были человеческие жертвы». Можно сказать, что, хотя взрывы в Мюрра-билдинг были, без сомнения, спланированы заблаговременно к важной символической дате — 19 апреля, выбранной Маквеем специально для этой цели, он тем не менее чувствовал необходимость сделать свой теракт более губительным и разрушительным, чем произошедший месяцем ранее теракт в токийском метро с применением нервно-паралитического газа, чтобы обеспечить своему теракту требуемые освещение в СМИ и внимание общественности.

Способность террористов привлекать — и, более того, удерживать — внимание основывается на успехе терактов. Террористы, которых считают самыми опасными, — это те люди, которым лучше всех удается превратить слова в действия: безжалостные и хорошо знающие свое дело, они показывают нам, что способны воплотить угрозы в жизнь и поддержать свои требования

насилием. Однако этот организационный императив к успеху, в свою очередь, делает некоторые террористические группы склонными к консерватизму в операциях, что составляет забавный контраст с их политическим радикализмом, и который требует придерживаться установленного образа действий, что, по их мнению, снижает возможность неудачи и повышает шансы на успех. «Главное — выбрать такие мишени, которые гарантируют стопроцентный успех», — говорил наиболее известный международный террорист современности Джордж Хабаш. Следовательно, для террориста сочетание правильной подготовки, грамотного планирования, хорошо налаженной схемы разведки и технологической компетенции является важным условием успешной операции. «Я учился быть полезным членом Ирландской республиканской армии, — вспоминал Коллинз о двухлетней подготовке и периоде ознакомления с деятельностью группы. — Я учился собирать разведданные, организовывать операции, избегать ошибок». Точно так же американский радикальный террорист левого толка, чье имя не было указано, который занимался организацией взрывов, рассказал в интервью 1970 года о самих процедурах и крайней осторожности, с которой группа планировала свои операции. «Первое решение, — по его словам, — политического характера, а именно выбор подходящей и доступной мишени. Как только принято решение относительно круга мишеней, проводится разведка и собирается информация о том, как приблизиться к мишени, куда заложить взрывное устройство, как обеспечить безопасность исполнителям и сохранность взрывчатых веществ. Затем выбирается время и конкретная мишень. Затем следовали предварительные репетиции — в нашем случае это были практические занятия. <...> Дисциплина во время самой операции не позволяла менять уже оговоренные планы или обсуждать действия до тех пор, пока всем в группе обеспечена безопасность. Конечная цель — это не просто одна успешная операция, а продолжительные действия».

Хорошо налаженная разведка является столь же важной для успеха операции, как и для безопасности террористов. Так, почти дарвиновский принцип естественного отбора оказывает воздействие на террористические организации, в соответствии с которым (как указано выше) каждая новая террористическая организация учится у своих предшественников, становясь опытной, тверже и неуловимее. Террористы также анализируют уроки, которые извлекают из ошибок своих товарищей — арестованных или убитых. Сообщения прессы, обвинительные акты, показания в зале суда и протоколы суда тщательно просматриваются на предмет информации о тактиках и методах борьбы правоохранительных сил, которая затем принимается во внимание оставшимися членами группы. Третье поколение Фракции Красной армии, которое появилось в конце 1980-х годов, является классическим примером подобного явления. По словам высокопоставленного немецкого чиновника, члены группы постоянно изучали «каждое судебное дело, направленное против них, чтобы выявить слабые стороны группы». Узнав на суде из свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов об их методах борьбы с террористами (в некоторых случаях наводящие вопросы об этом намеренно задавали благотворительно настроенные адвокаты), последние смогли впоследствии предпринять необходимые контрмеры, чтобы избежать обнаружения. К примеру, узнав о том, что немецкая полиция обычно снимала отпечатки пальцев с обратной стороны унитазных сидений или с внутренних поверхностей холодильников, оставшиеся на свободе члены Фракции Красной армии стали наносить на пальцы специальную мазь, которая после высыхания препятствует перенесению отпечатка пальца на поверхность и таким образом затрудняет установление личности. Представитель немецкого департамента федеральных расследований за несколько месяцев до появления одностороннего объявления о прекращении огня Фракцией Красной армии в апреле 1992 года высказал недовольство тем, что «третье поколение многое извлекло из ошибок своих предшественников — о работе полиции, <...> теперь они действуют более осторожно». По словам бывшего члена группы, Питера-Юргена Брока, отбывающего пожизненное наказание за убийство, до того, как объявить о прекращении огня, Фракция Красной армии «достигла максимальной эффективности».

Подобными похвалами награждались и современные поколения бойцов Ирландской республиканской армии. В конце срока пребывания на посту командующего британскими вооруженными силами в Северной Ирландии генерал сэра Джон Уилси охарактеризовал Ирландскую республиканскую армию как «самого грозного противника. Ее лидеры обладают исключительными качествами. Некоторые их операции являются выдающимися, если говорить о терроризме». К тому времени даже бывшие когда-то относительно неискушенными члены лоялистских террористических организаций усвоили уроки, извлеченные из ошибок прошлого, и умышленно имитировали Ирландскую республиканскую армию, чтобы выглядеть более «профессиональными» в плане устрашения. Один старший чиновник Королевской полиции Ольстера обратил внимание на подобные изменения в действиях лоялистских террористических организаций, подметив, что и они теперь все чаще «руководят операциями небольших ячеек,

привлекаемых к операции по мере необходимости. Они перешли от пустой болтовни к действиям. Они научились уничтожать улики. А если подвергнуть их допросу, то они не скажут ни слова».

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГОНКА

И, наконец, успех террористов зависит от их способности быть на шаг впереди как властей, так и технологии борьбы с терроризмом. Главный организационный императив террористической группы также побуждает ее искать новые способы преодоления, обхождения и одержания победы над государственными силами безопасности и прочими контртеррористическими организациями. Неослабевающее стремление Ирландской республиканской армии пробить брешь в обороне сил безопасности Северной Ирландии и подобраться к руководящим правительственным чиновникам Великобритании приводится в качестве примера профессиональной эволюции и возросшего организационного опыта террористических групп. Первые взрывные устройства, применяемые Ирландской республиканской армией в начале 1970-х, зачастую представляли собой просто контейнеры с кровельными гвоздями, обернутыми вокруг комка пластида и детонирующими от зажженного запала. Бомбы с таймером того же времени вряд ли являлись более сложными по конструкции. Обычно они состояли из нескольких брусков динамита и промышленных детонаторов, похищенных с мест строек или каменоломен, подсоединенных к обычным часам с будильником, работающим от батареек. Ни одно из этих устройств не было особо надежным и зачастую подвергало подрывника значительному риску. Процесс установки и поджога первого типа устройств включал вероятность того, что подрывник привлечет к себе ненужное внимание и у него останется мало времени для совершения теракта и последующего отступления. Хотя второй тип устройств и был разработан специально для того, чтобы уменьшить именно этот риск, его таймер и детонатор были столь недоработаны, что случайная и преждевременная детонация была нередка. Подобная оплошность приводила к гибели самих террористов, что в Белфасте назвали «голом в свои ворота». Около 120 членов Ирландской республиканской армии погибли подобным образом с 1969 года.

В надежде избежать или, по крайней мере, снизить подобный риск техники Ирландской республиканской армии придумали способ подрыва бомбы с безопасного расстояния при помощи пультов радиоуправления для игрушечных самолетов, купленных в магазинах. Ученые и инженеры, работающие в подразделении научных исследований и разработок Министерства обороны Великобритании в свою очередь разработали для армии систему радиоэлектронного подавления и глушения, которая эффективно препятствовала такому роду атак. Однако вместо того, чтобы отказаться от подобной тактики, Ирландская республиканская армия начала поиск решения. В отличие от лабораторий, оборудованных по последнему слову техники, огромных бюджетов и высококвалифицированных кадров, отдел исследований и разработок Ирландской республиканской армии усиленно трудился в подвалах домов за рубежом и подсобных помещениях арендуемых квартир в течение 5 лет, прежде чем завершить разработку системы сложных электронных переключателей для своих бомб, которые будут блокировать или игнорировать радиоэлектронные помехи, производимые армейскими электронными системами подавления сигнала. И снова ученые министерства вернулись в лаборатории, чтобы произвести на свет новую систему электронных сканеров, способных улавливать радиосигналы в тот момент, когда включается передатчик, и это всего за десятые доли секунды до того, как подрывник дает сигнал на детонацию. Этот бесконечно малый временной промежуток, который дает система «раннего оповещения» о возможной атаке, является достаточным для того, чтобы позволить армейским техникам задействовать ряд дополнительных электронных устройств для нейтрализации передаваемого сигнала и предотвращения детонации взрывного устройства.

Какое-то время это устройство было эффективным в борьбе с террористами. Но затем техники Ирландской республиканской армии придумали способ обойти даже такие контрмеры. Используя детекторы полицейских радаров, коими пользовались водители США целью избежать «ловушек для лихачей», в 1991 году группа разработала систему детонации, где сигнал посылался при помощи ручного радара, применяющегося полицией во всем мире для отслеживания водителей, превышающих скорость. Так как ручной радар можно направить на цель до его включения, а сигнал передается почти мгновенно, не существует никаких практических возможностей для обнаружения и блокирования передаваемого сигнала. Более того, вскоре после появления этого устройства подразделения исследования и разработки Ирландской республиканской армии изобрели еще один способ дистанционного управления детонацией, используя импульсную фотовспышку, которую можно активировать с расстояния 800 метров вспышкой света. Это устройство, стоимость которого составляет от 60 до 70 фунтов стерлингов, используется профессиональными фотографами для одновременного включения нескольких

фотовспышек в ходе съемки. Подрывники Ирландской республиканской армии соединяют устройство с детонационной системой взрывного устройства и затем активируют его при помощи обычной и легкодоступной для приобретения фотовспышки.

Поэтому неудивительно, что подрывники Ирландской республиканской армии известны своим новаторством, приспособляемостью и хитростью. «Там есть весьма одаренные люди, — отзывался об Ирландской республиканской армии руководитель отдела технического обеспечения британских вооруженных сил в Северной Ирландии. — Им можно дать высокую оценку за изобретательность. Взрывные устройства Ирландской республиканской армии изготовлены на совесть». Подобную же похвалу высказал штабной офицер 321-го специального отряда по уничтожению взрывчатых веществ и артиллерийских снарядов. «Мы имеем дело с высшей лигой, — сказал он. — Не думаю, что в мире найдется другая организация, члены которой столь же хитроумны, как в Ирландской республиканской армии. Они имеют 20 лет практики и многому научились из своего опыта. Мы высоко ценим их навыки как специалистов». Хотя и не такие успешные, как Ирландская республиканская армия, лоялистские террористические группы в провинции также находят на «кривой прогресса» в производстве взрывных устройств — по некоторым сведениям, они становятся все более опытными в производстве, хранении, перевозке и тайном размещении бомб.

При определенных обстоятельствах даже те теракты, которые не увенчались успехом в общепринятом военном смысле, могут считаться успешными для террористов при условии, что в технологическом плане они достаточно дерзки, чтобы привлечь внимание общественности и СМИ. Хотя попытка Ирландской республиканской армии убить премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер на конференции партии консерваторов в Брайтоне в 1984 году окончилась неудачей, технологическая изобретательность террористов, разместивших взрывное устройство в зале, где должна была проводиться конференция, за несколько недель до ее открытия и снабдивших бомбу таймером с компьютерным микропроцессором, обеспечила террористам появление на первых полосах мировых печатных изданий и снабдила их платформой, с которой они предостерегли Маргарет Тэтчер и прочих британских лидеров: «Сегодня мы потерпели неудачу, но помните, нам достаточно всего одной удачной попытки, а вам придется уповать на удачу всегда». Сходным образом, хотя атака с применением миномета с дистанционным управлением, предпринятая на дом № 10 по Даунинг-стрит во время встречи Джона Мэйджора и его кабинета в разгар войны в Заливе в 1991 году, не смогла достичь желаемой цели, тем не менее имела большую долю успеха — она полностью вытеснила войну с экранов и страниц газет и вернула внимание СМИ к террористам, их требованиям и их поразительной способности наносить удар в нервный центр британского правительства даже во время действия режима повышенной безопасности. «Члены Ирландской республиканской армии всегда находятся на шаг впереди нас, — пояснил старший офицер Королевской полиции Ольстера. — Они весьма изобретательны». Хотя технологическое превосходство Ирландской республиканской армии, возможно, является уникальным среди прочих террористических организаций, опыт неоднократно показывал, что, сталкиваясь с новыми мерами безопасности, террористы стараются выявить и устранить появившиеся в системе защиты слабые места, приспособившая к ним новые способы нападения, и тем самым продолжить борьбу, несмотря на трудности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Вся политика есть не что иное, как борьба за власть, — писал Чарлз Райт Миллс[112], — и высшей формой власти является насилие». Терроризм является местом пересечения политики и насилия, где есть возможность обретения власти. Терроризм подразумевает поиски власти: власти управлять и принуждать, устрашать и контролировать, наконец, влиять на фундаментальные политические изменения. Насилие (или угроза насилия) является, таким образом, неременным условием для террористов, которые непоколебимы в своей уверенности в том, что именно посредством насилия можно прийти к победе и воплощению своих политических замыслов. Следовательно, террористы планируют свои операции так, чтобы шокировать, поразить и запугать, делая теракты в значительной мере дерзкими и жестокими, дабы привлечь внимание СМИ, а через них внимание общественности и правительства. Зачастую по иронии обвиняемый в случайных и бессмысленных акциях, терроризм на самом деле является крайне умышленным и хорошо спланированным применением насилия. Его суть можно выразить пятью последовательными этапами, призванными достичь одной за другой пяти ключевых целей:

- **Внимание.** Устраивая зрелищные, захватывающие внимание теракты, террористы стремятся сосредоточить всеобщее внимание на себе и своих требованиях, используя известность, получаемую ими (в основном посредством появления в новостях).

- **Признание.** Сумев привлечь внимание и таким образом дав толчок некоей, до сих пор игнорируемой и забытой проблеме, поставив ее на повестку дня правительства отдельного государства или всего международного сообщества, террористы стремятся перевести обретенную известность в признание (а возможно, в поддержку и сочувствие) своего дела.

- **Оправдание.** Террористы пытаются извлечь пользу из интереса и признания, ставших следствием актов насилия, то есть получить оправдание правомерности их требований и их права, а также признание их организации выразителем требований того сообщества, чьи интересы они поддерживают или, в некоторых случаях, представляют.

- **Власть.** Вооруженные оправданием, террористы пытаются получить власть, дабы повлиять на изменения в правительстве и/или обществе, лежащие в основе идеологической базы их движения: это могут быть как изменения в правительстве, так и во всем государственном устройстве или перераспределении материальных благ, изменения на геополитической карте, утверждение прав меньшинств и т.д.

- **Управление.** Получив доступ к власти, террористы стремятся укрепить контроль над государством, родиной и/или народом, к которым принадлежат.

При том, что некоторые террористические движения сумели успешно добиться первых трех целей, в современном мире мало найдется таких организаций, которые достигли и последних двух. Тем не менее все террористические группы существуют и действуют в надежде достичь этой последней цели. Для них реальность определяет не настоящее, а, скорее, будущее. И в самом деле, они могут утешать себя тем фактом, что всего десятилетие назад британский премьер-министр Маргарет Тэтчер заявила об Африканском национальном конгрессе[113], что «любой, кто думает, что это приведет к появлению правительства в Южной Африке, пребывает в стране грез». Ровно через 10 лет после этого замечания королева Великобритании Елизавета II приветствовала президента Нельсона Манделу в ходе его первого официального визита в Лондон.

Глава 7.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ТЕРРОРИЗМА

Сегодня терроризм определяется несколькими различными тенденциями, которые в последние годы тесно переплелись между собой, что зачастую приводило к тревожащим последствиям. Возрождение в начале 1980-х терроризма, мотивированного религиозным императивом, а также государственного терроризма привело в движение процессы глубоких изменений в природе, мотивациях и возможностях террористов, которые до сих пор не завершились. Появление в середине того же десятилетия профессиональной субкультуры террористов-наемников, наряду с распространением в 1990-х годах так называемых террористов-любителей (мало или почти не связанных формально с той или иной террористической группой), продолжило этот процесс, превращая терроризм в более рассеянный и бесформенный феномен. В заключительной главе речь пойдет о некоторых последствиях этих тенденций в контексте подъема и существования государственного терроризма, а также о возможном использовании террористами оружия массового поражения.

ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Безусловно, правительства разных стран уже долгое время занимались различного вида незаконной, тайной деятельностью, включая систематическое использование насилия, направленной против врагов как внутренних, так и внешних. Гонения, устроенные нацистами на

евреев, цыган, коммунистов и гомосексуалистов, политических соперников и прочих «врагов государства» в Германии, а также тесное участие сербских военных в разжигании протеста против правления Габсбургов в Боснии в канун Первой мировой войны являются очевидными примерами государственного спонсирования или даже открытого применения терроризма. Но что отличает эти (и многие другие исторические) случаи от государственного терроризма, появившегося в начале 1980-х годов, так это то, как сегодня к терроризму относятся правительства некоторых стран, пользуясь им как инструментом для управления внешней политикой: это рентабельный способ скрытого развязывания военного конфликта с использованием подставных борцов или наемных террористов.

Центральным событием в становлении государственного терроризма как оружия для правительства и инструмента влияния на внешнюю политику стал, несомненно, захват в ноябре 1979 года 52 американских граждан в посольстве США в Тегеране группой вооруженных иранских «студентов». На протяжении 444 дней эти так называемые студенты — заявившие, что действуют независимо и без поддержки правительства, — держали в страхе самое могущественное государство в мире. На протяжении всего затянувшегося эпизода с захватом заложников они накрепко приковали внимание СМИ всего мира к себе и своему протесту против действий США, что в итоге стоило американскому президенту переизбрания на должность. Как позже покажут события, это происшествие было лишь первой в череде нарастающих в плане угрозы и масштабы государственных террористических кампаний, направляемых режимом Хомейни в Иране против США, а также против других западных стран. Этому примеру последовали не только иранские клерикальные правители, которые стремятся ликвидировать западное (в особенности американское) влияние на Ближнем Востоке, но и лидеры других государств региона — Ливии, Сирии и Ирака, а также правительства ряда других стран. Акты насилия, совершаемые террористами, тайно работающими на правительства, оказались относительно недорогими и потенциально безопасными средствами при условии, что их исполняли надлежащим образом, чья цель — анонимные нападения на более сильных врагов и избежание угрозы наказания или репрессалий со стороны международных организаций.

Для террориста преимуществ участия в государственном терроризме еще больше. Подобные взаимоотношения значительно расширяют возможности и боевую МОЩЬ ограниченных В ресурсах террористических групп, предоставляя в их распоряжение ресурсы всего дипломатического, военного и разведывательного аппарата государства-нации, и таким образом многократно упрощают подготовку и разведывательные операции.

Материально-техническое обеспечение, предоставляемое правительством, давало террористам такую недоступную роскошь, как использование вализы дипломата для перевозки оружия и взрывчатых веществ, фальшивые удостоверения личности в виде настоящих паспортов, а также использование посольств и других дипломатических объектов в качестве безопасного пристанища и баз для подготовки терактов. Государственное спонсирование также дало террористам большие возможности для военной подготовки: некоторые группы превратились в объединения, более похожие на элитные подразделения войск, нежели на привычные подпольные ячейки анархистов, чьим основным оружием являются бутылки с зажигательной смесью, или радикально настроенных экстремистов, пользующихся самодельными взрывными устройствами, изготовленными из обрезков труб. Наконец, террористам зачастую выплачивают большие суммы денег за их службу, превращая некогда нуждающиеся в средствах сообщества в обеспеченные организации с инвестиционными портфелями и балансовыми отчетами.

Все вышеозначенное доказывает тот факт, что террористу, спонсируемому государством, не обязательно отождествлять себя с делом того, кто его нанял. Он также не обязан быть яростным идеологом, религиозным фанатиком или национальным экстремистом, какими обычно являются члены идеологических и религиозных групп или этнонациональных/сепаратистских организаций. Все, что было нужно террористу, нанятому государством, — это желание исполнять приказ за установленное вознаграждение, действуя в качестве независимого наемника. Организация Абу Нидаля является показательным примером. Эта группа, основанная и возглавляемая палестинским террористом Сабри аль-Банна, выполняла разные задания для сирийского, иракского и ливийского правительств (эти три страны находились в списке государств, спонсировавших терроризм, созданном Госдепартаментом США с первого момента появления списка в 1979 году). По мере того как группа получала все большие прибыли от заказных терактов, она постепенно отступала от своей изначальной революционной/политической мотивации, заменяя ее действиями, направленными исключительно на наживу. По общему мнению, группа подобным образом скопила значительный капитал, получая средства вначале от заказной

террористической деятельности, а затем от инвестирования доходов от терроризма в прибыльные коммерческие или связанные с недвижимостью предприятия, включая выгодные сделки по международной торговле оружием, совершаемые через торгового посредника в Польше. В 1988 году активы организации Абу Нидаля, по некоторым подсчетам, составляли около 400 миллионов долларов. Учитывая столь солидные прибыли, неудивительно, что финансовый портфель группы управляется отдельным «финансовым правлением» внутри организации, во главе которого стоит сам Абу Нидаль.

Даже такие предположительно идеологически «чистые» марксистско-ленинские организации, как Японская Красная армия, скопили значительные средства в 1980-х годах, участвуя в заказном терроризме. Японская Красная армия, базировавшаяся в Ливанской долине Бекаа с момента основания в 1971 году бывшей студенткой университета Мэйдзи Фусако Синегобу, всегда находилась в поиске покровителя со стороны. Изначально эту роль взял на себя Народный фронт освобождения Палестины, под командованием и от лица которого Японская Красная армия проводила такие теракты, как нападение с применением автоматического огнестрельного оружия и ручных гранат на израильский аэропорт Лод, в ходе которого погибли 26 человек и еще 80 получили ранения. Позже группу взял под свою опеку легендарный террорист Карлос Шакал, под чьим руководством они выполняли различные операции, включая захват французского посольства в Гааге в 1974 году и взрывы в переполненном ночном клубе на бульваре Сен-Жермен в Париже в том же году, когда погибли 2 и получили ранения еще 35 человек. В 1986 году Синегобу решила разнообразить источники дохода Японской Красной армии, заключив выгодную сделку с ливийским лидером Муамаром Каддафи. Всего несколькими месяцами ранее реактивные истребители ВВС США подвергли бомбардировке города Триполи и Бенгази в качестве акта возмездия за предполагаемое участие Ливии в теракте, устроенном в популярном среди американских солдат ночном клубе Западного Берлина, где погибли 2 человека и были ранены еще около 200. Каддафи хотел отомстить. Боясь новых ответных ударов с воздуха со стороны США, но желая предпринять прямые действия, он обратился за помощью к Японской Красной армии. Группа с радостью согласилась, избрав для прикрытия название «Антиимпериалистические международные бригады», под которым и выполняла операции, по приказу Ливии.

Первый теракт Антиимпериалистических международных бригад был предпринят в июне 1986 года. При помощи минометов с дистанционным управлением, установленных в окнах гостиницы, нападению подверглись американские и японские посольства в городе Джакарта, Индонезия. На следующий год группа отметила первую годовщину авиационного удара ВВС США похожим ударом по трем американским дипломатическим объектам в Мадриде. Вскоре группа совершила новые теракты, взорвав бомбу, заложенную в автомобиле у американского посольства в Риме, и вскоре после этого обстреляв из минометов то же посольство США и посольство Великобритании, расположенное неподалеку. Для того чтобы отметить вторую годовщину воздушного налета США, террористы замыслили поистине масштабные теракты: одновременное нападение на американские военные объекты в США и в Европе. Однако американская часть плана провалилась за месяц до предполагаемого удара, в марте, когда один из главных террористов Японской Красной армии Ю Кикумура был арестован полицейским штата Нью-Джерси по пути в Нью-Йорк. На заднем сиденье автомобиля Кикумуры офицер полиции обнаружил несколько огнетушителей, заполненных взрывчаткой и кровельными гвоздями. Кикумура планировал разместить эти нехитрые, но весьма эффективные бомбы у здания призывного пункта ВМФ США, расположенного в нижней части финансового квартала Уолл-стрит, а таймер установить на время обеденного перерыва, когда на улице будет полно людей. Массовая гибель людей, неизбежная при таком происшествии, должна была затмить взрыв в Центре международной торговли, в ходе которого погибли 6 человек. Кикумура был приговорен к 30 годам лишения свободы.

Другие нападения террористов, запланированные на тот день в Европе, пошли по установленному сценарию. В Неаполе у стен американского военного клуба взорвался автомобиль с заложенной в нем бомбой. В результате этого теракта погибли 5 и получили ранения 17 человек. В Испании подверглась нападению авиабаза ВВС США. Затем в июле нападения Антиимпериалистических международных бригад неожиданно прекратились после неудачного ракетного обстрела американского посольства в Мадриде. С тех пор и сама Японская Красная армия загадочным образом прекратила свою террористическую деятельность. Двадцать с лишним членов этой группы предположительно «ушли в отставку», отправившись на свою базу в долине Бекаа или в свои убежища в Северной Корее, где живут на накопленные Синегобу средства.

Государственный терроризм оказал огромное влияние на модели террористических групп в целом. Терроризм, спонсируемый государством, направлен в меньшей степени на получение

известности, чем на преследование конкретных целей внешнеполитического курса той или иной страны, тайно оказывая давление на оппонентов заказчика посредством актов насилия. Следовательно, такой терроризм ограничен куда меньшим числом сдерживающих факторов, чем обычный терроризм. К тому же, так как террористы, спонсируемые правительством, не нуждаются в поддержке местного населения, они не утруждают себя мыслями о риске лишиться поддержки народа или спровоцировать негативную реакцию общественности. Таким образом, террорист и его спонсор могут осуществлять акты насилия более кровавые и разрушительные, чем те, что исполняются независимыми группами. Учитывая значительные ресурсы, имеющиеся в распоряжении групп, спонсируемых государством, несчастливым является и то, что теракты, совершенные в 1980-х, нанесли в 8 раз больший урон, чем теракты групп без поддержки государства. Среди них следующие теракты:

- Взрыв заложенной в автомобиле бомбы у стен посольства США в Бейруте в апреле 1983 года, когда погибли 69 человек. Ответственность за теракт взяла на себя группа «Исламский джихад» («Священная война»), псевдоним, используемый для прикрытия ливанской шиитской террористической группы, базирующейся в Иране.

- Одновременно произведенные взрывы в штаб-квартире морской пехоты США в международном аэропорту Бейрута и штаб-квартире французских ВВС в том же городе в октябре 1983 года, когда погиб 241 морской пехотинец и 58 парашютистов-десантников. «Исламский джихад» снова взял ответственность за эти теракты, похвальнось в своем официальном сообщении, что «два мученика-моджахеда (священных воина) намереваются нанести американской администрации страшный удар, которого та не испытывала со времен войны во Вьетнаме, и не менее серьезные поражения французской администрации».

- Похожий теракт, устроенный «Исламским джихадом» в здании военного ведомства Израиля в Сидоне месяцем позже, приведший к гибели 67 человек.

- Согласованные между собой теракты с подрывом автомобилей в городе Карачи, Пакистан, исполненные агентами афганской секретной разведывательной службы — ВАД, в июле 1987 года, когда погибли 72 человека и получили ранения еще 250 человек.

- Взрыв бомбы, размещенной северокорейскими агентами на борту самолета авиакомпании «Корейские авиалинии», следовавшего из Багдада в Сеул в ноябре 1987 года, когда погибли все 115 человек, находившихся на борту авиалайнера.

- Взрыв на полевого складе боеприпасов в городе Исламабаде, Пакистан, в апреле 1988 года, устроенный агентами афганской службы ВАД, в ходе которого погибли более ста и получили ранение 1100 человек.

- Взрыв в воздухе самолета авиакомпании «Пан-Американ», рейс 103, в декабре 1988 года над городком Локерби, Шотландия, унесший жизни всех 259 человек, находившихся на борту, и еще 11 человек на земле, в котором обвиняют двух агентов ливийской разведки, действовавших не только с официального разрешения правительства Ливии, но также, возможно, и по приказу Ирана.

- Произошедший в полете взрыв пассажирского реактивного лайнера французской авиакомпании УТА в небе над Республикой Чад в августе 1989 года, когда погиб 171 человек, ответственность за который также взял на себя «Исламский джихад».

Государственный терроризм применялся и в менее разрушительных масштабах — для подавления внутренних разногласий. Оппозиционные лица в изгнании, политические диссиденты, активисты, борющиеся за права человека, журналисты, политические карикатуристы и прочие лица подвергались запугиванию, а порой и лишались жизни по приказу правительств разных стран. В одном печально известном случае агенты болгарской разведки использовали зонтичность с отравленным концом для убийства на лондонском мосту в 1978 году диссидента Георгия Маркова, находившегося в изгнании. Сотрудники ливийских, иранских и иракских спецслужб также неоднократно организовывали операции, направленные против недовольных режимом лиц, проживающих в США, Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Австрии, Южной Африке и Великобритании. В 1991 году, к примеру, иранская группа наемных боевиков, используя дипломатическое прикрытие, совершила в Париже убийство бывшего премьер-министра, прямо

критиковавшего режим Хомейни, Шахпура Бактияра[114]. Салман Рушди, уроженец Пакистана, проживающий в Великобритании, автор книги «Сатанинские стихи», с 1989 года живет будучи приговорен к смерти — фетвой (религиозное повеление), наложенной на него и тех, кто издал его книгу, за богохульство аятоллой Хомейни. За его голову группа иранских духовных лиц предложила 2,5 миллиона долларов, которые она готова выплатить тому, кто исполнит волю аятоллы. С тех пор были убиты переводчик книги на японский язык, ее норвежский издатель и переводчик на итальянский, в то время как сам Рушди продолжает жить в бегах под круглосуточной охраной специального отдела Скотленд-Ярда, что стоило британским налогоплательщикам более 7 миллионов фунтов стерлингов в одном лишь 1997 году. Но самым серьезным — и пожалуй, дерзким — терактом, спонсированным правительством, является покушение на жизнь Папы Иоанна Павла II во время его выступления перед толпой на площади Святого Петра 13 мая 1981 года. И хотя молодой турецкий террорист Мехмет Али Агджа был задержан на месте преступления и обвинен в преднамеренном нападении, ЦРУ считает, что за этим заговором стояла болгарская служба разведки, предположительно действовавшая по инструкции главы КГБ и будущего лидера СССР Юрия Андропова.

УСТОЙЧИВЫЙ ФЕНОМЕН

Сегодня терроризм, спонсируемый правительством, по-прежнему остается актуальным. К примеру, в 1996 году Госдепартамент США обозначил семь стран, спонсирующих терроризм: Куба, Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея, Судан и Сирия. За исключением Судана, добавленного в этот список в 1993 году, остальные числились в нем более десяти лет. Причиной, как было указано выше, является тот факт, что экономические санкции и военные репрессалии показали полную неспособность повлиять на эффективные положительные изменения в отношении этих стран к терроризму. Даже опытные аналитики по борьбе с терроризмом в правительстве США скептически оценивают эффективность подобных действий. В изданном недавно документе, представленном на обсуждение на высшем уровне внутри американской системы разведки, подчеркивалось, что:

«В теории угроза наложения эмбарго и применения санкций представляется мощным рычагом воздействия в урегулировании международных отношений разных стран. На практике же ни одно государство, спонсирующее международный терроризм, против которого США ввело эмбарго и наложило санкции, не отказалось от роли спонсора или же от использования терроризма в качестве инструмента внешней политики. Также ни одно из государств, числящихся в списке спонсоров терроризма, не было из него исключено».

Военные репрессалии против государств, спонсирующих терроризм, также оказались малоэффективными и, хуже того, в некоторых случаях привели к обратным последствиям. К примеру, упомянутый выше воздушный удар США по Ливии часто приводится в качестве доказательства эффективности подобных ответных мер. Тем не менее вместо того, чтобы удержать режим Каддафи от спонсирования терроризма эти действия, похоже, оказали обратный эффект. В первую очередь, вовсе не остановив ливийский терроризм, воздушный удар США вынудил ливийского диктатора предпринять более масштабные и кровавые теракты, направленные против США и граждан этой страны. После непродолжительного временного затишья Ливия не просто возобновила, но и увеличила активную международную террористическую деятельность. Согласно данным «Хронологии международных террористических актов», составленной корпорацией РЭНД и Университетом Сент-Эндрю, по крайней мере 15 установленных терактов, спонсированных государствами в 1987 году и 8 — в 1988 году, включая приведенные выше заказные теракты, совершенные Японской Красной армией/Антиимпериалистическими международными бригадами, были связаны с Ливией. Инцидент с японским террористом Кikumурой, упомянутый выше, в особенности заслуживает внимания как доказательство того, что Каддафи не только продолжал террористическую кампанию против США, но и увеличивал ее масштабы, раз он направил опытного террориста из Японской Красной армии в Нью-Йорк для организации (неудавшегося) теракта.

США были не единственной страной, страдавшей от продолжавшихся актов ливийского терроризма. В отместку Великобритании за то, что она предоставила свои авиабазы для взлета бомбардировщиков США, совершивших воздушный удар по Триполи и Бенгази, Каддафи намеренно увеличил поставки оружия для Ирландской республиканской армии. В следующие за авиаударом месяцы ирландская террористическая группа, по некоторым данным, получила от 5 до 10 тонн пластиковой взрывчатки Семтекс-эйч (следователи полагают, что для изготовления бомбы, взорвавшейся на борту самолета авиакомпании «Пан-Американ», использовалось около 8 унций этой взрывчатки) впридачу к 120 тоннам прочих видов оружия и взрывчатых веществ,

включая 12 ракетных установок «земля —воздух» типа САМ-7, несколько ящиков ракетных гранат РПГ-7, а также несколько противотанковых и противовоздушных пушек. Британские власти по большей части приписывают поставки вооружения из Ливии увеличившемуся количеству терактов, совершенных Ирландской республиканской армией в последующие месяцы и годы.

Что же касается утверждения, что воздушные удары заставили террористов по всему миру воздержаться от масштабных действий, как было однажды заявлено администрацией Рейгана, то здесь явно недостает доказательств. И в самом деле, за три месяца, последовавших за акцией США, на американские объекты было совершено больше нападений (53), чем за три месяца, предшествовавших ей (41). Госдепартамент США в своей книге «Модели международного терроризма», изданной в 1996 году, признал, что на протяжении всего периода Ливия продолжала оказывать поддержку наиболее «реакционным» (то есть наиболее неистовым) противникам мирного процесса урегулирования разногласий между Палестиной и Израилем и крайне настроенным членам палестинских террористических групп, включая Организацию Абу Нидаля, Палестинский исламский джихад, Генеральное командование Народного фронта освобождения Палестины Ахмеда Джибрила. Абу Нидаля, по некоторым сведениям, расположил свою резиденцию и штаб-квартиру своей организации в Ливии.

Наконец, далее часто звучащие требования хирургической точности бомбовых ударов и беспредельная технологическая сложность американской воздушной техники точного наведения не выдерживают критики. Несмотря на крайне осторожный выбор военных объектов для нанесения ударов с воздуха, 36 гражданских лиц погибли и еще 93 получили ранения в ходе воздушного налета. Эти потери среди гражданского населения явились не только трагическими по своей сути, но и лишили США моральной основы, для противостояния террористам и терроризму, и, таким образом, породила новую волну критики со стороны как американской, так и международной общественности.

Однако самым бесспорным и очевидным, хотя и игнорируемым, опровержением «мифа о военных мерах возмездия» является взрыв на борту рейса 103 авиакомпании «Пан-Американ» в 1988 году. После того что назвали «самым продолжительным криминальным расследованием в истории», совместное расследование, проводимое силами ФБР и полиции Шотландии, закончилось предъявлением обвинений двум сотрудникам ливийских спецслужб, которые предположительно являлись агентами разведывательной службы Каддафи.

Впоследствии уже не Ливия, а Иран считается в Госдепартаменте США «главным государством, спонсирующим терроризм», активно планирующим и организующим теракты посредством как своих агентов, так и подставных лиц в таких группах, как ливанская «Хезболла». По сведениям израильских и американских служб разведки, в 1996 году, по крайней мере, три авиалайнера «Боинг-747» приземлялись в Дамаске каждый месяц, доставляя оружие из Тегерана своим агентам в «Хезболла». В числе вооружения были ракеты дальнего действия типа «Катюша», противотанковое вооружение типа «Саггер»[115], произведенные в России, и прочая военная техника. Наряду с оружием были и гуманитарные поставки для группы и зарождающейся политической партии, распространяемые среди ливанских шиитов, усиливающие таким образом их политическую позицию. Предположительно Иран поставлял в различные исламские террористические организации по всему миру вооружение на сумму примерно 100 миллионов долларов, где львиная доля приходилась на «Хезболла».

Как и Ливия, Иран, по некоторым сообщениям, также обеспечивал подготовкой и укрытием наиболее жесткие палестинские фракции, включая «Хамас» и палестинский «Исламский джихад», а также Курдскую рабочую партию. Считается, что Тегеран стоит также за разрушительной деятельностью в некоторых странах Персидского залива, включая запланированные акции в Бахрейне, которые удалось предотвратить в июне 1996 года. Власти арестовали около 30 членов бахрейнского филиала «Хезболла», которые признались в том, что с 1993 года планировали заговор с целью свержения правящей семьи эмира Аль-Халифа, которая принадлежала к суннитскому меньшинству. Решающее доказательство факта спонсирования Ираном международного терроризма было предъявлено на Берлинском суде в апреле 1997 года, когда иранскому и четырем ливанским террористам были предъявлены обвинения в убийстве в 1992 году трех иранских курдов-диссидентов и их переводчика, сделанном по инструкциям из Тегерана. Под тяжестью улик, представленных в ходе суда, длившегося около 4 часов, немецкие власти выписали ордер на арест Али Фаллахьяна, иранского министра разведки, за его причастность к убийствам, а также предъявили обвинения Комитету по специальным операциям иранского правительства — в который входили члены высшего эшелона власти Ирана и его правящая элита,

включая президента Хашеми Рафсанджани и духовного лидера страны, аятоллу Али Хомейни, — в том, что именно они отдали приказ убить диссидентов. Источники в среде высланных из страны утверждают, что Тегеран несет непосредственную ответственность за убийства, по крайней мере, 20 представителей иранской оппозиции в Европе с 1979 года. И опять, как это было с Ливией, усилия США убедить Иран прекратить пособничество международному терроризму не принесли плодов. В 1995 году, к примеру, заместитель директора отдела разведки ЦРУ показал на слушаниях в Конгрессе США, что экономическое эмбарго, наложенное Америкой в апреле прошлого года, обернулось полным провалом и вряд ли возымело бы какое-либо воздействие без более распространенной международной поддержки. На то время только Израиль, Сальвадор и Кот-д'Ивуар ответили на призыв Клинтона поддержать санкции.

Даже те страны, которые присутствуют в списке Госдепартамента США, но на настоящий момент, скорее всего, активно не спонсируют международный терроризм, — Сирия, Куба, Северная Корея и Судан, тем не менее играют важную роль в организации и содействии террористическим операциям. Без предоставления центров военной подготовки, безопасных убежищ и прочих форм поддержки многим группам было бы куда сложнее продолжать свои действия. К примеру, хотя и нет доказательств, что либо Сирия, либо отдельные сирийские чиновники напрямую причастны к планированию и исполнению международных терактов с 1986 года. Эта страна по-прежнему предоставляет убежище и помощь террористам. Генеральное командование Национального фронта освобождения Палестины, палестинская группировка, решительно противостоящая процессу урегулирования арабо-израильского конфликта, которая незадолго до взрыва на борту рейса 103 авиакомпании «Пан-Американ» оказалась втянутой в заговор с целью взрывать американские и израильские воздушные суда по пути из Европы, имела штаб-квартиру в Дамаске более трех десятилетий. Другие группы, такие, как «Хамас» (Палестинское исламское движение сопротивления), палестинский «Исламский джихад», Японская Красная армия и Курдская рабочая партия, также имеют базы либо в Сирии, либо в контролируемой Сирией долине Бекаа[116]. Несколько лет назад, по данным Госдепартамента США, по крайней мере, 16 международных террористических организаций имели свои центры подготовки боевиков под защитой Сирии в долине Бекаа.

Для всех семи стран, выявленных Госдепартаментом, терроризм остается полезным и неотъемлемым инструментом влияния на внешнюю политику: это секретное оружие применяется при соответствующей ситуации и очевидной выгоде, но остается скрытым, когда риск его использовать перевешивает потенциальные приобретения, а возможные последствия скорее всего окажутся непродуктивными. Для государства, спонсирующего терроризм, как, впрочем, и для самой террористической группы, терроризм — в отличие от общепринятого представления — является не бессмысленным актом фанатичного или беспорядочного насилия, но целенаправленным, хорошо просчитанным методом достижения определенных целей по приемлемой цене. В этом отношении привлекательность террористов как «подставных воинов» или наемных убийц для различных отступнических режимов возросла с началом войны в Заливе в 1991 году. Урок, полученный в ходе открытого вторжения Ирака в Кувейт, в ответ на который международная коалиция ООН почти немедленно выставила войска против Саддама Хусейна, означает, что, возможно, будущие агрессоры предпочтут действовать тайно, засылая в страну группы вооруженных людей с ограниченным арсеналом, для выполнения роли, которую обычно играют целые армии, флоты и воздушные силы. Такие небольшие группы не только упростят завоевание соперничающих соседних государств, но, если действовать скрытно и успешно, государство-спонсор может избежать опознавания, а с ним ответного военного удара и экономических санкций международного сообщества. Следовательно, террористы в будущем могут рассматриваться государствами-изгоями, как «пятая колонна», секретная, эффективная сила, используемая для скрытого ведения войны против более могущественных противников или же для свержения правительств соседних стран или враждебных режимов своей страны. Обвинения в адрес Ирана в подстрекательстве к свержению правительства в Бахрейне, наряду с возможным участием Ирана в организации взрывов на территории американского военного комплекса в Дахране, Саудовская Аравия, в июне 1996 года и совместного саудовско-американского центра военной подготовки в Эр-Рияде в ноябре 1995 года, могут указывать именно на такую тенденцию.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРРОРИСТАМИ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ В БУДУЩЕМ

Между тем лицо терроризма меняется и в иных отношениях. В последние годы появились новые соперники, новые мотивации и новые причины, влияющие на некоторые традиционные представления о террористах и терроризме. Многие наши давние предубеждения относительно

терроризма — а с ними и государственная политика разных стран — восходят к эпохе становления терроризма как проблемы международной безопасности, а именно к событиям, произошедшим более четверти века назад. Эти проблемы возникли и укрепились в годы «холодной войны», когда радикально настроенные террористические группы левого толка, действовавшие по всему миру, считались самой большой угрозой безопасности Запада. Даже последующие модификации антитеррористических мер, предпринятых с того времени, вряд ли можно считать актуальными, хотя именно они были применены десятилетие назад в ответ на серию терактов, совершенных террористами-смертниками против американских дипломатических и военных объектов на Ближнем Востоке, что поставило акцент на растущей угрозе государственного терроризма.

Но пожалуй, ни в какой другой области потенциальная неуместность подобных размышлений не кажется более ясной, а критическая лакуна более очевидной, чем в отношении возможного применения террористами оружия массового уничтожения, а именно ядерного, химического и биологического оружия. Большая часть публикаций, посвященных этому вопросу, сама является устаревшей, так как была написана в некоторых случаях более двадцати лет назад, когда существовало множество различных ситуаций, обстоятельств и международных движущих сил. Львиная доля исследований потенциального применения оружия массового уничтожения, проводившихся в годы «холодной войны», по понятным причинам была сосредоточена на ядерном противоборстве двух сверхдержав и их союзников. Возможность использования подобного оружия террористами рассматривалась внутри контекста «холодной войны» либо вообще опускалась, учитывая преобладающие модели субгосударственного насилия, а также цели и намерения экстремистских негосударственных групп, действовавших в то время. На сегодняшний день угроза крупномасштабных военных действий с применением ядерного либо традиционного оружия со стороны сверхдержав эпохи «холодной войны» и их союзников исчезла. Однако на ее место пришла новая угроза безопасности куда более аморфного, не поддающегося количественному определению и зловещего характера, противостоять которой может оказаться намного сложнее. Как было видно из главы 4, увеличивающаяся значимость религиозных мотивов для действий террориста уже внесла свою лепту в возросшую смертность от международного терроризма. Более того, многие ограничения (как морального, так и технического характера), которые ранее удерживали террористов от применения оружия массового уничтожения, исчезают. Конкретные характеристики, оправдания и отношения религиозных и квазирелигиозных — по сравнению с обычными — террористов предполагают, что именно религиозные террористические организации станут первыми среди прочих категорий террористических групп негосударственного характера, которые применят оружие массового уничтожения.

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В прошлом террористические группы являлись по большей части объединениями лиц, принадлежащих к организации с хорошо развитым правящим аппаратом, ранее прошедших подготовку по технике и тактикам проведения террористических кампаний, сделавших террористическую деятельность своей единственной профессией, скрывающихся в подполье и при этом постоянно разрабатывающих и организующих теракты, и которые порой попадали в прямое подчинение либо действовали от имени правительства другой страны (как в случае со спонсированием Ливией операций Японской Красной армии, совершаемых под именем Антиимпериалистических международных бригад). Радикальные левые организации, такие, как Японская Красная армия, Фракция Красной армии, Красные бригады и прочие, наряду с этно-национальными/сепаратистскими террористическими движениями, такими, как Организация освобождения Палестины, Ирландская республиканская армия и ЭТА, попадали под стереотип «традиционной» террористической группы. Эти организации причастны к высокоизбирательным и наиболее дифференцированным актам насилия. Они выбирали в качестве мишеней различные символические объекты, олицетворяющие их врага (например, посольства, банки, национальные авиакомпании), либо похищали и убивали отдельных лиц, повинных, по их мнению, в экономической эксплуатации и политическом гнете, с целью привлечения внимания к себе и своим требованиям.

Однако сколь радикальными и революционными не были эти группы в политическом отношении, большинство из них одинаково консервативны в плане организуемых ими терактов. О подобном типе террористов отзываются, что они скорее «имитируют, а не изобретают» и что их тактический репертуар весьма ограничен и направлен против узкого круга мишеней. Им приписывают нерешительность в ситуации, когда следует воспользоваться преимуществом новых обстоятельств, не говоря уже о реализации новых возможностей. Та небольшая доля изобретательности, которую они проявили, заключается в выборе мишеней для терактов (к

примеру, захват итальянского круизного судна «Акилле Лауро» палестинскими террористами в 1985 году в отличие от более традиционных захватов пассажирских самолетов) либо в способах установки и детонации взрывных устройств, а не в тактических ходах или использовании нетрадиционных видов оружия — в особенности химического, биологического, радиологического или ядерного.

Хотя различные террористические группы, включая ФКА, КБ и некоторые палестинские организации, время от времени обыгрывали идею применения губительного оружия массового поражения, ни одна из них не переступила критический психологический рубеж, то есть не пошла на осуществление этих ужасных замыслов и смутных планов. По некоторым предположениям, в 1979 году палестинские террористы отравили партию апельсинов из Яффы, экспортируемых в Европу, в надежде подорвать экономику Израиля. В ходе полицейского рейда, устроенного в убежище ФКА в Париже годом позже, была обнаружена мини-лаборатория, созданная для производства ядовитой культуры *Clostridium botulinum*. Однако эти два не связанных между собой инцидента представляли собой полный спектр как использования, так и попыток разработки террористами оружия и тактик нетрадиционных типов. Похоже, большинство террористов устраивает ограниченный смертоносный потенциал ручных минометов и автоматов, а также взрывных устройств с несколько более высоким числом потенциальных жертв. Как и большинство из нас, террористы, похоже, боятся высокотоксичных веществ, о которых мало знают и для производства и безопасного обращения с которыми у них не хватает опыта, не говоря уже об эффективном применении и рассеивании. Из более чем 8 тысяч терактов, зафиксированных в «Хронологии международных террористических актов» корпорации РЭНД и Университета Сент-Эндрю с 1968 года, менее 60 указывают на тот факт, что террористы разрабатывали подобные теракты с применением химических и биологических веществ или намеревались похитить или разработать собственное ядерное оружие.

Было также широко распространено наблюдение Брайана Дженкинса, приведенное выше, о том, что «террористы желают, чтобы их видели и слышало большое количество людей, а не гибели большого количества людей». Даже после событий середины 1980-х, когда было совершено несколько заметных терактов, с большим количеством жертв (в ходе одного из таких терактов погиб 241 морской пехотинец), Дженкинс по-прежнему не видел необходимости поменять точку зрения, продолжая настаивать на том, что «просто гибель большого количества людей редко является целью террористов. <...> Террористы действуют по принципу наименьшего применения силы по необходимости. Они считают, что не обязательно убивать много людей, если убийства нескольких хватает для осуществления их замыслов». Эта аксиома была в дальнейшем применена к проблеме потенциального использования террористами оружия массового уничтожения, в отношении которой она была призвана истолковать небольшое число известных заговоров и уже тем более доказанных произошедших инцидентов. В контексте потенциального использования террористами радиологического или ядерного оружия, к примеру, Дженкинс отметил в 1975 году, что «замыслы, включающие в себя намеренное применение токсичных радиоактивных веществ, похоже, не соответствуют модели, по которой до сих пор совершались теракты... Действия террористов направлены на создание непосредственных драматических эффектов, нескольких жестоких убийств, но не на вызывание затяжной эпидемии и уже тем более не на появление большого числа больных, ищущих отмщения жертв теракта. Если бы террористы и замыслили применение радиоактивных отравляющих веществ, то они не смогли бы предотвратить далеко идущие последствия подобного теракта, как, впрочем, и достичь своей конечной политической цели. Террористы никогда не стремились убивать сотни и тысячи людей. Сделать же сотни и тысячи человек смертельно больными еще больше не вписывается в привычную деятельность террористов».

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕРРОРИЗМЕ

В последние годы эти давние предположения все чаще подвергаются сомнению после совершения терактов либо с применением оружия массового уничтожения, либо с высоким числом смертей. Три инцидента (описанные в главе 5) в особенности вызывают повышенные опасения того, что терроризм вступает в эпоху увеличивающегося насилия и кровопролития. Это следующие теракты:

- теракт с применением нервно-паралитического газа, произошедший в марте 1995 года в токийском метро;

- взрыв, произошедший месяцем позже в административном здании имени Альфреда П. Мюрра в Оклахома-Сити;

- взрывы в Центре международной торговли в Нью-Йорке в 1993 году.

Связующей нитью (хотя и не обязательно единственным мотивирующим фактором) в трех этих случаях является религия. В дополнение к этим примерам можно назвать наиболее масштабные по количеству жертв либо по политическим последствиям теракты, произошедшие с 1995 по 1997 год, которые также имели заметный религиозный элемент.

Как показывают три случая терактов, перечисленные выше, к наиболее традиционным и узнаваемым типам идеологических, этнонациональных и сепаратистских организаций, доминировавших среди прочих террористических групп с 1960-х по 1990-е годы, — и на которых аналитики вроде Дженкинса основывали свои наиболее фундаментальные заключения о террористах и их поведении — теперь добавились еще многочисленные террористические объединения с менее понятными националистическими или же идеологическими мотивировками. Многие представители этого «нового поколения» террористов не только разделяют куда более аморфные религиозные воззрения и цели, связанные с приходом нового тысячелетия, но и сами по себе также являются менее сплоченными международными организациями, чья структура и характер участников тоже более расплывчаты. Тем более тревожным представляется тот факт, что в некоторых случаях их намерения являются большими, чем просто создание теократического государства, покорного их конкретному божеству (к примеру, создание исламской республики на иранский манер в Алжире, Египте и Саудовской Аравии) для воплощения мистических, почти сверхъестественных и вдохновленных божеством замыслов, либо крайне антиправительственная форма популизма, отражающего представления о заговоре, основанном на неуловимой смеси бунтарских, расистских и религиозных сентенций. В связи с этим появление тайных идиосинкразических движений (таких, как японская религиозная секта «Аум Синрикё», совершившая в марте 1995 года теракт с применением нервно-паралитического газа в токийском метро, а также военизированные антиправительственные группы христианских сторонников белого господства, появившиеся в США, причастные к взрыву в Оклахома-Сити) наряду с националистическими группами религиозных фанатиков (такими, как исламские экстремисты, организовавшие взрывы в Центре международной торговли, алжирская Исламская вооруженная группа и ливанская «Хезболла», имеющие связи с различными египетскими и саудовскими экстремистскими группировками) представляет собой совершенно иную и куда более опасную угрозу, чем та, что исходит от традиционных террористических групп.

В то время как некоторые наблюдатели с оптимизмом указывают, что снижение числа международных терактов в 1990-х свидетельствует о заметном и благотворном продвижении в борьбе против терроризма, пропорции смертности при совершении терактов, как это ни парадоксально и к тому же значительно, возросли. Согласно статистике Хронологии РЭНД/Сент-Эндрю, рекордное число терактов было зафиксировано в 1991 году, когда шла война в Заливе. За ним следуют 343 теракта в 1992-м, 360 в 1993-м, 353 в 1994-м и, наконец, 278 в 1995 году (последнем календарном году, за который доступна статистика по терроризму). Но в то время как действия террористов становились все менее активными, их смертоносность постепенно росла. К примеру, минимум один человек погиб в 29% терактов в 1995 году; это самый высокий процент смертности от терактов, зарегистрированный в Хронологии с 1968 года, выросший на 2% по сравнению с показателем 1987 года. Для сравнения, всего 17% международных терактов окончились гибелью людей в 1970-х и 19% — в 1980-х. Является ли подобный ход развития стойкой закономерностью или нет, неясно. Тем не менее он подкрепляет предположение, что международный терроризм приносит сегодня куда больше смертей, чем ранее, и, таким образом, возникает вопрос: почему так происходит?

Среди различных факторов, определяющих увеличивающуюся смертность в результате терактов (включая постоянную потребность террористов находиться в центре внимания СМИ — распространение государственного спонсирования терактов и значительные ресурсы, предоставляемые террористам; разработки в области вооружения террористов, которое становится все более компактным и мощным; возросший опыт профессионального терроризма), — наиболее значимым является резкое увеличение количества террористических групп, чьи действия мотивированы религиозным императивом. Подобное предположение проистекает из модели международного терроризма в 1995 году. Как было замечено ранее, несмотря на то, что террористы из религиозных групп совершили всего 25% зарегистрированных терактов в 1995 году, они были причастны к 58% от общего числа жертв террора, случившихся в тот год. Если взглянуть

на эти данные в иной перспективе, теракты, явившиеся причиной самого большого количества смертей в 1995 году (теракты, в ходе которых погибло 8 человек и более), все были совершены религиозными террористическими организациями. Как мы уже отмечали, с середины 1980-х годов именно члены религиозных террористических групп или каких-либо иных крупных религиозных движений либо культов в США и Израиле ближе всех подошли к границе, отделяющей террористов от использования оружия массового уничтожения, либо продемонстрировали черты и тактические возможности для организации подобных массовых терактов. В трех случаях, произошедших в 1995 году, лица, связанные с различными организациями движения белого господства, замыслили заполучить в свое пользование смертельные яды и отравляющие вещества. В марте два члена Совета патриотов Миннесоты, группы из числа народных милиций, были осуждены за хранение рицина в количестве, достаточном для умерщвления по меньшей мере 129 человек, с целью уничтожения агентов Внутренней налоговой службы США, судебных приставов и помощников местных шерифов. По данным ФБР, рицин стоит третьим в списке самых ядовитых веществ следом за плутонием и *Clostridium botulinum*: крайне малое его количество убивает в считанные минуты, если вдохнуть, проглотить или нанести на кожу это вещество. Два месяца спустя человек, являвшийся микробиологом со степенью, который также имел связи с «Арийскими нациями», располагающимися в штате Айдахо, заказал некоторое количество возбудителей бубонной чумы по почте из мэрилендской фирмы по продаже химических веществ. Он также получил три ампулы с *Yersinia pestis* — бактерии, которая уничтожила треть населения Европы в XIV веке. В дополнение к бактериям полиция также обнаружила в его доме дюжину карабинов M-1, дымовые шашки, взрыватели и литературу движения белого господства. Наконец, в декабре того же года житель штата Арканзас, имевший, по некоторым сведениям, связи с группами движения белого господства из этого штата, был арестован на своей ферме по обвинению в попытке нелегального провоза через границу США в Канаду 130 граммов рицина. К тому же в машине этого человека представители канадской таможенной службы обнаружили четыре ружья и более 20 тысяч единиц боеприпасов. Когда власти США обыскали его ферму в Арканзасе, они нашли ксерокопии имеющейся в продаже книги «Пособие отравителя», в которой подробно изложено, как получать рицин из касторовых бобов, и «Бесшумная смерть», в которой описано, как использовать токсичные соединения для отравления людей.

Возможные катастрофы, которыми мог закончиться любой из этих случаев, наряду с последствиями от теракта, устроенного сектой «Аум Синрикё» в токийском метро, если бы нервно-паралитический газ достиг своего настоящего убийственного потенциала, планом американских сторонников белого господства отравить систему водоснабжения и указаниями на то, что убийство премьер-министра Рабина в Израиле должно было стать первым в кампании массовых убийств, направленной на нарушение процесса мирного урегулирования, показывают смертоносный потенциал религиозной одержимости террористов. Терракт в токийском метро, устроенный сектой «Аум Синрикё», разрушил важный психологический порог в использовании террористами оружия массового уничтожения. Этот лидер ливанской группы показал, что удачное совершение теракта с применением химических отравляющих веществ, возможно, и вероятно, поднял ставки для террористов по всему миру. В будущем террористические организации могут попытаться повторить или даже превзойти теракт в токийском метро либо по уровню смертности, либо в использовании нетрадиционных типов оружия массового уничтожения, чтобы добиться того же, если не большего внимания СМИ и общественности, какое получил этот теракт в 1995 году.

Распространение религиозного терроризма также повышает число возможных тревожных последствий, учитывая тот факт, что члены многих из этих групп, сект и культов являются, так сказать, террористами-любителями по сравнению с относительно небольшим числом «профессионалов», которые доминировали в террористических инцидентах прошлого. Ранее терроризм был не просто вопросом воли и побуждения к действию, но обладанием способности совершить теракт — соответствующей подготовки, доступу к вооружению и тактическими знаниями. Все это не было широко доступно, и такие знания приобретались посредством обучения в лагерях, созданных другими террористическими организациями либо в содействии с государствами, спонсирующими террористов. Однако сегодня информацию о средствах и методиках терроризма можно с легкостью получить в книжном магазине, через почтовый заказ от издателя, на компакт-диске или даже во Всемирной сети. К примеру, в феврале 1997 года британские газеты сообщили, что Ирландская республиканская армия начала массовую пропаганду через Интернет, включая размещение там инструкции по изготовлению и максимально эффективному применению бутылок с зажигательной смесью в мятежах, выявлению агентов контрразведки, производству фальшивых удостоверений личности, подделке документов и способам маскировки. Используя подобные широко доступные инструкции по изготовлению взрывных устройств и руководства по отравлению, убийству и изготовлению химического и

биологического оружия (к примеру, подробное пошаговое «Руководство для террориста» на 98 страницах, изданное «Хаос Индастриз Ганз энд бомбз Пиро-технолоджиз», которое можно было загрузить с различных интернет-сайтов в течение 2 лет), террорист-любитель может стать не менее опасным, чем его более профессиональный коллега.

Таким образом, терроризм стал доступным способом действия для любого, кто испытывает недовольство, имеет какую-либо программу, цель или все вышеперечисленное в произвольной комбинации. «Унабомбер», о котором шла речь в главе 6, рассылавший изготовленные из подручных материалов бомбы по почте из своего дома в глухом районе Монтаны, является как раз примером подобного террориста-любителя. Другими примерами, особенно в отношении применения оружия массового уничтожения, могут служить три случая, произошедшие в 1995 году, о которых шла речь выше и к которым были причастны лица, связанные с движением белого господства в США. Можно также вспомнить о том, что террористы, организовавшие взрывы в Центре международной торговли в 1993 году, намеревались разрушить одну из 110-этажных башен и завалить ее на другую, при этом выпустив в воздух вокруг разрушенной башни облако токсичного цианида натрия, который, по их расчетам, убил бы тех, кому удалось выжить после самого взрыва. По словам судьи, руководившего заседанием суда по делу террористов, если бы им удалось задуманное, то цианид натрия, содержащийся в бомбе, «проник бы в северную башню», погубив бы всех, кто там находился. К сравнению, не имеется свидетельств, согласно которым нерелигиозные или «наемные» террористические группы, действовавшие в прошлом, либо лица, считавшиеся когда-то главными террористами мира, — Карлос, Абу Нидальи Абу Аббас — когда либо замыслили и уже тем более предпринимали теракты с полным уничтожением многоэтажного офисного здания, наполненного людьми, не говоря уже об усилении разрушительного действия атаки применением химического оружия.

Угроза возрастает не только из-за того, что можно с легкостью получить всю необходимую информацию по совершению терактов с применением оружия массового уничтожения, но и из-за доступности необходимого материала. Расщепляющиеся вещества поступают с территории бывшего Советского Союза и по незаконным каналам сбыта материалов для создания ядерных реакторов, существующим в странах Центральной и Восточной Европы. При том что большинство материалов, предлагающихся, по некоторым данным, на черном рынке этих стран, не может быть классифицировано как стратегический ядерный материал, то есть материал, пригодный для создания ядерного оружия, высокотоксичные радиоактивные вещества могут быть вложены в обычное взрывное устройство, в результате чего получается нерасщепляемая атомная бомба (известная также как «грязная» бомба). К примеру, начиненный взрывчаткой в сочетании с радиоактивными веществами грузовик, мог бы не только уничтожить одну из башен Центра международной торговли, но также сделать значительный участок дорогой недвижимости в одном из мировых финансовых центров полностью непригодным к использованию вследствие радиоактивного загрязнения. Это окончилось бы не только подрывом экономики, но и сопутствующей паникой и усилившейся властью террористов, вооруженных подобными «грязными» бомбами (что, возможно, является куда более вероятной угрозой, чем использование террористами стратегического ядерного оружия), и это весьма тревожный факт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТРЕВОЖНАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Рост религиозных террористических организаций и превращение религиозного терроризма в одну из главных причин увеличивающейся разрушительности международного терроризма подвергают сомнению одно из базовых предположений о террористах и творимом ими насилии. Это также поднимает серьезные вопросы об уместности многих традиционных представлений о терроризме, в особенности тех, что касаются возможного использования террористами оружия массового уничтожения в будущем. В прошлом большая часть анализов массовых беспорядочных убийств с применением химического, биологического, радиологического и ядерного оружия в целях терроризма опускала подобную угрозу по причинам, описанным выше. В частности, приводились доводы, что террористы мало что знают о сложных технологических процессах производства и применения подобных типов оружия. Соображения политического, морального и практического характера также считались важными ограничительными факторами в использовании террористами подобного оружия. Мы уверяли себя, что террористы желают, чтобы люди смотрели на них, а не гибли. То есть мы полагали, что у террористов нет причин и уж тем более какой-либо выгоды в совершении массовых и беспорядочных актов насилия.

В то время как некоторые из вышеперечисленных доводов все еще уместны в отношении нерелигиозного терроризма, такие теракты, как атака нервно-паралитическим газом в токийском

метро, взрыв в Центре международной торговли и административном здании в Оклахома-Сити, — наряду с прочими терактами, совершенными членами религиозных террористических групп, — делают их опасными анахронизмами. В итоге можно сказать, что, учитывая новые мотивы, зачастую те, которые увязываются с религиозным терроризмом, наряду с увеличившейся доступностью важной информации и ключевых компонентов для производства оружия, и что более важно — оружия массового уничтожения, создающей расширенные возможности для терактов, мы, возможно, стоим на пороге куда более кровавой и разрушительной эпохи насилия, чем та, что была ранее.

Примечания

1

Термидор (от греч. *therme* — тепло, жар и *doron* — дар) — одиннадцатый месяц года по республиканскому календарю, действовавшему во Франции в 1793 — 1805 годы. Соответствует периоду 19/20 июля— 17/18 августа.

2

«...Против свободы общества существует заговор; своей силой он обязан преступной коалиции, интригующей в самом Конвенте; эта коалиция имеет сообщников в Комитете общественной безопасности и во всех бюро этого Комитета, где они господствуют; враги республики противопоставили этот Комитет Комитету общественного спасения и таким образом установили два правительства; в этот заговор входят члены Комитета общественного спасения; созданная таким образом коалиция стремится погубить патриотов и родину. Как исцелить это зло? Наказать изменников, обновить все бюро Комитета общественной безопасности, очистить этот Комитет и подчинить его Комитету общественного спасения; очистить и самый Комитет общественного спасения, установить единство правительства под верховной властью Национального конвента, являющегося центром и судьей, и таким образом под давлением национальной власти сокрушить все клики и воздвигнуть на их развалинах мощь справедливости и свободы: таковы принципы. Если невозможно требовать их, не прослыв честолюбцем, я делаю вывод, что и принципы устранены и что среди нас царит тирания, но что я не должен об этом молчать: ибо что можно возразить человеку, который прав и который умеет умереть за свою страну?» Повторив тем же вечером это воззвание в Якобинском клубе, Робеспьер заметил: «Эта речь, которую вы выслушали, — мое предсмертное завещание; сегодня я видел смерть — заговор злодеев так силен, что я не надеюсь ее избежать. Я умру без сожаления; у вас останется память обо мне; она будет вам дорога, и вы ее сумеете защитить».

3

Робеспьер вместе с 21 сторонником был казнен 28 июля 1794 года (10 термидора). ' Эдмунд Берк (1729 — 1797) — журналист, обозреватель, редактор ежегодника «Annual Register», член палаты общин, идеолог консерватизма. Его книга «Reilections on the Revolution in France» (1790) выпущена на русском языке («Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию» / Сокр. пер. с англ. Гельфанд Е.И. М.: Рудомино, 1993). Вот как Берк объяснял причины бесчинств террористов: «Ни одна капля их крови не была пролита во имя страны, которую они разрушили. Они ничем не пожертвовали ради своих проектов, когда заключали в тюрьму короля, убивали своих сограждан, заставляли умыться слезами, повергнув в горе и нищету тысячи достойных людей и благородных семейств. Источником их жестокости был даже не страх. Она явилась результатом уверенности в полной личной безопасности. Она толкала их на государственную измену, позволяла творить грабежи, насилие, убийства, кровавую резню и оставлять пепелища в разоренной стране».

4

Эдмунд Берк (1729 — 1797) — журналист, обозреватель, редактор ежегодника «Annual Register», член палаты общин, идеолог консерватизма. Его книга «Reilections on the Revolution in France» (1790) выпущена на русском языке («Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию» / Сокр. пер. с англ. Гельфанд Е.И. М.: Рудомино, 1993). Вот как Берк объяснял причины бесчинств террористов: «Ни одна капля их крови не была пролита во имя страны, которую они разрушили. Они ничем не пожертвовали ради своих проектов, когда заключали в тюрьму короля, убивали своих сограждан, заставляли умыться слезами, повергнув в горе и нищету тысячи достойных людей и благородных семейств. Источником их жестокости был даже не страх. Она явилась результатом уверенности в полной личной безопасности. Она толкала их на государственную измену, позволяла творить грабежи, насилие, убийства, кровавую резню и оставлять пепелища в разоренной стране».

5

Карло Пизакане (1818— 1857) — утопический социалист, начальник штаба армии Римской республики (1849— 1849), погиб во время экспедиции на юг Италии, где намеревался поднять восстание с целью свержения правившей там ветви испанских Бурбонов и объединения Италии.

6

Мютюзелизм (от фр. *mutuel* — взаимность) — по П.Ж. Прудону, организация общества на принципах равенства и взаимности.

7

Надо отметить, что это словосочетание популяризировал в редактируемых им газетах «Эгалите» («Egalite») и «Пролетер» («Proletaire») Поль Брус (1844 — 1912), французский врач, участник Парижской коммуны, после ее разгрома эмигрант, один из руководителей анархистской организации в Швейцарии, так называемой Юрской федерации, входившей в I Интернационал. — Прим. авт.

8

Неверно: в августе 1879 года после раскола «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел».

9

Конституционалистами в России именовались конституционные демократы (кадеты) (партия образована в 1905 году). «Народная воля» — народническая организация, в которой состояло около 500 человек, а участниками деятельности — несколько тысяч. (По данным полиции, в 1881 — 1883 годы репрессиям за участие в «Народной воле» подверглось почти 8000 человек.)

10

Интересно, что группа была твердо настроена против терроризма в демократических, открытых обществах типа США. В 1881 году, например, исполнительный комитет «Народной воли» публично осудил по этой причине сомнительный анархистский политический мотив предательского убийства президента США Джеймса Гарфилда. По мнению Гранта Вардлоу, «Народная воля» полагала, что терроризм мог быть оправдан только в чрезвычайных обстоятельствах, и осуждала все подобные действия в странах с «нормальной политической деятельностью». — Прим.авт.

11

Московский генерал-губернатор, дядя Николая II.

12

Этим террористом был И.П. Каляев (1877 — 1905), член боевой организации социалистов-революционеров.

13

Ошибка: в карете были жена великого князя Елизавета Федоровна и племянники Мария и Дмитрий. Сергей Александрович был бездетен.

14

Неудачное покушение последовало 2 февраля 1905 года, удачное состоялось 4 февраля 1905 года. По приговору суда Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости 22 мая 1905 года.

15

Кроме царя и цареубийцы И.И. Гриневицкого (1855 или 1856— 1881) были ранены еще 20 человек, из которых двое скончались.

16

Речь идет о В.Н. Фигнер (1852— 1942). Сведения неточны: на самом деле В.Н. Фигнер к 1882 году оставалась единственным членом Исполнительного комитета, находившимся на свободе в России.

17

К примеру, в 1887 году группа, в которую входил, помимо прочих, старший брат Ленина Александр Ульянов, произвела попытку покушения на Александра Ш. Они также были арестованы и повешены. — Прим. авт.

18

Следует отметить, что анархисты далеко не всегда были склонны к насилию. Действительно, многие из них остались просто интеллектуалами, защищая свободу во всех формах, отказываясь от использования насилия и осуждая его. — Прим. авт.

19

Леон Чолгош (1873- 1901) не был беженцем. Этнический венгр, он родился в Детройте в семье эмигрантов из Польши. Чолгош произвел два выстрела в Уильяма МакКинли 6 сентября 1901 года на Панамериканской выставке в Буффало. МакКинли скончался от ранения в живот 14 сентября 1901 года. Чолгош казнен на электрическом стуле 29 октября 1901 года.

20

Кроме МакКинли анархисты, например, убили президента Италии в 1894 году, короля Италии Умберто I в 1900 году, императрицу Австро-Венгрии Елизавету в 1898 году и премьер-министров Испании в 1897 и 1912 годах, пытались убить германского кайзера Вильгельма в 1878 году и участвовали в 1886 году в организации взрыва на Хеймаркет-сквер в Чикаго и других инцидентах, таких, как теракты Франсуа-Клода Равашоля в Париже на бульваре Сен-Жермен в 1892 году и Эмили Генри в кафе «Терминус» в 1894 году. — Прим. авт.

21

Как подробно излагает Джолль: «Наличие этой пропаганды и явного подстрекательства, содержащихся в памфлетах, подобных "Наука революционной войны" [Иохана] Моста... ("руководство по использованию и изготовлению нитроглицерина, динамита, пироксилина, гремучей ртути, бомб, фугасов, отравляющих веществ и т.д."), вносило вклад в то, что анархистов делали ответственными за любые беспорядки и насилие». — Прим. авт.

22

Политическое и общественное движение в конце XIX— начале XX века за присоединение к Италии приграничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением.

23

Основана в 1893 году в Салониках Гоце Делчевым и Дамянном Груевым. Ее правое крыло подготовило восстание против османского ига, начавшееся 20 июля 1903 года (Илинденское восстание), в ходе которого была провозглашена Крушевская республика, и Преображенское восстание, начавшееся 19 августа 1903 года и провозгласившее республику в г. Малко-Тырново. Восстания подавлены турецкими войсками в сентябре 1903 года. Тысячи повстанцев погибли в боях или были расстреляны, десятки тысяч остались без крова, более 30 тысяч эмигрировало.

24

Вторым стало «окончательное решение еврейского вопроса» Гитлером, а третьим — развязанный режимом Пол Пота террор в Камбодже в 1975 году. — Прим. авт.

25

28 июня — день разгрома войск сербов и боснийцев армией турецкого султана (в 1389 году), что привело к потере Сербией независимости. В этот день 1914 года успешной оказалась вторая попытка покушения. Убийца совершил два выстрела, жертвами которых стали эрцгерцог и его супруга София.

26

Джузеппе Мадзини (1805— 1872) — один из вождей итальянского национально-освободительного движения, руководитель его республиканско-демократического направления.

Глава Римской республики (1849). Основатель движений Молодая Италия, Молодая Европа, Союза итальянских рабочих, Интернационального союза народов, Партии действия.

27

Дмитриевич, участвовавший также в убийстве короля Сербии Александра Обреновича и его супруги королевы Драги (1903 год), в конце Первой мировой войны решением военно-полевого суда осужден и 26 июня 1917 года расстрелян.

28

Прозвище дано за большую физическую силу. Апис (Гапи) — в древнеегипетской мифологии священный бык, почитавшийся как земное воплощение бога Солнца Ра, бога Пта; позднее стал воплощением бога мертвых Осириса. Связан с культом мертвых (способствовал увеличению жертв, приносившихся умершим).

29

О «Черной руке» и Дмитриевиче снова напомнили в июле 1997 года угрозы, раздавшиеся в адрес британских сил по поддержанию мира, которые были размещены в Боснии как часть миротворческих сил под эгидой НАТО. — Прим. авт.

30

Крагуевац - город в Сербии на реке Лепенице, древняя столица Сербии.

31

Термин был впервые использован французским криминологом и экспертом по мятежу Ксавье Руфо в 1991 году. — Прим. авт.

32

В начале Второй мировой войны, когда подпольная организация «Иргун» объявила о приостановке борьбы против Британии, радикально настроенные ее члены, не желавшие прекращать террористическую деятельность и допускавшие индивидуальный террор, создали «Лехи». Наиболее известным террористическим актом «Лехи» стало убийство в 1944 году в Каире лорда Мойна, британского министра по делам колоний.

33

Авраам (Яир) Штерн (1907 — 1942) — лидер «Лехи», филолог, поэт, публицист. 12 февраля 1942 года застрелен британскими военными. Четко сформулировал свои взгляды: «Враг — Британия. И с врагом этим мы должны бороться не на жизнь, а на смерть, при любых обстоятельствах и в любой ситуации».

34

Карлос Маригела — член ЦК Бразильской компартии; выйдя из нее в 1967 году, создал организацию «Действие за национальное освобождение», боровшуюся с диктатурой вооруженным путем. Сформулировал основные принципы городской партизанской войны. 4 ноября 1969 года был застрелен агентами полиции.

35

Перевод книги на русский язык Н. Беяева, выполненный с немецкого издания, напечатан в газете Питерской лиги анархистов «Новый свет» (1996— 1998, №37 — 41).

36

Брайан Дженкинс — сотрудник корпорации РЭНД (1972— 1989 годы), где являлся руководителем субнациональной программы исследования конфликтов и заведующим отделом политологии. В 1989 году перешел в ассоциацию КРОЛЛ на должность заместителя председателя. Член комиссии Белого дома по авиабезопасности и безопасности. Главный редактор TVL.

37

Гуго де Гроот Гроций (1583— 1645) — голландский юрист, социолог, государственный деятель и протестантский богослов. Один из основателей теории естественного и международного права. Книга «О праве войны и мира» (1625), в которой он излагает концепцию международного права, в 1627 году была внесена Ватиканом в список запрещенных. (На рус. яз. см. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. В 3-х т. М., 1994.)

38

Неверно. Похищение состоялось 17 февраля 1988 года. Террористы требовали отвода войск Израиля из Ливана, освобождения всех палестинцев и ливанцев из израильских тюрем. Американское правительство отказалось вступить в переговоры.

39

Дэвид Рапопорт — один из ведущих американских специалистов по проблемам терроризма, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, редактор «Journal on Terrorism and Political Violence», автор теории «волн» терроризма, каждая из которых длится примерно 40 лет.

40

Как отметил Лаке, «это различие имеет более чем академическое значение; существуют партизанские подразделения численностью десять тысяч человек, но подразделения городских террористов крайне редко включают более чем несколько человек, и городские террористические "движения" редко состоят более чем из нескольких сотен членов». — Прим. авт.

41

Ширхан Ширхан не признал своей вины. Его приговорили к смертной казни, которая в 1972 году была заменена пожизненным заключением. В 2003 году американские власти в 12-й раз отказались выполнить просьбу Ширхана об освобождении под залог.

42

Сэр Бэзил Лиддел Гарт (1895 — 1970) — британский военный историк и теоретик военного искусства. Развил теорию мобильной войны, базирующейся на массированном применении механизированных войск, а также теорию блицкрига. Книга, на которую ссылается автор, — *History of the Second World War*, неоднократно издавалась по-русски (Гарт Б.Л. Вторая мировая война. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2002).

43

«Свободная Франция» («La France libre») — официальное наименование движения, боровшегося за освобождение Франции от немецкой оккупации и режима Виши. С июля 1942 года получило название «Сражающаяся Франция».

44

Анри Оноре Жиро (1879— 1949) — французский политический и военный деятель, генерал. В 1922— 1926 годах участвовал в подавлении восстания в Марокко. Весной 1942 года совершил нашумевший побег из немецкого плена. 17 ноября 1942 года назначен командующим французскими войсками в Северной Африке, а 27 декабря 1942 года — главой французской военной и гражданской администрации в Северной Африке. В июне —ноябре 1943 года — сопредседатель (вместе с Ш. де Голлем) Французского комитета национального освобождения. С ноября 1943 по апрель 1944 года — командующий французскими вооруженными силами. Из-за разногласий с де Голлем и обвинений в контактах с вишистами освобожден со всех постов. В 1948 году назначен вице-председателем Высшего совета обороны Франции.

45

«Бейтар» (Союз еврейской молодежи имени Иосифа Трумпельдора) — движение за национальное возрождение еврейского народа. Образовано Зеевом Жаботинским в Риге в 1923

году. За короткий срок было создано несколько десятков отделений по всему миру. В специальных лагерях члены движения обучались стрельбе, рукопашному бою, искусству выживания в экстремальных условиях. По Жаботинскому, «Бейтар» — это новое поколение юношей, посвятивших свою жизнь единственной идее — построению еврейского государства — и не признающих других идеалов. Воспитанники «Бейтара» составляли основу подпольных организаций «Иргун» и «Лехи».

46

Владимир Евгеньевич (Зеев) Жаботинский (1880— 1940) — политический деятель, идеолог сионистского движения, писатель, переводчик, журналист. Один из авторов Гельсингфорской программы 1906 года о правах национальных меньшинств. Во время Первой мировой войны сформировал Еврейский легион в составе британской армии. Организовал в 1923 году и возглавил Союз сионистов-ревизионистов и его боевую организацию. Умер от сердечного приступа 4 августа 1940 года при посещении летнего лагеря «Бейтара» возле Нью-Йорка.

47

Давид Разиэль (Розенсон) (1910 — 1941) — один из лидеров подпольной организации «Иргун» (с 1937 года), ее командир (с 1938 года). Погиб 18 мая 1941 года во время выполнения диверсионно-разведывательной операции, проводимой совместно с британскими спецслужбами в районе Багдада.

48

Специальный комитет издал отчет 31 августа 1947 года, в котором единодушно рекомендовал предоставить Палестине независимость. — Прим. авт.

49

Фильм «Битва за Алжир» получил в 1966 году главный приз «Золотой лев» Венецианского кинофестиваля.

50

Энозис (эносис) (греч. henosis — союз, объединение) — движение за присоединение к Греции. Термин возник после образования в 1830 году независимого греческого государства, когда объединения с Грецией стали требовать Фессалия, Крит, Самос и другие греческие земли, остававшиеся под властью Турции.

51

Ив Годар — начальник французской контрразведки в Алжире, впоследствии глава отдела разведки и боевых операций Секретной вооруженной организации, террористическая деятельность которой, включавшая многочисленные покушения на Шарля де Голля и близких ему политиков и журналистов, 12290 покушений и более 1,5 тысячи убийств в Алжире, была направлена против предоставления Алжиру независимости.

52

С 1968 по 1980 год палестинские группы были ответственны за 331 инцидент по сравнению со 170 инцидентами в этот период у следующей наиболее активной группы, кубинского антикастровского террористического движения, третье место делят ирландские и турецкие группы (по 115 инцидентов у тех и у других). — Прим. авт.

53

Война Израиля с арабскими странами (кроме Ливана). Ей предшествовали регулярные бомбежки Сирией территории Израиля и блокада египетской армией Эйлатского залива. Продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. Завершилась полной победой Израиля, захватившего Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан (ранее принадлежавшие Иордании), Голанские высоты (Сирии), сектор Газа и пустыню Синай (Египту).

54

Название дано в память о «черном сентябре» 1970 года, когда вооруженные силы Иордании вытеснили Организацию освобождения Палестины с иорданской территории, что сопровождалось многочисленными жертвами с обеих сторон.

55

Абу Ияд был заместителем председателя исполкома ООП. Убит вместе с начальником службы безопасности ООП Абу Хулом в Тунисе в январе 1994 года неустановленными лицами.

56

Созданная корпорацией РЭНД и Университетом Сент-Эндрю «Хронология международных террористических актов» включает компьютеризированную базу данных международных террористических актов, которые происходили во всем мире с 1968 года по настоящее время. «Хронология» постоянно пополняется с 1972 года, сперва известным американским мозговым центром — корпорацией РЭНД в Санта-Монике (Калифорния) и с 1994 года Центром по изучению терроризма и политического насилия в Университете Сент-Эндрю (Шотландия). Инциденты, включенные в эту хронологию, затрагивают лишь акты международного терроризма, которые определяются здесь как акты, двд совершения которых террористы выезжают за границу, чтобы атаковать свои цели, выбрать жертву или цели, которые имеют связи с иностранным государством (например, дипломаты, иностранный бизнесмен, офисы иностранных корпораций), или создать международные инциденты, нападая на пассажиров авиалинии, персонал и оборудование. Это исключает насилие, выполненное террористами внутри их собственной страны против их соотечественников, и терроризм, совершенный правительствами против их собственных граждан. Должно также быть подчеркнуто, что данные, содержащиеся в хронологии, предназначены только для иллюстрации и не претендуют на то, чтобы быть точным списком международных террористических актов, которые имели место где-либо начиная с 1968 года. Она, соответственно, служит средством выявления тенденций терроризма и экстраполяции вероятных террористических моделей будущего.

57

Талат-паша — один из лидеров организации «Молодые турки». Убит 15 мая 1921 года в Берлине армянским террористом.

58

Жерар Шальян — директор Европейского центра по исследованию конфликтов, представитель направления в геополитике, занимающегося ее историей.

59

Неверно. Южные Молуккские острова с 27 декабря 1946 года входили в состав штата Негара Индонезия Тимор, прекратившего свое существование 17 августа 1950 года в результате преобразования (15 августа 1950 года) федерации Соединенные Штаты Индонезии в унитарную Республику Индонезию.

60

После ареста турецкими спецслужбами 16 февраля 1999 года в г. Найроби (Кения) лидера Курдской рабочей партии Абдуллы Оджалана и вынесения ему смертного приговора (Высший суд по национальной безопасности признал его виновным в государственной измене и сепаратизме и приговорил к смертной казни через повешение) руководящая группа Курдской рабочей партии заявила о прекращении терактов, стремлении удержать других курдов от применения оружия, переходу к политическим методам борьбы и выводу военизированных подразделений из Турции. Смертный приговор Оджалану позже был заменен на пожизненное заключение.

61

Название дано в честь немецкого студента Бенно Онезорге, убитого полицией 2 июня 1967 года во время демонстрации протеста против официального визита шаха Ирана в ФРГ.

62

Кляйн впервые получил дурную славу в связи с его ролью в 1975 году во время захвата в заложники министров Организации стран — экспортеров нефти во время встречи в Вене, которым руководил печально известный Карлос Шакал, венесуэльский террорист Ильич Рамирес Санчес. Seriously раненный при нападении, в 1978 году Кляйн порвал со своими прежними товарищами и полностью отрекся от вооруженной борьбы как средства достижения политических изменений. — Прим. авт.

63

Неверно. Арафат был избран председателем исполкома Организации освобождения Палестины в феврале 1969 года.

64

Игаль Амир — студент-юрист Бар-Иланского университета, член экстремистской организации «Эйяль» («Возмездие»). 4 ноября 1995 года тремя пулями смертельно ранивший Ицхака Рабина, Отбывает пожизненное заключение в израильской тюрьме.

65

С 1826 по 1848 год около 500 тагов были повешены британской администрацией, активно поддержанной местным населением.

66

Как подсчитал Рапопорт, если принять, что тагами было убито свыше миллиона людей, то в среднем они убили 833,333 человека в год. — Прим. авт.

67

Сведения о количественном составе активных идентифицируемых террористических групп с 1968 года до настоящего времени получены из «Хронологии международных террористических актов» (РЭНД — Университет Сент-Эндрю)

68

Фрэнсис Фукуяма — американский историк и социолог, аналитик корпорации РЭНД, был заместителем директора Штаба планирования политики при Госдепартаменте США, ныне профессор Университета штата Вирджиния. Его статья *The End of History?* (1989), из которой взят цитируемый термин, переведена на русский язык (фукуяма Ф, *Конец истории? // Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 134—147).

69

Планы налетчиков, однако, потерпели крах после того, как французские власти узнали об их намерениях и направили командос для штурма самолета, когда он приземлился для дозаправки в Марселе. — Прим. авт.

70

РЭНД (от англ. Research and Development — исследование и развитие) — американская экспертная корпорация, организованная 2 марта 1946 года по заказу ВВС США и частной авиационной фирмы «Дуглас» как научно-исследовательское подразделение, занимающееся долгосрочными прогнозами, всесторонним анализом различных стратегических и технических проблем. В ноябре 1948 года проект РЭНД получил независимый статус, что стало возможным благодаря финансовой помощи со стороны Фонда Форда, предоставившего заем в 100 тыс. долларов. В течение последующих лет Фонд Форда довел размер этого займа до 1 млн долларов и в 1952 году официально превратил его в субсидию на научно-исследовательскую работу. В сферу интересов РЭНД входят программа межконтинентальных баллистических ракет, первичный анализ для формирования внешнеполитической концепции США, инициативы по разработке космических программ, ядерная политика США, анализ деятельности корпораций, проекты в военной области и многое другое.

71

Религиозные террористы были ответственны за 167 из 287 случаев гибели людей в 1995 году (в 71 из 278 террористических актов). — Прим. авт.

72

Согласно «Хронологии международных террористических актов», созданной корпорацией РЭНД и Университетом Сент-Эндрю, между 1982 и 1989 годами шииты ответственны за 1057 смертей. — Прим. авт.

73

«Хезболла» появилась в результате нескольких расколов в движении ливанских шиитов. Ее история прослеживается с 1974 года, когда имам Муса аль-Садр, который учился в священном для шиитов иранском городе Кум, организовал Движение неимущих, чтобы продвинуть интересы шиитов и улучшить социально-экономические условия общины. Это движение затем было преобразовано в главную политическую партию ливанских шиитов «Амаль», которая сформировала собственную милицию во время гражданской войны, охватившей Ливан годом позже. В 1979 году, однако, Аль-Садр исчез во время визита в Ливию. Исчезновение имама создало вакуум в партии «Амаль», что явилось благодатной почвой для иранского вмешательства в дела партии и сделало движение восприимчивым к идеям фундаменталистской революции, которая годом ранее привела Хомейни к власти. Юрист Наби Берри был избран главой партии «Амаль» в следующем году. Хусейн Муссави, цитируемый выше, предполагаемый вдохновитель террористической акции против Ливии для освобождения имама, стал уполномоченным Берри и командующим милицией. Фанатический сторонник Хомейни, Муссави стремился превратить «Амаль» в авангард революции в регионе, используя опыт новой Исламской Республики Иран. Берри, с другой стороны, пытался держаться умеренной линии и защищал новый курс для шиитской общины в рамках существующей государственной структуры Ливана. К этому времени, однако, радикализация шиитов в Ливане зашла гораздо дальше узконационалистических и социальных целей партии «Амаль». В 1981 году Муссави порвал с Берри и основал собственную организацию «Исламский Амаль». Вскоре другая группировка откололась от партии «Амаль» и под предводительством Аббаса Муссави (племянник Хусейна) и духовного лидера шейха Мухаммеда Хусейна Фадлаллаха быстро получила известность как «Хезболла». Подобно «Исламскому Амалю» «Хезболла» взяла на вооружение призыв Хомейни к панисламскому восстанию с целью превратить Ливан в исламскую республику по типу Ирана. — Прим. авт.

74

Элисон Джеймисон в труде «Терроризм» приводит цитату из книги Фадлаллаха «Invisible Armies» («Невидимые армии»): «Мы не считаем себя террористами, потому что мы не верим в терроризм... Мы не считаем сопротивление оккупантам террористическим действием. Мы считаем себя моджахедами, ведущими Священную войну за народ. Вера, религиозная или политическая, — это всё. Для отдельного террориста или человека, поддерживающего терроризм, убийство может быть выражением защиты свободы. Машина, начиненная взрывчаткой, которая убивает мирных жителей, может быть ярким пятном в войне за освобождение; похищение и убийство могут быть шагом к справедливости. Сила убеждения, которая оправдывает личное правосудие любой ценой, почти неизбежно означает, что свобода или справедливость других будет игнорирована или, в худшем случае, растоптана и разрушена». — Прим. авт.

75

Шейх Омар Абдель Рахман (Слепой Шейх) — слепой проповедник из египетского города Эль-Файюм, духовный лидер египетской исламской радикальной группировки «Аль-Гамаа аль-Исламия» (Исламская группа). Приговорен в 1996 году федеральным судом США к пожизненному заключению и еще 65 годам тюрьмы за организацию взрыва в Центре международной торговли в Нью-Йорке.

76

Движение «Хамас» было основано в 1987 году шейхом Ахмадом Ибрагимом Лесиной. Его бюджет оценивается в 70 миллионов долларов ежегодно, пополняется главным образом из Ирана и Саудовской Аравии, хотя палестинцы и арабы в других странах мира (включая США и Великобританию) также финансируют это движение. В дополнение к насильственным действиям «Хамас» также оказывает социальную помощь палестинским общинам в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, включая школы, медицинскую помощь и помощь безработным. В этом отношении «Хамас» умышленно стремится превзойти успех Организации освобождения Палестины и «Хезболла» в оказании социальной помощи одновременно с проведением интенсивной террористической кампании. — Прим. авт.

77

Как однажды объяснил Фатхи Шикаки, генеральный секретарь движения «Исламский джихад», убитый, как считается, секретными службами Израиля на Мальте в 1995 году: «Наша борьба с врагом в Палестине допускает любые возможные формы джихада, включая акции смертников. Враг думал, что он закрыл палестинский вопрос, когда подписал Соглашения в Осло и тем самым смог устранить нас. Это требует от нас специального усилия, чтобы помешать его заговору. Именно поэтому важны действия террористов-смертников». — Прим. авт.

78

Милленаризм (лат. millenium— тысячелетие) — древняя христианская ересь, чаяние радикальной перемены внутри истории. Библейский милленаризм ожидал пришествия царственного мужа, способного восстановить завет мира в Израиле и народах. Ранний христианский милленаризм верил, что Христос вернется на землю, чтобы царствовать во славе тысячу лет с воскресшими праведниками. В XXвеке оба милленаризма стали безрелигиозными. Крайние формы национализма заражены милленаристской идеей: немецкий или русский народ становились носителями надежды на окончательное искупление человеческой истории. По словам Алена Безансона, «милленаризм — это нетерпение тех, кто чаает пришествия Царства Божиего на земле, и их готовность приблизить это пришествие своими руками».

79

Израильская секретная служба, как сообщают, подложила маленькое взрывное устройство, включавшее 2 унции пластида, в сотовый телефон, используемый Аяшем. Оно взорвалось от радиосигнала 5 января 1996 года, когда он отвечал на телефонный звонок своего отца. — Прим. авт.

80

Колонка «Говорит раввин Кахане» регулярно печаталась в американской еврейской газете «Jewish Press». — Прим. авт.

81

Франц Фанон (1925—1961) — мартиникский борец с нацизмом (в составе «Свободной Франции»), французским колониализмом в Алжире, врач-психиатр, писатель. «Невозможно совершить переворот ни в одном обществе, каким бы примитивным оно ни было, без изначально зафиксированного в программе намерения перешагнуть через все препятствия на пути осуществления задуманного. Местный житель, который решит осуществить программу и стать ее движущей силой, должен быть готов на насилие в любое время. Ему ясно с рождения, что устройство этого тесного мира, наполненного запретами, может быть поставлено под вопрос только абсолютным насилием», — считал Фанон (пер. с фр. Е. Никитиной).

82

5 ноября 1990 года Меир Кахане был застрелен в Нью-Йорке последователем шейха Омара Абдель Рахмана египтянином Эль-Сайд Носайром, одним из тех, кто впоследствии был обвинен в организации взрыва в Центре международной торговли (в то время как он отбывал тюремный срок в связи с убийством Кахане), равно как в последующем планировании взрывов мостов и туннелей, £вя-зывающих Нью-Йорк с Нью-Джерси, с целью освободить участников взрыва в Центре международной торговли.

83

Хеврон — один из древнейших городов Палестины, в 34 км к югу от Иерусалима, был столицей царя Давида первые 7 лет его царствования.

84

Информация относительно желания террористов спровоцировать катастрофическую Священную войну между мусульманами и евреями, была подтверждена в беседе автора настоящей книги с офицером сил правопорядка США, который участвовал в расследовании акций еврейских террористов в Соединенных Штатах и был хорошо осведомлен о теракте в Иерусалиме. — Прим. авт.

85

Аман — первый вельможа и любимец царя Артаксеркса, враг иудеев, стремившийся уничтожить их во всей Персии. Был повешен на том дереве, которое приготовил для Мардохея. Пурим празднуется в честь избавления евреев Персии от гибели и, шире, избавления евреев от их врагов.

86

Приговор приведен в исполнение 11 июня 2001 года в федеральной тюрьме штата Индиана в присутствии адвокатов, родственников жертв, биографа Мак-вея Лу Мичела и друга по тюремной переписке Гора Видала. В трансляции казни по телевидению, на чем настаивал Маквей, ему было отказано.

87

Николе был приговорен к пожизненному заключению (продолжает добиваться пересмотра дела).

88

Штурм произошел после 51-дневного противостояния между сектой «Ветвь Давидова» во главе с преподобным Дэвидом Корешем и агентами ВАТФ и ФБР. Кризис начался, когда агенты ВАТФ попытались арестовать Кореша и некоторых его последователей по обвинениям в незаконном владении огнестрельным оружием (в частности в переделке однозарядных нарезных винтовок AR-15 в автоматы). Были также сообщения о противоестественных оргиях и сексуальном насилии над детьми членов культа, что вызвало повышенный интерес сил правопорядка к резиденции секты. Кореш полагал, что он является специальным мессианским посланником Бога, направленным на Землю, чтобы показать скрытый смысл писаний библейской Книги пророков. Благодаря своей харизматической личности Кореш возбудил в своих последователях мысли о неотвратимом искуплении и апокалиптические видения. Смерть Кореша и его последователей наступила 19 апреля 1993 года, когда большая часть членов секты была заживо сожжена на своем ранчо.

89

21 — 22 апреля 1992 года агентами ФБР во время операции по задержанию Рэнди Уивера были застрелены его жена, 14-летний сын и собака. Уивер, обвинявшийся в переделке ружей в обрезы, сдался на 11 -й день осады и был оправдан судом присяжных по всем пунктам, кроме одного (год тюрьмы за обрезы). Впоследствии Уивер выиграл процесс у ФБР, отсудив по 1 млн долларов на каждую из трех дочерей и 100 тыс. долларов на себя. Инцидент стал памятной датой для гражданской милиции и других экстремистских групп и, как полагают, зажег фитиль для теракта в Оклахома-Сити в 1995 году.

90

Полное название фильма «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил бомбу» (1963). Снят по роману Питера Джорджа «Красная тревога». Номинации на «Оскар» (1964) за лучший фильм, лучшую мужскую роль (Питер Селлерс), лучшую режиссуру (Стэнли Кубрик) и лучший адаптированный сценарий (Стэнли Кубрик, Терри Сазерн, Питер Джордж).

91

Скорее, «вооруженная сила»; так именовался закон о полномочиях местных властей, разрешающий созыв мужчин, способных носить оружие, для отражения неприятеля, охраны общественного порядка или поимки беглых преступников.

92

Christian Identity - это расистская религия, проповедующая, что белые (арийцы) восходят к потерянными коленам Израиля (Lost Tribes of Israel) и, следовательно, являются избранными, а евреи - потомки сатаны, остальные же (не белые) — бездушные «грязные люди».

93

Иллюминаты (от лат. illuminatio — озарение, просвещение) — члены тайного общества, основанного 1 мая 1776 года профессором канонического права в Ингольш-тадте Адамом Вайсхауптом для борьбы против религии и защиты рационализма. Иллюминаты стремились к радикальному общественному переустройству. Обществу приписывают длительное подпольное существование, хотя его активная деятельность продолжалась около 10 лет. Послужило образцом для будущих тайных обществ.

94

Это учение разработано в конце 1980-х годов протестантским проповедником Дэвидом Педли, создавшим «Библию Мелхиседека» (по имени ветхозаветного царя Салима), которая состоит из переработанного текста Библии. Его сын в начале 1990-х провозгласил виртуальное государство Доминион Мельхиседека, имеющее территориальные претензии к ряду стран и статус наблюдателя при Азиатско-Тихоокеанском совете.

95

Суд над Асахарой по состоянию на середину 2003 года не завершен. Он обвиняется по 17 статьям и не признает себя виновным по 16 из них, отказываясь отвечать на вопросы обвинения и адвокатов. Девять членов секты уже приговорены судом к смертной казни, но приговор в исполнение не приведен.

96

Неверно. Впервые тираж газеты «Таймс» был напечатан на печатной машине с приводом от паровой машины (изобретение Фридриха Кёнига) 29 ноября 1814 года. Вместо использовавшихся ранее 16 ручных типографских станков, которые обслуживало 32 типографа и 32 вспомогательных рабочих, стало возможным отпечатать тираж на 2 машинах, обслуживаемых 2 печатниками и 4 рабочими, подававшими бумажные листы. Два годами позже была изготовлена машина, способная запечатывать обе стороны листа. В России первую машину Кёнига изготовили в 1829 году на Александровской мануфактуре для Санкт-Петербургской газеты «Северная пчела».

97

Первые действующие модели для двусторонней печати со стереотипов были показаны на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году, а затем в 1862 году. Газета «Тайме» в 1865 году провела испытания такой машины и перешла на офсетную печать со скоростью 5-6 тысяч оттисков в час (у машины Кёнига - 3600 оттисков в час).

98

Аббас задержан американским спецназом 15 апреля 2003 года в Багдаде. Правительство Палестинской автономии требует выпустить его на свободу.

99

19 сентября 1995 года в специальном приложении к «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк тайме» был опубликован манифест Унабомбера. 3 апреля 1996 года Теодор Качински был арестован.

100

Получила название в честь партизанской группы «Тупарамос», активно действовавшей в конце 1960-х — начале 1970-х годов в Уругвае.

101

Другое название — «Хрустальная ночь». Ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, во время которой по всей Германии прошли еврейские погромы и было разрушено и сожжено 267 синагог и 815 магазинов и предприятий, принадлежавших евреям, 20 тысяч евреев арестованы и брошены в концлагеря, 36 человек убито. Общий ущерб составил 25 млн. рейхсмарок, из которых около 5 млн. пришлось на разбитые витрины.

102

24 апреля 1916 года около 1500 ирландских волонтеров во главе с Патриком Пирсом, 200 членов профсоюзной милиции и Ирландская гражданская армия во главе с Джеймсом Конноли захватили несколько зданий в центре Дублина, главпочтамт, вокзалы, провозгласили Ирландскую республику и создали Временное правительство. К 30 апреля британская армия и Королевская ирландская полиция подавили восстание, казнив его лидеров.

103

Группа, организованная в 1979 году Ианом Стюартом Доналдсоном (1957 — 1993), зачинателем движения расистской музыки, после запрета его прежней группы *Tumbling Dice*. Поддерживалась Британским национальным фронтом.

104

Организация называлась Патриотическая внепарламентская оппозиция, создана в 1983 году, до 1993 года бессменно возглавлялась Готфридом Кюсселем. В декабре 1993 года начала террористическую кампанию по рассылке писем-бомб, требуя освобождения Кюсселя из-под стражи, где он находился за публичное разжигание межнациональной розни. В результате пострадала женщина-телекорреспондент, католический священник был серьезно ранен, а мэр г. Вены лишился нескольких пальцев. При аресте членов организации в декабре 1993 года были конфискованы сотни автоматов, гранатометов, пистолетов, гранат, мин и 20 кг тринитротолуола, а партия запрещена.

105

Крупнейший в мире ежегодный праздник пива (проводится с 1810 года). Взрыв бомбы осуществлен 26 сентября 1980 года членом «Военно-спортивной группы Гофмана» Гундольфом Келером, погибшим при совершении этого теракта.

106

Возглавлял организацию «Германские группы действия», на счету которой взрыв на антифашистской выставке в Эссингене (21 февраля 1980 года), взрывы в лагерях для беженцев в Цирсдорфе (30 июля 1980 года) и в Леррахе (IV августа 1980 года), поджог общежития для иностранных рабочих в Гамбурге (22 августа 1980 года). Арестован в сентябре 1980 года. В 1982 году приговорен к 13 годам заключения. В 1990 году освобожден досрочно. Руководит организацией «Германо-российское общее дело — Союз по поддержке Северо-Восточной Пруссии», занимающейся заселением немцами бывшей Восточной Пруссии.

107

Грегор Гизи — адвокат политзаключенных в ГДР и одновременно осведомитель «Штази», председатель Госсовета ГДР (1989 год), председатель Партии демократического социализма (1990— 1993 годы), депутат бундестага, заместитель берлинского бургомистра по вопросам экономики. В 2002 году ушел со всех постов после скандала с присвоением им бонусов за авиаперелеты авиакомпании «Люфтганза».

108

Игнац Бубис (1927— 1999) — председатель Центрального совета евреев Германии и президент Европейского еврейского конгресса, предприниматель, объект нападок левых экстремистов в 1970-х годах (обвинялся в спекуляциях с недвижимостью). Похоронен в Израиле на кладбище Кирият Шаол вблизи могил спортсменов, убитых террористами во время мюнхенской Олимпиады в 1972 году.

109

Один из основателей Общества свободных ирландцев.

110

Один из лидеров радикального крыла «Черных пантер», автор книги «Freeze On Ice» («Отмороженный»). В ноябре 1968 года выпущен из тюрьмы под залог, бежал на Кубу, в 1969 году перебрался в Алжир. В 1975 году вернулся в США, раскаявшись в своей деятельности. Получив условный приговор, начал выступать с проповедями, стал членом евангелистской общины, антикоммунистом и патриотом. Позже вступил в секту Муна.

111

Абу Нидаль (Сабри аль-Банна) покончил с собой в августе 2002 года во время его ареста иракскими спецслужбами в Багдаде.

112

Миллс Чарлз Райт (1916— 1962) — американский социолог. Основные работы посвящены проблеме распределения власти и социальной стратификации в американском обществе. Сформулировал понятия «властвующей элиты» и «социологии воображения». Оказал влияние на идеологию «новых левых».

113

Основанная в 1912 году организация африканского населения ЮАР. С 1960 по 1991 год находилась в подполье. Вела борьбу за ликвидацию режима апартеида. В апреле 1994 года выиграла выборы президента ЮАР (Нельсон Мандела) и с тех пор остается правящей партией (с 1999 года президент - Табо Мбеки).

114

Премьер-министр правительства (декабрь 1978 —февраль 1979 г.), свергнутого исламской революцией.

115

Так в классификации НАТО называется противотанковая управляемая ракета 9ХП/9М14 «Малютка» — один из первых советских реактивных управляемых снарядов. Модификациями этой ракеты оснащались советские вертолеты Ми-8 и Ми-24, а также бронированные разведывательно-дозорные машины и бронемашины пехоты.

116

Правительство Сирии в связи с угрозой сирийско-турецкого конфликта в октябре 1998 года объявило Курдскую рабочую партию террористической организацией и утверждало, что удалило Курдскую рабочую партию с территории страны и запретило ее лидеру Оджалану пребывание в Сирии. Исходя из дальнейшего развития событий (см. с. 96) можно предположить, что Сирия прекратила поддержку курдов.